

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и монетарного регулирования Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некпелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2023

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 03.11.2023

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 4629-23

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Музычук В.Ю.**
Творческие (креативные) индустрии: вызовы для некоммерческого сегмента сферы культуры 7
- Соболева И.В., Чубарова Т.В.**
Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика 40
- Ворожихин В.В., Заварухин В.П., Ларионова Е.И.**
Современные инструменты совершенствования управления развитием науки России 59
- Митяков С.Н., Митяков Е.С.**
Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности 83

ФИНАНСЫ

- Попкова А.С.**
Цифровой банк для инклюзивного финансирования: опыт Китая ... 114

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Чернова В.Ю., Пылин А.Г.**
Влияние геополитических факторов на экономический курс и интеграционные процессы стран Центральной Азии 136
- Дадабаева З.А.**
Сотрудничество прикаспийских стран в экологической сфере: проблемы и перспективы 152
- Ким Б.Ч., Коргун И.А.**
Правовое регулирование двусторонних отношений между Республикой Корея и Европейским союзом 166

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

- Матевосова А.М.**
Исследование инфляционных ожиданий российского населения в условиях санкций на основе больших данных 181

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Muzychuk V.Yu.**
Creative Industries: Challenges for the Non-Commercial Segment
of the Cultural Sector 7
- Soboleva I.V., Chubarova T.V.**
Challenges for Human Potential Reproduction: Global Trends
and Russian Specifics 40
- Vorozhikhin V.V., Zavarukhin V.P., Larionova E.I.**
Modern Tools for Improving the Management of Science Development
in Russia 59
- Mityakov S.N., Mityakov E.S.**
Developing the Theory of Economic Security Risks and Thresholds 83

FINANCE

- Popkova A.S.**
Digital Financial Inclusion Bank: China's Experience 114

WORLD ECONOMY

- Chernova V.Yu., Pylin A.G.**
The Influence of Geopolitical Factors on the Economic Policies
and Integration Processes of Central Asian Countries 136
- Dadabayeva Z.A.**
Cooperation of the Caspian Countries in the Environmental Sphere:
Problems and Prospects 152
- Kim B.Ch., Korgun I.A.**
Legal Foundations for the Development of Bilateral Relations
between the Republic of Korea and the European Union 166

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

- Matevosova A.M.**
Russians' Inflation Expectations Under Sanctions: Big Data Research ... 181

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Ю. МУЗЫЧУК

доктор экономических наук, доцент,
зам. директора по научной работе ФГБУН Институт экономики РАН,
главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

ТВОРЧЕСКИЕ (КРЕАТИВНЫЕ) ИНДУСТРИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

В статье проведен подробный анализ концепта творческих (креативных) индустрий, который в настоящее время активно внедряется в культурную практику современной России. В работе предпринята попытка ревизии терминологического аппарата (индустрия культуры – культурные индустрии – творческие (креативные) индустрии). В случае с творческими (креативными) индустриями речь идет о сочетании 3-х элементов: творческой активности, предпринимательских способностей и прав интеллектуальной собственности, вследствие чего в экономике создается добавленная стоимость, а полученный результат обращается на рынке. Львиная же доля культурных благ, создаваемых в некоммерческом сегменте сферы культуры, не относится к творческим (креативным) индустриям. Подмена понятий чревата тем, что от сферы культуры требуют все больше зарабатывать, а это входит в противоречие с той миссией, ради которой создавались государственные (муниципальные) учреждения культуры: приобщение широких слоев населения к культурным ценностям. Несмотря на то, что эксперты признают, что в настоящее время в исследовательской среде отсутствует консенсус в отношении четких критериев отнесения тех или иных видов деятельности к творческим (креативным) индустриям, в России нарастают вызовы для некоммерческого сегмента сферы культуры: происходит его постепенное вытеснение в сторону коммодификации и коммерциализации. В принятой в конце 2021 г. Концепции развития творческих (креативных) индустрий... произошло отождествление некоммерческого сегмента сферы культуры с творческими (креативными) индустриями, к которым были отнесены и театры, и музеи, и даже библиотеки. Более того, последние стали «точками входа» в творческие (креативные) индустрии. В статье показано, что задача активизации экономического роста в регионах России, ради которой разрабатывалась Концепция развития творческих (креативных) индустрий, не может быть решена исключительно силами Минкультуры России, так как оно не обладает для этого соответствующим функционалом, финансовыми ресурсами, аппаратным весом и профессиональными кадрами.

Ключевые слова: творческие (креативные) индустрии, культурные индустрии, сфера культуры, культурная политика, коммодификация культуры, коммерциализация культуры.

УДК: 338.46

EDN: BXIKUF

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_7_39

1. Вводные замечания

Концепт творческих (креативных) индустрий с конца 90-х гг. прошлого века пользуется неизменным успехом в научном и экспертном сообществе, в среде политиков и чиновников, в России и за рубежом. За это время было опубликовано огромное количество научных статей и монографий по данной проблематике, в том числе в контексте междисциплинарных исследований: экономики и менеджмента, экономики культуры и культурной политики, культурологии и социологии, экономической и культурной географии и др. Также вышли в свет десятки докладов и отчетов, подготовленных крупнейшими международными организациями и экспертно-аналитическими центрами, среди которых выделим работы последних пяти лет: ОЭСР, ЮНЕСКО, ЮНКТАД, Европейского инвестиционного фонда, Делойт¹.

Несмотря на сверхпопулярность данной проблематики, эксперты признают, что в настоящее время в исследовательской среде отсутствует консенсус в отношении четких критериев отнесения тех или иных видов деятельности к креативным индустриям. Так, авторы масштабного оксфордского сборника по креативным индустриям приводят различные международные и национальные перечни креативных индустрий (UNESCO (1986), DCMS (2001, updated 2013, 2014), WIPO (2003), Americans for the Arts (2005), KEA European Affairs (2007), and UNCTAD (2008))², однако признают, что «нелегко выделить основные параметры, определяющие, что относится или не относится к креативным индустриям» [1, р. 5]. Т.В. Абанкина также отмечает, что «понятие творческих (креативных) индустрий непосредственно связано с региональной и национальной спецификой и отличается от страны к стране; универсального прикладного понимания креативных индустрий в мире не существует. В результате простые, очевидные и сквоз-

¹ The Culture Fix: Creative People, Places and Industries. Local Economic and Employment Development. Paris: OECD Publishing, 2022; Economic and Social Impact of Cultural and Creative Sectors. Note for Italy G20 Presidency Culture Working Group. Paris: OECD Publishing, 2021; Cultural and Creative Industries: in the Face of COVID-19. An Economic Impact Outlook. UNESCO, 2021; Market Analysis of the Cultural and Creative Sectors in Europe: A Sector to Invest in. Luxembourg: European Investment Fund, KEA European Affairs, 2021; The Future of the Creative Economy. A report by Deloitte, 2021; Creative Economy Outlook: Trends in international trade in creative industries. Geneva: UNCTAD, 2018.

² UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization); DCMS (The Department for Culture, Media and Sport, UK Government); WIPO (The World Intellectual Property Organization); Americans for the Arts (The USA leading nonprofit organization for advancing the arts and arts education); KEA European Affairs (International policy design research center specialized in the cultural and creative industries); UNCTAD (The United Nations Conference on Trade and Development).

ные для всех отраслей экономики критерии распознавания компаний, которые относятся к креативному сегменту экономики, отсутствуют» [2, с. 15]. И. Риззо и А. Мигноза полагают, что «расширение сферы применения экономики культуры привело к увеличению внимания, уделяемого культурным/творческим индустриям. Этот, иногда спорный термин относится почти ко всем «формам» искусства и культуры, включая культурное наследие. Связь между ним и культурными/творческими индустриями становится очевидной, если принять во внимание технологии» [3, р. XXVI].

В России в конце 2021 г. была утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.»³ (далее по тексту – Концепция креативных индустрий). В ней представлен настолько широкий перечень областей, включенных в творческие (креативные) индустрии, – от моды и дизайна до архитектуры и разработки программного обеспечения, что происходит растворение или замещение некоммерческого сегмента сферы культуры творческими (креативными) индустриями. Более того, согласно ведомственному проекту Минкультуры России «Гений места»⁴, общедоступные библиотеки – учреждения культуры по роду своей деятельности не приспособленные к предпринимательской активности – с конца 2021 г. стали рассматриваться как «точки входа в креативные индустрии»⁵. Таким образом общедоступные библиотеки оказались операторами проекта по запуску в регионах креативных индустрий и активизации экономического роста, вызывает недоумение прежде всего с экономической точки зрения. В результате, отечественная версия творческих (креативных) индустрий способствует коммодификации, маркетизации и коммерциализации культурных благ и некоммерчески ориентированных видов культурной деятельности.

Следует отметить, что Концепцию креативных индустрий нужно рассматривать не саму по себе, а в связке с теми рыночными преобразованиями, которые осуществляются в экономике России в целом

³ Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р).

⁴ «Гений места» – ведомственный проект Минкультуры России, осуществляемый в рамках реализации федерального проекта «Придумано в России», создан в целях формирования в регионах современной инфраструктуры для развития креативной экономики. Таким образом, библиотеки включаются в работу по социально-экономическому развитию территорий.

⁵ Итоговый отчет по реализации проекта по созданию точек концентрации талантов «Гений места» на базе библиотек – 2022. М.: Российская гос. б-ка, 2022. С. 5.

и бюджетном секторе в частности на протяжении последних 20-ти лет: с начала 2000-х гг. прослеживается четкая тенденция к коммерциализации сферы культуры. В первую очередь это связано с реформированием бюджетного сектора и оптимизацией бюджетных расходов социальной направленности. По мнению чиновников финансово-экономических ведомств в бюджетном секторе в целом, и в сфере культуры в частности, низкая производительность труда, снижающая эффективность использования бюджетных средств⁶, поэтому сфера культуры должна активно зарабатывать, а не пассивно тратить государственные средства⁷. В последние годы активно продвигается концепт креативных индустрий, призванных реформатировать работу сферы культуры в направлении генерации новых источников внебюджетных доходов за счет производства добавленной стоимости⁸.

Целью данной статьи является анализ концепта креативных индустрий на основе корпуса англоязычных научных и экспертных текстов, включая ревизию понятий в рамках терминологической цепочки: индустрия культуры – культурные индустрии – творческие (креативные) индустрии, а также выявление основных критериев и областей отнесения тех или иных видов деятельности к креативным индустриям. В контексте вызовов для некоммерческого сегмента сферы культуры проведен анализ отечественной Концепции творческих (креативных) индустрий и Плана ее реализации, а также результатов реализации федерального проекта «Сделано в России» и ведомственного проекта Минкультуры России «Гений места» за 2022 г. В работе также представлена структура расходов домашних хозяйств по статье «организация отдыха и культурные мероприятия»

⁶ Доклад «Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета». М.: Министерство финансов РФ, 2015. С. 37–41.

⁷ Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 января 2019 г. № 117-р; Методические рекомендации по реализации Программы оптимизации расходов бюджета субъекта РФ от 26.02.2018 г.

⁸ В качестве примера можно привести название панельной дискуссии на Российской креативной неделе-2023: «Самокупаемость культурной институции: работающие стратегии и новые возможности». В качестве анонса было заявлено: «Бытует мнение, что НКО и культурные организации не могут и мечтать о самокупаемости. При этом 100-летний опыт внедрения патерналистской модели культурной политики в грамотном сочетании с инструментами маркетинга позволяет институциям Британии, Европы, США не только регулярно сокращать объемы государственного финансирования и выходить на самокупаемость, но и зарабатывать. Коллаборации, оптимизация издержек, диджитал-реклама, стратегические партнерства с бизнесом и медиапартнерами, маркетинговый календарь – это все не пустой звук для современных директоров по развитию и маркетингу, продюсеров музеев, театров, библиотек, фестивалей и парков». <https://creativityweek.ru/program/meeting/276> (дата обращения: 03.07.2023).

с целью показать бесосновательность и бесперспективность рассмотрения некоммерческого сегмента сферы культуры в качестве драйвера развития креативных индустрий.

В статье не оспаривается определенная роль и вклад креативных индустрий в активизацию экономического роста, но ставится под сомнение сама постановка вопроса, связанная с попыткой замещения некоммерческого сегмента сферы культуры креативными индустриями. Как подчеркивает Д. Хезмондалц, «привлечение внимания к коммодификации ставит вопросы о демаркационной линии между тем, что может продаваться, а что нет. Все общества пытаются исключить некоторые области из рыночных отношений. Примерами служат религия, личная жизнь, политическая сфера и искусство. Проблема проникновения рыночных отношений в культуру и рост коммодификации в культурной сфере не могут быть просто оставлены без внимания. Игнорировать негативные последствия дальнейшей коммодификации для культурного производства и потребления еще более опасно» [4, с. 86].

2. Ревизия понятийного аппарата

Для целей настоящей статьи представляется важным разобраться в понятийном аппарате и проследить последовательность и логику перехода к тому или иному понятию в рамках терминологической цепочки: *индустрия культуры – культурные индустрии – творческие (креативные) индустрии*.

Понятие «*индустрия культуры*» (*Kulturindustrie*) впервые появилось в известной работе Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика просвещения» (1949 г.), в которой они «...замахнулись ни больше, ни меньше как на то, чтобы дать ответ на вопрос, почему человечество, вместо того чтобы прийти к истинно человеческому состоянию, погружается в пучину нового типа варварства» [5, с. 8]. Индустрия культуры возникает одновременно с появлением феномена массовой культуры. Продукты индустрии культуры перестают быть носителями идеи. Главное – производимый эффект, а не их содержание. Искусство становится товаром, а у потребителей атрофируются способности к воображению и спонтанной реакции. «Единым мерилom качества является тут доза выставленных на показ инвестиций («*conspicuous production*»). Соответствующие лишь бюджету индустрии культуры стоимостные дифференциации вообще не имеют никакого отношения к различиям содержательным, к самому смыслу производимых продуктов» [5, с. 154]. Согласно Т. Адорно и М. Хоркхаймеру, произошел сдвиг в сторону коммодификации культуры, в результате чего внимание было перенесено с создания культурных благ на отношения между их производителями и потребителями [6, р. 17].

Исследователи признают, что концепция «индустрии культуры» быстро сошла на нет. С середины 60-х гг. прошлого века ей на смену пришла концепция «индустрии знаний» (*knowledge industry*) австрийско-американского экономиста Ф. Махлупа, которого «больше заботила оценка участия этой новой отрасли промышленности в национальном продукте, чем ругань против вульгаризации культуры» [7, р. 54]. На смену «индустрии знаний» пришла концепция индустрии информации (*information industry*), введенная экономистами Стэнфордского университета, к которой относились: базовая информация (банки данных, финансовая, коммерческая, научная информация и т.п.); так называемая культурная информация (фильмы, сериалы, книги, газеты, журналы и т. д.), а также вся область ноу-хау (патенты, оценка, консультирование, менеджмент и т. д.), что стало предтечей для зарождения новой формы общества, пришедшего на смену индустриальному, – информационного общества, в котором информация и знание становились не только ведущим фактором производства, но и новым инструментом правительства [7, р. 55–56].

С конца 80-х гг. XX в. под культурными индустриями во множественном числе стали понимать «процессы вертикальной и горизонтальной концентрации и конгломерации тех видов деятельности, которые ранее были отдельными отраслями печатного дела, кино, радиовещания и музыки, а впоследствии составили единый экономический сектор в глобальном масштабе» [6, р. 20]. В Канаде, Австралии и Новой Зеландии стали разрабатываться подходы, основанные на признании экономической ценности культурных индустрий и оценки их вклада в экономический рост на основе добавленной стоимости.

Дэвид Хезмондалш в своем масштабном исследовании «Культурные индустрии» утверждает, что «устойчивый рост значения этих индустрий следует понимать как этап долгой коммодификации культуры» [4, с. 26]. С одной стороны, он указывает на «новую социальную и экономическую значимость коммерческого культурного производства» [4, с. 81], с другой – фокусирует внимание на культурных индустриях как виде производственной деятельности [4, с. 32]. В результате «культурные индустрии стали рассматриваться в качестве престижной формы получения прибыли» [4, с. 130]. Хезмондалш выделяет следующие основные предпосылки, которые способствовали индустриализации культуры и «распространению капитализма на область культуры» [4, с. 34]:

- бурный рост информационно-коммуникационных технологий, в особенности развитие Интернета и глобальной сети; производство персональных компьютеров и достижения в потребительской электронике; цифровизация (с. 14, 140–141);
- вложения транснациональных корпораций в кино, телевидение и звукозаписывающие компании, поскольку последние стали

приобретать все большее социальное и политическое значение (с. 33);

- значительное увеличение расходов на рекламу, которая стала важным средством для зарабатывания денег представителями творческого труда (с. 15, 79);
- управление и продажи особого рода труда, оплата которого зачастую осуществляется в форме отчислений по авторским правам (с. 79);
- растущая важность нематериальных активов компаний, включая ценность их брендов (с. 21);
- конвергенция культурных индустрий с телекоммуникационным и компьютерным секторами (с. 25).

В свою очередь продукты культурных индустрий имеют следующие особенности:

- связаны с промышленным производством и распространением контента (с. 28);
- серийность является распространенным типом форматирования/тиражирования (с. 43);
- высокие постоянные издержки и низкие переменные издержки (как только готов «сигнальный экземпляр», все остальные копии сделать относительно легко) (с. 39–40);
- средства промышленного воспроизводства культурных индустрий относительно дешевы, поэтому приходится искусственным образом создавать дефицит, увеличивающий ценность товаров, путем ограничения доступа к ним (с. 40);
- сильная ориентация на «максимизацию аудитории» (с. 40);
- слабый контроль над создателями контента, но жесткий контроль над дистрибуцией и маркетингом (с. 43).

Хезмондалш постоянно подчеркивает связку культурных индустрий с интересами политических и бизнес-элит, в том числе отстаивающих интересы транснациональных корпораций. Продукты культурных индустрий «распространяются влиятельными корпорациями. Эти корпорации, как любые бизнес-структуры, заинтересованы в прибыли. Они хотят поддерживать условия, в которых бизнес в целом, в том числе и их собственный, может приносить большие прибыли. Отсюда возникает ключевой вопрос: не служат ли культурные индустрии, в конечном счете, интересам своих владельцев и их менеджеров, а также их союзникам по политике и бизнесу?» [4, с. 16–17]. Ужесточение законодательства об интеллектуальной собственности способствовало тому, чтобы «бизнес, работающий в сфере культурных индустрий, зарабатывал деньги на авторских правах» [4, с. 126].

С начала 2000-х гг. произошел постепенный переход от «культурных индустрий» к «креативным индустриям». Авторы оксфордского сбор-

ника по креативным индустриям признают, что уже в начале 2000-х гг. появились исследования, в которых обосновывалось изменение терминологического аппарата, – переход от культурных индустрий к креативным индустриям, поэтому предлагают рассматривать первые в качестве подмножеств последних, «поскольку они зависят от творчества и извлекают стоимость из этого творчества» [1, р. 5]. По мнению австралийского экономиста Д. Тросби, «набор культурных индустрий в экономике можно рассматривать как подмножество более обширной группы творческих индустрий» [8, р. 60]. В докладе ЮНЕСКО признается, что «термин «культурные индустрии» взаимозаменяем с понятием «креативные индустрии». Между тем понятие «культурные индустрии» подчеркивает культурное наследие, традиционные и художественные элементы творчества, в то время как понятие «креативные индустрии» имеет тенденцию делать акцент на индивидуальных творческих талантах и инновациях, а также на использовании интеллектуальной собственности»⁹. Специалисты также отмечают, что в креативных индустриях производятся товары, которые в большей степени служат достижению эстетической цели, нежели сугубо утилитарной, в отличие от промышленного производства [1, р. 119]. Одновременно с символическим значением креативные продукты содержат в себе экономическую составляющую: «чтобы быть востребованными, они должны удовлетворять символическому; чтобы быть жизнеспособными, они должны решать экономические проблемы»¹⁰. По мнению Р. Хьюисона, «идея креативных индустрий является оксюморомом, поскольку цель творчества – производить что-то уникальное, а цель индустрии – производить что-то, что прибыльно воспроизводимое» [9, р. 41].

Джон Хокинс в своей известной работе «Креативная экономика: как превратить идеи в деньги» под творчеством (*creativity*) понимает «способность генерировать что-то новое». Причем «творчество не обязательно является экономической деятельностью, но может стать таковой, когда оно порождает идею, имеющую экономическое применение, или продукт, который можно продать (*tradeable product*)». Переход от идеи к продукту означает, что «идея выявлена, названа и реализована на практике, в результате чего ей можно владеть и торговать». Творческий продукт может проявляться как в овеществленной, так и неовеществленной формах, но обязательно обладает двумя основными характеристиками: «он является результатом творческой деятельности и имеет распознаваемую экономическую ценность» [10].

⁹ Statistics on Cultural Industries. Framework for the Elaboration of National Data Capacity Building Projects. Bangkok: UNESCO Bangkok, 2007. P. 11.

¹⁰ Там же.

Ядром креативных индустрий является искусство, но «у представителей искусства нет монополии на творчество, и они не единственные работники креативной экономики». Д. Хокинс признает, что «творчество присутствует на всех уровнях бизнеса: от управления компанией до разработки, брендинга и формы каждого продукта». Но творчество само по себе не ведет к созданию творческого продукта. Для креативных индустрий имеет значение не творчество, а творческий продукт. «Креативная экономика состоит из сделок с этими творческими продуктами; <...> креативная экономика (СЕ) эквивалентна стоимости творческих продуктов (СР), умноженной на количество транзакций (Т); то есть $СЕ = СР \times Т$ » [10]. Таким образом, акт творчества становится творческим продуктом, когда он несет в себе экономическую ценность и становится объектом «купли-продажи» на рынке.

Еще одной важной чертой креативных индустрий, на которую обращает внимание Д. Хокинс, является тот факт, что их творческий продукт может являться объектом интеллектуальной собственности. При этом Хокинс подчеркивает, что «интеллектуальная собственность – отнюдь не то же самое, что любая идея или часть знания, которые нам посчастливилось иметь; это исключительно то, что, согласно закону, мы знаем или имеем»¹¹. Принято выделять четыре вида интеллектуальной собственности: авторское право, патенты, торговые марки и промышленные образцы, причем в креативных индустриях преобладают именно авторские права. Так, в трактовке Департамента культуры, СМИ и спорта Правительства Великобритании (2014) акцентируется внимание на потенциале креативных индустрий «для создания богатства и рабочих мест посредством генерирования и использования интеллектуальной собственности»¹². Хокинс отмечает два тренда в развитии креативной экономики: творческие люди и организации становятся более бизнес ориентированными, а бизнес становится более зависимым от творческой составляющей. В совокупности они «создают больше авторских прав и регистрируют больше патентов, и часто требуют приватизации того, что было общественным» [10].

Квинтэссенция креативных индустрий отражена в первой фразе, с которой начинается оксфордский сборник по креативным индустриям: «Даже если в большинстве видов человеческой деятельности присутствуют элементы творчества, не все отрасли организованы таким образом, чтобы использовать и улавливать рыночную стоимость творческого потенциала человека» [1, р. 3]. Из всего вышесказанного следует, что *креативные индустрии – это обязательное сочетание твор-*

¹¹ Там же.

¹² Creative Industries Economic Estimates. London: Department for Culture, Media and Sport, 2014.

ческих и предпринимательских способностей, в процессе реализации которых создается рыночный продукт, преимущественно подлежащий регламентации на основе законодательства об интеллектуальной собственности. Поэтому создаваемые в креативных индустриях товары и услуги по аналогии с любыми другими продуктами материального производства интегрированы в рыночную систему и способны приносить прибыль. «Креативные индустрии становятся более коммерческими и более конкурентоспособными (что не всегда им по душе)» [10].

В настоящее время в научных и экспертно-аналитических публикациях все чаще используются оба термина: культурные и креативные индустрии. Так, в докладе ОЭСР – 2022 г. они позиционируются как драйверы экономического роста, важность которых обусловлена сочетанием эстетики с экономической отдачей, аккумулярованием доходов, увеличивающейся добавленной стоимостью и новыми рабочими местами для развития городов и регионов¹³.

Однако отнесение тех или иных видов деятельности к культурным и креативным индустриям варьируется от страны к стране. Одно и то же название не означает аналогичного содержания. Как уже было сказано выше, до сих пор не существует консенсуса ни в исследовательской, ни в экспертной среде. Более того, основное содержание культурных и креативных индустрий определяется целями и задачами каждого конкретного проекта или странового подхода.

3. Основные подходы к содержанию креативных индустрий

Авторы оксфордского сборника по креативным индустриям признают, что «предыдущие обсуждения и классификации привели к путанице и конкурирующим спискам того, что является или не является креативной индустрией» [1, р. 21]. Выделяют три основных критерия отнесения к креативным индустриям: 1) по сферам деятельности (областям); 2) по типу креативного продукта; 3) по видам занятости.

Рассмотрим основные различия в подходах международных организаций (плюс британский подход) к отнесению тех или иных видов деятельности к культурным и креативным индустриям (см. табл. 1)¹⁴.

¹³ The Culture Fix: Creative People, Places and Industries. Local Economic and Employment Development. Paris: OECD Publishing, 2022.

¹⁴ Поскольку в Великобритании впервые на государственном уровне была предпринята попытка институционализации и оценки культурных/креативных индустрий, в таблице 1 содержатся данные Департамента культуры, СМИ и спорта Правительства Великобритании (DCMS – The Department for Culture, Media and Sport, UK Government).

Таблица 1

Культурные и креативные индустрии в программных документах отдельных организаций

UNESCO (1986)	WIPO (2003)	KEA (2007)	UNCTAD (2008)	UNESCO (2009)	DCMS (2013)
Социокультурная деятельность					
Природа и окружающая среда					
Игры и спорт					
Культурное наследие		Наследие	Наследие	Культурное и природное наследие	
Печатная продукция и литература	Печать и литература	Книги и печать	Издательские медиа	Книги и печать	Издательская деятельность
Музыка и исполнительские искусства	Музыка, театральные постановки и оперы	Исполнительские искусства	Исполнительские искусства	Представления и празднества	Исполнительские искусства
		Музыка			Музыка
Изобразительные искусства (включая художественные промыслы)	Изобразительное и графическое искусство	Изобразительные искусства	Изобразительные искусства	Изобразительные искусства и художественные промыслы и ремесла	Искусство и антикварный рынок
Фотография	Фотография			Фотография	Художественные промыслы и ремесла
Кино	Кино-и видеопродукция	Кино-и видеопродукция	Аудиовизуальные медиа	Аудиовизуальные и интерактивные медиа	Кино- и видеопродукция
Радио и телевидение	Радио и телевидение	Телевидение и радио			Телевидение и радио
	Рекламные услуги	Реклама	Реклама		Реклама
			Креативные услуги		Интерактивный досуг
			Игры, новые медиа		
		Дизайн	Дизайн	Дизайн	Дизайн, мода
		Архитектура	Архитектура	Архитектура	Архитектура
	Программное обеспечение и базы данных	Видеоигры	Программное обеспечение. цифровой контент и игры		Программное обеспечение и компьютерные услуги

Источник: адаптирована автором на основе таблицы из [1, р. 29–30]. Добавлена информация по UNESCO (2009); скорректирована информация по DCMS (2013).

Источники: UNESCO (1986): The UNESCO Framework for Cultural Statistics, Office of Statistics UNESCO, 1986; WIPO (2003): Guide on Surveying the Economic Contribution of the Copyright-Based Industries. Geneva: WIPO Publication, 2003; KEA (2007): Cultural and Creative Industries in Europe: Coherent Policy in a Globalized World. Brussels: KEA European Affairs, 2007; UNCTAD (2008): Creative Economy Report – 2008. The Challenge of Assessing the Creative Economy: towards Informed Policy-making. UNCTAD, 2008; UNESCO (2009): Measuring the Economic Contribution of Cultural Industries. A review and assessment of current methodological approaches. UNESCO, Institute of Statistics, 2009; DCMS (2013): Classifying and Measuring the Creative Industries. Department for Culture, Media & Sport, 2013.

Неудовлетворительность подобного рода структуры культурных/креативных индустрий обусловлена тем, что при выборе областей или сфер деятельности отсутствует четкий критерий отбора. Так, например, Хезмондалш выделяет следующие области культурных индустрий, критерием отбора которых является связь с промышленным производством и распространением контента [4, с. 28–29]:

- широкое вещание: радио и телевидение, включая их новейшие кабельные, спутниковые и цифровые формы;
- киноиндустрия: она включает распространение фильмов на видео, DVD и в других форматах, а также на телевидении;
- аспекты Интернета, связанные с контентом (другие аспекты являются частью компьютерной или телекоммуникационной индустрии);
- музыкальная индустрия: запись (которая, конечно же, включает звукозапись вообще, а не только запись музыки, но по большей части сконцентрирована на ней), издание и концерты;
- печать и публикация в электронном виде: включает книги, CD-ROM, онлайн-базы данных, информационные услуги, журналы и газеты;
- видео- и компьютерные игры: или цифровые игры;
- реклама и маркетинг.

В перечне Хезмондалша отсутствуют такие сферы деятельности, как разработка программного обеспечения, мода, дизайн, архитектура и др., поскольку они не связаны с распространением контента. Вместе с тем сюда не попали те виды культурной деятельности, которые имеют некоммерческую природу, а потому не относятся к «культурному производству».

Хокинс выделяет пятнадцать отраслей и направлений креативных индустрий, классифицируя их в соответствии с вкладом в национальную экономику через создание добавленной стоимости, а также фокусируя внимание на типе креативного продукта: 1) реклама (с акцентом на логотипы, торговые марки, слоганы и проч.); 2) архитектура (как бизнес, связанный с авторским правом); 3) искусство (арт-рынок: продажа антиквариата (арт-дилеры, аукционы) и современного искусства (галерейный бизнес); 4) ремесла (продажа ремесленных изделий на арт-рынке и в рамках туристической отрасли); 5) дизайн (преимущественно промышленный дизайн); 6) индустрия моды (верхний сегмент легкой промышленности, сочетающий в себе искусство, ремесла, дизайн, производство, розничную торговлю и рекламу); 7) киноиндустрия (преимущественно показ и дистрибуция); 8) музыкальная индустрия (преимущественно исполнение, издание/лицензирование, звукозапись); 9) исполнительские искусства (весь процесс создания постановки: от продюсирования до

маркетинга и администрирования)¹⁵; 10) издательская деятельность (копирование с акцентом на технологии дизайна и иллюстрирования, а также финансовые и маркетинговые функции бэк-офиса); 11) научно-технические исследования и разработки (НИОКР как патентный бизнес); 12) программное обеспечение (интеллектуальная собственность на компьютерные программы); 13) игрушки и видеоигры (название защищено брэндом, а дизайн – авторским правом); 14) телевидение и радиовещание; 15) компьютерные игры (интеллектуальная собственность на компьютерные игры) [10].

Перечень Хокинса охватывает широкий спектр сфер деятельности, но с акцентом на создании креативного продукта, обращающегося на рынке. В этой связи культурная деятельность представлена в части арт-рынка, галерейного бизнеса, театральной антрепризы и т. д., т. е. тех видов деятельности, которые коммерчески ориентированы и поэтому успешно инкорпорированы в рыночные отношения.

Отнесение к культурным/креативным индустриям по виду занятости включает в себя как работников, непосредственно занятых в этих секторах (в том числе тех, кто не занимается творческим трудом), так и работников других секторов экономики, занимающихся творческими видами труда (например, дизайнер на автомобилестроительном заводе)¹⁶. Так, занятость в креативной экономике Великобритании рассчитывается как сумма трех составляющих: 1) вспомогательные рабочие места в креативных индустриях (*support jobs*); 2) творческий труд в креативных индустриях; 3) творческий труд вне креативных индустрий. Например, в 2012 г. из 100% занятых в креативной экономике 31% рабочих мест пришлось на сектор программного обеспечения и компьютерных услуг, 18% – на рекламу и маркетинг, а на музеи, галереи и библиотеки – 4%¹⁷. Такой подход еще более размывает границы культурных/креативных индустрий, что не вносит ясности в понимание данного феномена. Британские исследователи признают, что «при оценке экономического вклада креативных индустрий авторское право позволяло включать в него компьютерное программное обеспечение, что давало возможность значительно завышать размеры сектора креативных индустрий» [11, p. 237].

Вместе с тем эксперты отмечают, что «на практике правительства в зависимости от своих целей по-разному формируют сферу культур-

¹⁵ В данном случае речь идет об американской модели организации театрального дела (на примере бродвейских постановок), которая не имеет ничего общего с отечественной моделью репертуарного театра.

¹⁶ Creative Industries Economic Estimates. London: Department for Culture, Media and Sport, 2014.

¹⁷ Там же, p. 9.

ных и творческих индустрий, зачастую применяя волюнтаристский подход и утверждая, что этот сектор, возможно, более значим с экономической точки зрения, чем он есть на самом деле» [12, р. 6].

Принципиально иной взгляд на культурные/креативные индустрии был представлен в специальном докладе, подготовленном консалтинговой компанией KEA European Affairs для Европейской комиссии (Генеральный директорат по образованию и культуре) в октябре 2006 г. В нем, в частности, была предпринята попытка оценки рыночного потенциала культурных и креативных индустрий¹⁸. Речь шла именно о тех видах экономической деятельности, которые сопряжены со сферой культуры и создают добавленную стоимость. *Адаптируя предложенную методологию к современным условиям, можно сказать, что основу креативной экономики составляет ядро, представленное сферой культуры, в обрамлении трех индустриальных контуров:*

ядро креативной экономики – сфера культуры – непродуцируемая деятельность, в рамках которой создаются невозпроизводимые культурные блага (non-reproducible): изобразительное искусство, включая живопись, скульптуру, ремесла, фотографию; художественные и антикварные рынки; исполнительское искусство, включая оперу, симфонические оркестры, театр, танец, цирк; наследие, включая музеи, объекты наследия, археологические памятники, библиотеки и архивы. Как правило, результаты культурной деятельности выступают объектом авторских прав.

первый индустриальный контур – культурные индустрии – производственная деятельность, связанная с созданием культурной продукции, предназначенной для массового воспроизводства, распространения и экспорта: кино- и видеопродукция, видеоигры, телевидение и радиовещание, музыкальная индустрия, издательская деятельность и СМИ.

второй индустриальный контур – креативные индустрии – производственная деятельность, где культура выступает в качестве творческой составляющей (ресурса) в создании товаров и услуг, не относящихся к сфере культуры: дизайн (дизайн одежды, дизайн интерьера, промышленный дизайн), архитектура, реклама. Причем под творчеством (креативностью) понимается использование ресурсов культуры в качестве промежуточного потребления в производственном процессе тех секторов экономики, которые не связаны с культурой. В данном случае креативность понимается как источник инноваций.

третий индустриальный контур – производственная деятельность, связанная с использованием продуктов интеллектуальной собственности

¹⁸ The Economy of Culture in Europe. Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture). Brussels: KEA European Affairs, 2006. Pp. 2–3.

и развитием ИТ сектора (разработка программного обеспечения, производство компьютеров, аудио- и видеооборудования и т. п.).

Данный методологический подход к культурным/креативным индустриям, во-первых, позволяет выделить некоммерческий сегмент культуры в качестве ядра креативной экономики, в котором превалирует непроизводственная деятельность, а потому не создается добавленная стоимость. Во-вторых, оценить рыночный потенциал сопряженных со сферой культуры культурных и креативных индустрий, в которых создается добавленная стоимость. Причем по мере удаления от ядра ослабевает влияние творческой составляющей в производстве конечного продукта. В этой связи некоммерческий сегмент сферы культуры, в массе своей представленный государственными (муниципальными) учреждениями культуры, априори не может быть драйвером экономического роста и создания добавленной стоимости. Поэтому очень важно не подменять некоммерческий сегмент сферы культуры культурными и креативными индустриями.

4. Критический взгляд на феномен креативных индустрий: опыт Великобритании

По мнению британских исследователей, появление концепта культурных индустрий было связано с усилением неolibеральной доктрины в экономической повестке британского правительства, которое пришлось на время правления Маргарет Тэтчер в качестве премьер-министра Великобритании. «В своих наиболее отталкивающих формах мейнстримная экономика способствовала укреплению неolibерального подхода к культуре» [4, с. 51].

Известно, что в 80-е гг. прошлого века были значительно урезаны субсидии государства на поддержку культуры и искусства, что серьезно накалило отношения между правительством и культурным сообществом. С 1984 г. была запущена инициатива привлечения в культурный сектор финансовых средств со стороны бизнеса через реализацию Плана по стимулированию спонсорства (*Business Sponsorship Incentive Scheme*), реализация которого осуществлялась вплоть до 2009 г. Администратором Плана стала специально созданная для этих целей некоммерческая организация «Искусство и бизнес» (*Arts and Business*), отчитывающаяся о результатах своей деятельности как перед Правительством, так и перед Советом по делам искусств. Эксперты признают, что отчет 1985 г. Совета по делам искусств выглядел как бизнес-проект коммерческой компании, приглашавший «нацию инвестировать в искусство». Причем язык корпоративной культуры был введен в культурную политику не на уровне риторики, а выразился в существенных изменениях со стороны государства по отношению к куль-

турному сектору. Культурная деятельность стала называться «продуктом», аудитория – «потребителями», а субсидии – «инвестициями» [13, р. 258; 14, р. 187]. Более того, термин «субсидия» стал «все более непопулярным в сфере культурной политики, вплоть до вытеснения его термином «инвестиции» [15, р. 23–24].

Акцент на креативности в реализации государственной политики пришелся на время нахождения у власти в Великобритании нового лейбористского правительства (с 1997 по 2010 г.), провозгласившего курс на Креативную Британию (*Creative Britain*). «Креативная Британия нуждалась в креативной экономике, чтобы обеспечить непрерывные инновации, от которых зависел рост. Этому должен был служить «креативный класс», занятый производством знаков и символов, которые можно было бы потреблять в комодифицированной форме [9, р. 5]. Заголовки официальных правительственных документов того периода стали пестреть такими словами, как творить (*create*), творческий (*creative*) и творчество (*creativity*). По мнению Р. Хьюисона, несмотря на риторику новых лейбористов о необходимости включения культуры и искусства в повестку деятельности правительства, на самом деле она оказалась не чем иным, как продолжением неолиберальной доктрины, заложенной при Тэтчер: «идеологическая гегемония неолиберальных экономических ценностей при г-же Тэтчер выжила под ребрендингом новых лейбористов» [11, р. 236]

В отличие от периода Тэтчер, ознаменовавшегося урезанием уровня финансирования культурного сектора, разрушением художественного образования в школах, новые лейбористы вкладывали существенные финансовые ресурсы в сферу культуры (государственные расходы почти удвоились за рассматриваемый период), правда, в обмен на то, чтобы «искусство и наследие были переформатированы как часть нового экономического феномена – «культурных и креативных индустрий». Они стали товарами, субсидирование которых было оправдано, поскольку они являлись движущей силой гораздо более масштабного процесса культурного потребления, первоначально получившего название «*Cool Britannia*». Невидимая рука рынка должна была направлять развитие культуры наиболее экономически эффективным способом, принося при этом дивиденды государству» [9, р. 28]. Исследователи признают, что инициатива лейбористов по освобождению от входной платы национальных музеев позволила увеличить посещаемость музеев с 24 до 40 млн. человек в год. Существенная помощь была оказана региональным музеям. Кроме того, была существенно расширена и отремонтирована инфраструктура культуры. Введение национальной лотереи способствовало модернизации инфраструктуры культуры и возрождению деструктивных городов. Несмотря на колоссальные государственные вливания в сферу куль-

туры, эксперты отмечали, что «государство вмешивается в культуру в надежде превратить провал рынка в его успех» [9, p. 8].

За время нахождения новых лейбористов у власти усилилась инструментальная роль культуры. Культурная политика стала частью экономической политики. Британские специалисты констатируют, что «растущий интерес к искусству представляет собой нечто новое в том, как оно воспринимается. <...> искусство теперь не только хорошо само по себе, но и ценится за его вклад в экономику, возрождение городов (*urban regeneration*) и социальную интеграцию (*social inclusion*). <...> По всей стране организации искусства – большие и малые – просят подумать о том, как их работа может способствовать достижению правительственных целей в области здравоохранения, социальной интеграции, борьбы с преступностью, образования и сплоченности общества. Галереи, музеи и театры заняты оценкой своего вклада в различных областях (*государственной – В.М.*) политики, чтобы доказать, что они достойны своих субсидий» [15, p. 14]. Не вызывает сомнений, что деятельность в сфере культуры сопровождается социальными и экономическими эффектами, но это не должно позиционироваться как ключевая цель. «Основным следствием привязки культурной политики к другим областям государственной политики стало то, что это породило ожидания, в соответствии с которыми финансируемые государством искусство и культура должны решать приоритетные задачи этих других областей политики и активно способствовать достижению их целей» [15, p. 24]. Так, только что назначенный в то время директор Национального театра (*National Theater*) Николас Хитнер в своей программной статье в газете *Guardian* с весьма красноречивым названием «К черту цели» так охарактеризовал инструментальный подход к культуре: «Оправдывать исполнительские искусства исключительно как инструмент социальной инженерии так же ограничено, как и судить о них только по их способности улучшить платежный баланс. <...> в конце концов, здоровое государство создает не просто памятники, но и ресурсы, позволяющие своим гражданам открывать для себя ценности, выходящие за рамки рыночной среды» [16].

Одновременно с этим стал все сильнее проявляться менеджеризм с многочисленными «дорожными картами», стратегическими целями, задачами и ожидаемыми результатами, которые должны были быть облечены в количественный формат с целью оценки эффективности использования государственных средств, оценки эффективности деятельности институций культуры, а также поиска убедительных доказательств социальной и экономической ценности культуры как таковой. Более того, вследствие доминирования рынка во многих областях системы общественного устройства цели и ценности «официальной культуры» и «коммерческой культуры» стали близки, как никогда

раньше. Все это привело к ослаблению доверия между правительством и культурным сообществом, а также противоречило миссии культурных институций. Между тем, доверие является важнейшим условием для творчества [9, р. 234], а тотальный аудит и контроль, напротив, его разрушают [9, р. 240].

Следует подчеркнуть, что в Креативную Британию вливались огромные государственные средства, но «к 2008 г. она выдохлась», что следовало из отчета NESTA за 2013 г. Исследователи полагают, что Департамент культуры, СМИ и спорта¹⁹ не смог реализовать поставленную задачу, поскольку в зону его ответственности входило только 5% того, что относилось к креативным индустриям. Реальную же работу по развитию креативных индустрий проделали Агентства регионального развития и местные власти, стремящиеся обеспечить занятость на вверенных им территориях [9, р. 45–46]. Зарубежные эксперты обращают внимание на то, что «экономическая роль культурного производства растет, но не так сильно и не так быстро, как это утверждают некоторые обозреватели и люди, определяющие политический курс» [4, с. 20].

5. Отечественная Концепция творческих (креативных) индустрий

В России в конце 2021 г. была утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.»²⁰. Она разрабатывалась в рамках реализации одного из направлений *Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.*²¹, связанного с развитием *городских агломераций*: «Для обеспечения расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций предлагается: обеспечить ускорение экономического, научно-технологического и инновационного развития указан-

¹⁹ Департамент культуры, СМИ и спорта Правительства Великобритании (DCMS – The Department for Culture, Media and Sport, UK Government).

²⁰ Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р).

²¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

ных территорий: за счет приоритетной поддержки высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров, услуг, *творческих (креативных) индустрий*»²².

В Плане реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.²³ ответственными исполнителями «подготовки концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях» были назначены Минкультуры России и Минэкономразвития России (раздел IV, п. 1, пп. 72), в то время как все другие мероприятия, связанные с ускорением экономического роста за счет развития городских агломераций, подпали под юрисдикцию финансово-экономических ведомств и органов исполнительной власти в регионах России. Таким образом, Концепция креативных индустрий создавалась как инструмент активизации экономического роста, причем в крупных и крупнейших городских агломерациях.

Следует подчеркнуть, что изначально никаких культурно-ориентированных целей и задач не ставилось в рамках подготовки Концепции креативных индустрий. В дальнейшем реализацию Концепции увязали с достижением трех национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»: 1) возможность для самореализации и развития талантов; 2) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 3) цифровая трансформация. Таким образом, предмет творческих (креативных) индустрий, согласно Концепции, оказался в области пересечения сферы культуры, сферы трудовых отношений, малого и среднего бизнеса, а также сферы цифровых технологий. В этой связи возникает вопрос, почему внедрение креативных индустрий в России стало сферой ответственности Минкультуры России, а не министерств и ведомств, ответственных за повестку экономического и пространственного развития.

Как указывают специалисты, в подробном разборе Концепции креативных индустрий с юридической точки зрения, в частности, обращает на себя внимание небрежность подготовки самого документа, нарушение основ юридической техники, грубые ошибки в компетенции, иерархии и субординации правовых актов, а также «необоснованное жонглирование прилагательными «креативный» и «творческий», смеше-

²² Там же, с. 21.

²³ План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 3227-р).

ние и некорректное употребление уже легализованных понятий, <...> и использование не имеющих легального определения не общеупотребимых и не распространенных в научной литературе терминов («айдентика», уже упомянутое «блогерство», «градоформирующие объекты», «работник творческого труда», «человекоцентричные продукты», «беспшовная поддержка» т. п.)» [17, с. 245]. В результате в регионах России появляется собственная трактовка данного понятия, в зависимости от уровня компетентности внедряющих эту повестку на местах.

В первоначальной редакции Основ государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) под творческими индустриями понимались «компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельность по капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке». В нем предлагался закрытый перечень тех областей, деятельность в которых относится к творческим индустриям: «промышленный дизайн и индустрия моды, музыкальная индустрия и индустрия кино, телевидение и производство компьютерных игр, галерейный бизнес, издательская деятельность и книготорговля, рекламное производство и средства массовой информации». В такой трактовке творческих индустрий не существовало вызовов для некоммерческого сегмента сферы культуры.

В Концепции креативных индустрий под творческими (креативными) индустриями понимаются «сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества». В этой связи возникает вопрос, что понимается под творческой и культурной активностью, а также какова взаимосвязь между товарами и услугами, обладающими экономической ценностью, и формированием гармонично развитой личности.

Творческие (креативные) индустрии сгруппированы по 4-м основным направлениям: 1) индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность); 2) индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, кино, анимация, живопись, деятельность галерей и т. д.); 3) современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блогерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и др.); 4) прикладные творческие (креативные) индустрии (архитектура, промыш-

ленный дизайн, индустрия моды, гастрономическая индустрия и т. п.). По мнению К.Э. Чуковской, Концепция креативных индустрий «относит к предмету не субъектов или деятельность, а области их действия и проявления» [17, с. 244]. *В такой широкой трактовке весь некоммерческий сегмент сферы культуры оказывается неотъемлемой частью творческих (креативных) индустрий.*

В теории систем существует положение, согласно которому для эффективного управления управляющая система должна быть сложнее управляемой. В ситуации с управлением креативными индустриями произошло обратное: Минкультуры России, в ведение которого попадает лишь малая часть того, что признается в России креативными индустриями, является основным разработчиком и оператором проекта по активизации экономического роста в регионах за счет развития креативных секторов экономики. Как следствие, существует большая вероятность того, что с такой широкомасштабной задачей ему, по объективным причинам, не справится (см. Положение о Министерстве культуры РФ)²⁴. По аналогии вспоминается ситуация с развитием туризма, когда с 2012 по 2018 г. Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) входило в сферу ответственности Минкультуры России. В результате Ростуризм был переподчинен Минэкономразвития России, а потом и вовсе упразднен. И ключевая проблема в сложившейся ситуации заключается в том, что функционал Минкультуры России не отвечает сути и масштабам преобразований, связанных с запуском экономического роста в регионах России за счет развития креативных индустрий (нет ни специалистов, ни аппаратного веса, ни административных полномочий, ни финансовых ресурсов). Реализация федерального проекта «Придуманно в России» и ведомственного проекта Минкультуры России «Гений места» подтверждают эти опасения.

6. Отечественная практика продвижения креативных индустрий: проекты «Придуманно в России» и «Гений места»

В рамках реализации Концепции креативных индустрий был инициирован федеральный проект «Придуманно в России», согласно которому «формируется система поддержки креативного сектора от идеи до востребованного продукта и его выхода на международные рынки». Инициатива должна стать драйвером активизации сектора экономики креативных индустрий. В правительстве рассчитывают,

²⁴ Постановление Правительства РФ от 20.07.2011 № 590 (ред. от 26.01.2023) «О Министерстве культуры Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве культуры Российской Федерации»).

что сектор к 2030 г. начнет приносить в бюджет 534 млрд руб. налогов и страховых взносов от занятости в творческих индустриях, а экспорт его продукции достигнет 24 млрд долл.²⁵ В рамках этого проекта планируется:

- ежегодно создавать не менее 25 школ креативных индустрий в субъектах РФ на базе существующих организаций, имеющих лицензию на ведение образовательной деятельности по программам дополнительного образования. Каждая школа будет состоять не менее чем из 3 студий: студии звукорежиссуры и современной электронной музыки, студии фото- и видеопроизводства, студии анимации и 3D графики, студии дизайна, студии VR/AR интерактивных технологий, цеха цифрового производства. В школах в течение 2-х лет будут обучаться дети от 12 до 17 лет (к 2030 г. должно быть 236 школ креативных индустрий);
- запустить программу «Творческое предпринимательство» в общеобразовательных школах в рамках внеурочной деятельности для школьников с 12 до 17 лет;
- создать к 2024 г. 48 творческих инкубаторов и центров прототипирования;
- создать инклюзивные творческие лаборатории на базе учреждений культуры, обеспеченные специальным оборудованием для посещения людьми с ОВЗ во всех субъектах РФ;
- к концу 2024 г. реализовать 10 городских креативных проектов (пространств);
- разработать систему финансовой поддержки творческих индустрий, включая краудфандинговые, гарантийные и кредитные механизмы;
- в 2022 г. создать подсистемы платформы, которые объединят игроков креативной экономики: производителей и потребителей креативных товаров и услуг, инвесторов, органов государственной власти (платформа агрегирует цифровые ресурсы в сфере культуры);
- создать мобильное приложение «Культурный навигатор», которое позволит информировать граждан об актуальных культурных событиях и креативных товарах и услугах.

Для реализации федерального проекта «Сделано в России» планируется выделить до 2030 г. 48,9 млрд руб., из них: 22,5 млрд руб. – из средств федерального бюджета и 23,4 млрд руб. – из консолидированных бюджетов субъектов РФ. В частности, на создание и техническую поддержку цифровой платформы «Культурная карта 360» запланиро-

²⁵ У проекта «Придуманно в России» нашли проблемы с расходами. Лента.ру. 21 июня 2023 г. https://lenta.ru/news/2023/06/21/ne_shmogli/ (дата обращения: 08.09.2023).

вано 3,9 млрд руб. из федерального бюджета, а на мобильное приложение «Культурный навигатор» – 405 млн руб.²⁶

Практика показывает, что подобного рода инициативы не работают в вакууме. С одной стороны, создание экосистемы креативных индустрий в лице школ креативных индустрий, творческих лабораторий, креативных пространств, творческих инкубаторов и центров прототипирования тесно связано с существующей экономической конъюнктурой и институциональной средой. Если обычный малый и средний бизнес, далекий от творческих импульсов, демонстрируют состояние анабиоза²⁷, то никаких оснований для успешного запуска культурного предпринимательства в настоящее время не прослеживается. С другой стороны, доля людей с предпринимательскими способностями, готовыми идти на риск ради открытия своего дела в тучные и экономически благополучные времена, как правило, не превышает 5-8% от численности населения [18], поэтому ожидание того, что благодаря намеченным инициативам к 2030 г. количество такого рода людей в нашей стране резко увеличится, вызывает сомнения. В такой постановке проблемы неизбежно напрашивается вопрос о целесообразности использования государственных средств в ситуации, когда решается задача со многими неизвестными.

Результаты проверки Счетной палаты РФ также указывают на неготовность Минкультуры России к выполнению возложенных на него новых функций. Так, в своем Заключении за 2022 г. в отношении федерального проекта (ФП) «Придуманно в России» говорится, что «обнулены значения показателя «Количество учреждений культуры, иных организаций и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных на платформе «Культурная карта 360» в 2022 г. и результатов «Создано мобильное приложение «Культурный навигатор» и «Создана и внедрена в промышленную эксплуатацию цифровая платформа «Культурная карта 360» в 2022 г. Запланированные средства в 2022 г. не были использованы и направлены в конце года в резервный фонд Правительства РФ»²⁸.

²⁶ Паспорт федерального проекта «Создание целеориентированной системы поддержки развития креативного сектора («Придуманно в России»)».

²⁷ Год умирающего бизнеса: где и почему в России исчезают индивидуальные предприниматели. <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/437999-god-umirausego-biznesa-gde-i-pocemu-v-rossii-iscezaut-individual-nye-predprinimateli>; 60% малого бизнеса не увидело для себя возможностей в санкционном кризисе. <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2022/62860e539a7947cf0d9e48bb> (дата обращения: 01.10.2023).

²⁸ Заключение Счетной палаты РФ о результатах внешней проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2022 год в Министерстве культуры РФ (утв. Коллегией Счетной палаты РФ 10 апреля

Осенью 2021 г. Минкультуры России инициировало ведомственный проект «Гений места», целью которого было заявлено «развитие творческих навыков жителей на базе точек концентрации талантов, создаваемых в библиотеках». Проект направлен на «совершенствование современной инфраструктуры для развития креативной экономики регионов; создание новых интеллектуальных продуктов на базе локальной идентичности; сохранение культурного наследия и уникальных особенностей территорий России». Проект охватывает 14 основных направлений креативных индустрий: дизайн, искусство, IT, музыка и саунд-дизайн, телевидение, мода, образование, маркетинг, разработка игр, издательское дело и журналистика, новые медиа, кино, компьютерная графика, архитектура и урбанистика²⁹. Куратором проекта является Российская государственная библиотека. Директор РГБ так характеризует этот проект: «Инициатива раскрывает новое направление деятельности библиотек как точек входа в креативные индустрии для тысяч жителей нашей страны»³⁰.

Обзор региональной прессы демонстрирует следующие успехи общедоступных библиотек в развитии креативных индустрий:

- «В Пильнинской районной библиотеке «большим спросом у подростков пользуется мастер-класс по мобильной лаборатории расширенной реальности Z space. Эта программа позволяет моделировать процессы, путешествовать по оцифрованным объектам, влиять на них. В отличие от обычного 3D-видео пользователь получает возможность рассматривать трехмерные объекты с любой стороны»³¹.

- «Новосибирские библиотеки предлагают «гениям места» учиться основам дизайна, пробовать себя в создании видеоигр и анимации, разбираться в городской истории и проблемах современности, совершенствовать свои навыки в фотографировании и писать продвигающие тексты»³².

2023 г.). М.: Счетная палата РФ, 2023. С. 20. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/73f/b78y9ui5e8oagzk5od4fnafwvazcrn5.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).

²⁹ Гений места. Творческая лаборатория. <https://новаябиблиотека.рф/genij-mesta/#::~:~:text=Гений%20места%20-%20это%20творческий%20житель,для%20этого%20информационно%20техническими%20ресурсами> (дата обращения: 15.09.2023).

³⁰ Итоговый отчет по реализации проекта по созданию точек концентрации талантов «Гений места» на базе библиотек – 2022. М.: Российская гос. б-ка, 2022. С. 5.

³¹ «Гений места»: нижегородские библиотеки стали точками притяжения талантов. // Российская газета. 18 января 2023 г. <https://rg.ru/2023/01/18/reg-pfo/bolshe-chem-knigi.html>

³² <https://ведомостинсо.рф/2023101301> (дата обращения: 15.09.2023).

- «В Аксае на базе модельной библиотеки имени А.С. Пушкина работают три направления развития талантливой молодежи: «Создание компьютерных игр», «Журналистика» и «Искусство»³³.
- «На сегодняшний день модельные библиотеки в Смоленской области активно используют новые, нетрадиционные формы просветительской деятельности. Это и фестивали, и конкурсы, и различные акции, и литературные брейн-ринги, и множество других мероприятий. Так, Краснинская библиотека стала участником проекта «Гений места». Направление работы Краснинской библиотеки – «Туризм и социокультурное проектирование». В течение года здесь проводятся мастер-классы по рукоделию, резьбе по дереву, плетению с элементами смоленских орнаментов. Запланировано проведение кулинарного фестиваля «Блюда Краснинского района»³⁴.

Столярная мастерская, кулинарный фестиваль, создание компьютерных игр, урбанистика – это важные составляющие развития креативных индустрий, однако они не должны подменять собой сферу культуры, ответственную за приобщение широких слоев населения к культурным ценностям. В противном случае происходит замещение основного функционала деятельностью, далекой от культуры: общедоступные библиотеки становятся «точками входа» в креативные индустрии, дома культуры и клубы превращаются в креативные пространства, а детские школы искусств – в школы креативных индустрий. Государственные (муниципальные) учреждения, не обладающие функциональной возможностью аккумулировать внебюджетные доходы, становятся генераторами добавленной стоимости. В свою очередь проекты креативных индустрий, требующие государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях (согласно Концепции), сведены к функционалу муниципального звена учреждений культуры.

Эта ситуация демонстрирует одну из разновидностей управленческого провала – *осуществление чужих полномочий*, когда управляющий орган занимается решением задач, не свойственных его функционалу. В данном случае речь идет о том, что Минкультуры России выполняет задачу, которая не входит в сферу его компетенций. В результате задачу активизации экономического роста в регионах предполагается решать силами общедоступных библиотек.

³³ <https://pobeda-aksay.ru/2022/12/02/za-novymi-znaniyami-v-genij-mesta/> (дата обращения: 01.09.2023).

³⁴ В Смоленской области модернизируют центральные библиотеки. / Смоленская газета. 19 июня 2022 г. <https://smolgazeta.ru/culture/101660-v-smolenskoy-oblasti-moderniziruyut.html> (дата обращения: 10.09.2023).

7. Расходы домашних хозяйств на культуру как маркер креативной экономики

Отождествление некоммерческого сегмента сферы культуры с креативной экономикой и творческими (креативными) индустриями чревато серьезными просчетами в оценке их рыночного потенциала.

Расходы домашних хозяйств на культуру являются важным индикатором потребления культурных благ. Отечественные специалисты отмечают, что «домохозяйства являются субъектами креативной экономики, которые своими финансами участвуют как в процессах потребления, так и в процессах производства и распределения креативных товаров и услуг. Анализ динамики расходов домашних хозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия показал, что с 2004 г. по 2019 г. эти расходы увеличились в номинальном выражении в 7,6 раза, в реальном выражении — в 2,4 раза, при этом их доля возросла с 5,9 до 8,1% соответственно» [19, с. 26]. Это дает основания констатировать, что «в России сформировался достаточно высокий и устойчивый платежеспособный спрос со стороны семей на креативные товары и услуги» [19, с. 28].

Однако следует иметь в виду, что группировка расходов по цели «организация отдыха и культурные мероприятия» представляет собой агрегированный показатель (включает 6 групп), отдельные составные части которого имеют очень опосредованное отношение к сфере культуры, а зачастую и не имеют его вообще (см. табл. 2).

Таким образом, если расходы по статье «организация отдыха и культурные мероприятия» составили в 2022 г. 6% в совокупных потребительских расходах домашних хозяйств, то на долю услуг учреждений культуры пришлось только 0,33% из 1,3% расходов по статье «услуги по организации отдыха и культурных мероприятий». Причем сюда попадают не только оплата посещений театров, музеев, кинотеатров, но и плата за ТВ- и радиоантенну, а также услуги фотографа.

Динамика расходов домашних хозяйств демонстрирует увеличение доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки с 28,1% в 2012 г. до 32,9% в 2022 г. (см. табл. 3).

Напротив, расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия снизились за рассматриваемый период с 6,4 до 6,0%, причем максимум значения данного показателя в размере 6,8% отмечался дважды – в 2015 и 2020 г. Доля расходов домашних хозяйств на услуги учреждений культуры сократилась с 0,43 до 0,33% (кино, театры, концерты; музеи, зоологические сады и т.п.).

В результате спрос на услуги учреждений культуры нельзя назвать ни относительно высоким, ни устойчивым и платежеспособным. Поэтому делать ставку на экономическую отдачу от некоммерческого сегмента сферы культуры контрпродуктивно и экономически бесперспективно.

Таблица 2

Группировка расходов по цели «организация отдыха и культурные мероприятия» (в группировке КИПЦ*)

Организация отдыха и культурные мероприятия (6,0% – 2022 г.)	Аудиовизуальное, фотографическое оборудование и оборудование для обработки информации	Телевизоры, проигрыватели, фотоаппараты, компьютеры, принтеры, CD-диски, флеш-накопители; ремонт оборудования	
	Другие товары длительного пользования для организации отдыха и культурных мероприятий	Товары для спорта и досуга; туристические микроавтобусы, фургоны и трейлеры; запасные части; музыкальные инструменты и другие предметы длительного пользования; техобслуживание и ремонт	
	Другие товары и оборудование для отдыха, сада и домашние животные	Игры, игрушки и хобби; предметы для занятий спортом, туризмом и отдыха на открытом воздухе; садоводство; домашние животные; ветеринарные услуги для домашних животных	
	Услуги по организации отдыха и культурных мероприятий (1,3% – 2022 г.)	Услуги по организации отдыха и спортивных мероприятий (физкультура и спорт)	
		Услуги по организации культурных мероприятий (услуги фотографов, кино, театр, музей, плата за ТВ- и радиоантенну) (0,33% – 2022 г.)	
	Газеты, книги, канцелярские принадлежности		
Организация комплексного отдыха	Центры отдыха; экскурсионные услуги; речные и морские круизы; турпоездки по территории России; зарубежные туры		

* КИПЦ – Классификатор индивидуального потребления по целям.

Источник: составлено автором по данным Росстата о потребительских расходах домашних хозяйств в группировке КИПЦ.

**Доля расходов на «организацию отдыха и культурные мероприятия»
в структуре расходов домашних хозяйств,
% (в группировке КИПЦ, 2012–2022 гг.)**

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Потребительские расходы – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:											
на продукты питания и безалкогольные напитки	28,1	27,7	28,5	32,1	32,3	31,2	30,7	29,8	33,2	32,2	32,9
на организацию отдыха и культурные мероприятия	6,4	6,2	6,4	6,8	6,6	6,3	6,3	6,6	6,8	6,5	6,0
из них:											
аудиовизуальное и фотооборудование, оборудование для обработки информации	1,8	1,6	1,4	1,6	1,4	1,2	1,0	1,0	0,9	1,0	0,9
другие товары и оборудование для отдыха, сада и домашние животные	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	1,5
услуги по организации отдыха и культурных мероприятий	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,4	1,5	1,5	1,6	1,5	1,3
из них:											
кино, театры, концерты	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3
музеи, зоологич. сады и т.п.	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03
газеты, книги, канцелярские принадлежн.	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
организация комплексного отдыха	1,9	1,9	2,0	2,4	2,2	2,0	2,1	2,3	2,5	2,2	1,8

Источник: составлено автором по данным Росстата о потребительских расходах домашних хозяйств в группировке КИПЦ.

* * *

Как отмечают исследователи, «креативная экономика стала объектом политики, это постепенно привело к появлению поддерживающей «индустрии креативной экономики», которая является не только национальной, но и международной. Научные исследования и публикации стали важной частью этого процесса, наряду с непрерывным потоком

отчетов от политических советников, креативных консультантов и конференций, организованных движимыми прибылью брокерами идей и заинтересованными группами. Поддержка креативного экономического мышления означает, что культура рассматривается прежде всего как воплощение торгуемой экономической ценности. Сложилась самоподдерживающаяся, самореферентная система идей, которая стала в значительной степени невосприимчивой к критике» [20, p. 86].

Проведенный критический анализ концепта творческих (креативных) индустрий, реализуемого в настоящее время в России, позволяет сделать ряд выводов, которые не оспаривают их вклад в экономическое развитие, но ставят под сомнение попытку замещения некоммерческого сегмента сферы культуры креативными индустриями и решения задачи активизации экономического роста в регионах силами Минкультуры России.

Несмотря на отсутствие единого понимания и четких критериев отнесения тех или иных видов деятельности к культурным/креативным индустриям, в научном и экспертном сообществе сложился определенный консенсус в отношении того, что относится к *креативному продукту*. Речь идет о коммерчески востребованном товаре или услуге, которые создаются в процессе творческой деятельности, воспроизводятся благодаря предпринимательским способностям, как правило, являются объектом интеллектуальной собственности, а также генерируют добавленную стоимость и обращаются на рынке. Напротив, некоммерческий сегмент сферы культуры ответственен за приобщение широких слоев населения к культурным ценностям и обеспечение доступности культурных благ. Безусловно, сфера культуры является питательной средой для воспроизводства творческих людей и креативных идей. Государственные (муниципальные) учреждения культуры создают культурную среду и транслируют смыслы, что вносит свой вклад в формирование культурной составляющей человеческого потенциала, а значит, и генерацию творческих людей. Но попытка вытеснить некоммерческий сегмент сферы культуры в чисто рыночные отношения, сосредоточившись исключительно на купле-продаже культурных благ, создает вызовы для сферы культуры, снижая ее вклад в создание территории смыслов и подготовку творческих кадров.

С точки зрения государственного управления следует признать, что попытка отождествления некоммерческого сегмента сферы культуры с креативными индустриями порождает ложные управленческие решения и несбыточные ожидания, связанные с активизацией экономического роста в регионах за счет креативного сектора экономики в трактовке Минкультуры России. На Минкультуры России возложили ответственность за развитие креативных индустрий в целом

по стране, что противоречит первоначальной установке на разработку Концепции креативных индустрий в рамках Стратегии пространственного развития, связанной исключительно с необходимостью ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития России *в крупных и крупнейших городских агломерациях*, в том числе за счет активизации креативного сектора экономики.

В результате Минкультуры России оказалось в ситуации, когда оно отвечает за решение задачи, не соответствующей его основному функционалу. Более того, речь идет о нарушении одного из важных принципов теории систем, связанного с тем, что сложность управляющей системы должна быть сложнее управляемой. В противном случае масштабность и глубина задачи сужается как шагреновая кожа, а ее решение, через призму ограниченного функционала, приводит к появлению институциональных ловушек. В качестве примера такой ловушки можно привести тот факт, что общедоступные муниципальные библиотеки были провозглашены «точками входа в креативные индустрии». Неспособность генерации внебюджетных доходов и отсутствие объективных возможностей для ведения коммерческой деятельности не помешали Минкультуры России позиционировать общедоступные библиотеки в качестве точек концентрации талантов, ответственных за активизацию экономического роста в регионах России.

В этой связи важно понять, что будущее креативных индустрий в России находится на пересечении интересов Минэкономразвития России, Минцифры России, Минпромторга России, региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления³⁵. А Минкультуры России следует сосредоточиться на решении задач, отвечающих его непосредственному функционалу и связанных с выработкой государственной культурной политики и поддержкой культурной деятельности.

³⁵ Например, начиная с 2000-х годов японским правительством была предложена инициатива “Cool Japan” по развитию креативных индустрий в стране. В 2010 г. в структуре Министерства экономики, торговли и промышленности был учрежден проектный офис “Cool Japan”, а в 2013 г. – введена должность Министра по стратегии “Cool Japan”. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на «культуризацию» экономики, задача по поддержке креативных секторов была возложена на министерство, отвечающее за реализацию экономической повестки [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones C., Lorenzen M., Sapsed J. (ed.). The Oxford handbook of creative industries. OUP Oxford, 2015.
2. Творческие (креативные) индустрии. Справочник. Сост.: Е.В. Зеленцова. Ред.: Н.В. Гладких. М., 2022.
3. Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013.
4. Хезмондалиш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, СПб.: Ювента, 1997.
6. Garnham N. From cultural to creative industries: An analysis of the implications of the «creative industries» approach to arts and media policy making in the United Kingdom // International journal of cultural policy. 2005. Vol. 11. No. 1. Pp. 15–29.
7. Mattelart A., Piemme J.-M. Cultural industries: the origin of an idea. / In: Cultural industries: A challenge for the future of culture. Paris: UNESCO, 1982. Pp. 51–61.
8. The Routledge companion to the cultural industries / edited by K. Oakley and J. O'Connor. Oxford: Routledge, 2015.
9. Hewison R. Cultural capital: The rise and fall of creative Britain. London, New York: Verso Books, 2014.
10. Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin Books, 2007. Epub file.
11. Hewison R. «Creative Britain»: myth or monument? // Cultural Trends. 2011. Vol. 20. No. 3–4. Pp. 235–242.
12. Hesmondhalgh D., Pratt A. Cultural industries and cultural policies // International Journal of Cultural Policy. 2005. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–13.
13. Hewison R. Culture and Consensus: England, Art and Politics since 1940. London: Methuen, 1995. P. 258.
14. Belfiore E. Auditing culture // International Journal of Cultural Policy. 2004. Vol. 10. No. 2. Pp. 183–202.
15. Culture Vultures: Is UK arts policy damaging the arts? Ed. by M. Mirza. London: Police Exchange, 2006.
16. Nytner N. To Hell with Targets. / The Guardian. 12 Jan. 2003. <https://www.theguardian.com/theobserver/2003/jan/12/featuresreview.review>
17. Чуковская Е.Э. Креативные индустрии: пределы правового воздействия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 234–242.
18. Кастосов М.А., Иванова Н.Ю. Предпринимательские способности как фактор экономического роста // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1. С. 3–14.
19. Абанкина Т.В. Николаенко Е.А. Романова В.В. Щербакова И.В. Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития. М.: Высшая школа экономики, 2021.
20. Schlesinger P. The Creative Economy: Invention of a Global Orthodoxy // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 73–90.
21. Паксютов Г.Д. Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства. // Мир новой экономики. 2020. № 14 (4). С. 15–21.

REFERENCES

1. Jones C., Lorenzen M., Sapsed J. (ed.). The Oxford handbook of creative industries. OUP Oxford, 2015.
2. Creative (creative) industries. Handbook. Compiled by: E.V. Zelentsova. Editor: N.V. Gladkikh. M., 2022. (In Russ.)
3. Handbook on the Economics of Cultural Heritage. Ed. by I. Rizzo & A. Mignosa. Edward Elgar: Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2013.
4. *Hezmondalsh D.* Cultural Industries / translated from English by I. Kushnareva. Moscow: VSE Publishing House, 2014. (In Russ.)
5. *Horkheimer M., Adorno T.* Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments. Translated from German by M. Kuznetsov. Moscow: Medium, St. Petersburg: Juventa, 1997. (In Russ.)
6. *Garnham N.* From cultural to creative industries: An analysis of the implications of the «creative industries» approach to arts and media policy making in the United Kingdom // International journal of cultural policy. 2005. Vol. 11. No. 1. Pp. 15–29.
7. *Mattelart A., Piemme J.-M.* Cultural industries: the origin of an idea / In: Cultural industries: A challenge for the future of culture. Paris: UNESCO, 1982. Pp. 51–61.
8. The Routledge companion to the cultural industries / edited by K. Oakley and J. O'Connor. Oxford: Routledge, 2015.
9. *Hewison R.* Cultural capital: The rise and fall of creative Britain. London, New York: Verso Books, 2014.
10. *Howkins J.* The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin Books, 2007. Epub file.
11. *Hewison R.* «Creative Britain»: myth or monument? // Cultural Trends. 2011. Vol. 20. No. 3–4. Pp. 235–242.
12. *Hesmondhalgh D., Pratt A.* Cultural industries and cultural policies. // International Journal of Cultural Policy. 2005. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–13.
13. *Hewison R.* Culture and Consensus: England, Art and Politics since 1940. London: Methuen, 1995.
14. *Belfiore E.* Auditing culture. // International Journal of Cultural Policy. 2004. Vol. 10. No. 2. Pp. 183–202.
15. Culture Vultures: Is UK arts policy damaging the arts? Ed. by M. Mirza. London: Police Exchange, 2006.
16. *Hytner N.* To Hell with Targets / The Guardian. 12 Jan. 2003. <https://www.theguardian.com/theobserver/2003/jan/12/featuresreview.review>
17. *Chukovskaya E.E.* Creative industries: the limits of legal impact // Journal of the New Economic Association. 2022. № 2 (54). Pp. 234–242. (In Russ.)
18. *Kastsov M.A., Ivanova N.Y.* Entrepreneurial abilities as a factor of economic growth // Bulletin of Moscow State University. Series 21. Management (state and society). 2006. No. 1. Pp. 3–14. (In Russ.)
19. *Abankina T.V., Nikolayenko E.A., Romanova V.V., Shcherbakova I.V.* Creative industries in Russia: trends and prospects of development. Moscow: Higher School of Economics, 2021. (In Russ.)
20. *Schlesinger P.* The Creative Economy: Invention of a Global Orthodoxy // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 73–90.
21. *Paksiutov G.D.* Japan's Exports of Creative Goods: Current Challenges and State Policy // The world of new economy. 2020. № 14 (4). P. 15–21. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 15.09.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе ФГБУН Институт экономики РАН, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, Москва, Россия

ORCID: 0009-0008-7902-7228

vm-instecon@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valentina Yu. Muzychuk – Dr. Sci. (Econ.), associate professor, Deputy Director for Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0008-7902-7228

vm-instecon@yandex.ru

CREATIVE INDUSTRIES: CHALLENGES FOR THE NON-COMMERCIAL SEGMENT OF THE CULTURAL SECTOR

The article provides a detailed analysis of the concept of creative industries, which is currently being actively introduced into the cultural practice of modern Russia. The author attempts to revise the terminology (the industry of culture – cultural industries – creative industries). In the case of creative industries we are talking about the combination of the following three elements: creative activity, entrepreneurial skills and intellectual property rights, as a result of which an added value is created in the economy, and the product is traded on the market. However, the majority of cultural goods created in the non-commercial segment of the cultural sector have no relation to creative industries. The substitution of concepts results in the cultural sector being required to earn more and more, and this contradicts the mission for which public cultural institutions were created: introducing the population to cultural values. Though experts admit that there is currently no consensus among researchers regarding clear criteria for classifying certain activities as creative industries, Russia is facing increasing challenges for the non-commercial segment of the cultural sector – it is gradually being pushed towards commodification and commercialization. *The Concept of Developing Creative Industries...* adopted at the end of 2021 completely identified the non-commercial segment of the cultural sector with creative industries, which included theaters, museums, and even libraries. Moreover, the latter became “entry points” to the creative industries. The article shows that the task of boosting economic growth in Russia’s regions, for the sake of which *The Concept of Developing Creative Industries...* was designed, cannot be solved solely by the Ministry of Culture of the Russian Federation, as it lacks the appropriate functionality, financial and administrative resources, and professional staff for this purpose.

Keywords: *creative industries, cultural industries, cultural sector, cultural policy, cultural commodification of culture, commercialization of culture, marketization of culture.*

JEL: Z1.

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Т.В. ЧУБАРОВА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА¹

В статье обосновывается необходимость разработки комплексного подхода к анализу проблем воспроизводства человеческого потенциала. На основе обобщения имеющихся подходов составлена матрица, сопрягающая демографический, технологический, социальный и институциональный вызовы по ключевым сферам воспроизводства человеческого потенциала (сфера труда, образование и здравоохранение). Предложенная методологическая рамка, наглядно представляя связи между вызовами для воспроизводства человеческого потенциала, позволяет проводить оперативный анализ сдвигов в их системе и может быть использована в любом национальном контексте.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, матрица вызовов для воспроизводства человеческого потенциала, сфера труда, образование, здравоохранение.*

УДК: 330.1, 331.101.26, 331.5

EDN: CNHADU

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_40_58

Введение

Ключевым фактором экономического успеха, конкурентоспособности и устойчивого роста благосостояния наций в XXI в. становится качество нематериального богатства, воплощенного в населении страны. В то же время стремительные изменения технико-технологии-

¹ Статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Воспроизводство человеческого потенциала в условиях глобальных и национальных вызовов».

ческого базиса производства ведут к существенным трансформациям в системе отношений экономических агентов, затрагивающим как сферу труда, так и механизмы удовлетворения разноплановых потребностей, обеспечивающих развитие человека. Это ставит воспроизводство человеческого потенциала перед лицом новых вызовов, многие из которых имеют глобальный характер.

Резко изменившийся контекст, в котором происходит развитие российской экономики, неизбежно вносит новые краски в палитру вызовов в сфере воспроизводства человеческого потенциала. К глобальным и национальным вызовам, с которыми Россия сталкивалась на протяжении сравнительно спокойного прошлого десятилетия, добавилась новая специфическая группа вызовов, порожденных изменившейся политической и социально-экономической ситуацией. Масштабность санкций, введенных против России странами золотого миллиарда, ставят ее на грань изоляции от мировой экономики, что прямо затрагивает всю гамму аспектов развития человеческого потенциала. В этих условиях системное исследование вызовов и угроз в области воспроизводства человеческого потенциала обретает дополнительную актуальность, поскольку расширяет возможности выявления уязвимых зон и определения приоритетов социальных инвестиций.

В статье поставлена задача определения и классификации универсальных вызовов для развития человеческого потенциала. Использование такой классификации позволит, с одной стороны, вписать страну в общемировые тренды развития, а, с другой – проследить, как глобальные вызовы преломляются в национальном контексте. Представляется, что такой подход, применяемый в данном случае для России, может быть использован для исследования национального человеческого потенциала любой страны.

Развитие методологии исследования человеческого потенциала: матрица вызовов

Человеческий потенциал экономики можно охарактеризовать как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также влияющий на уровень и структуру потребностей [19, с. 12]. Человеческий потенциал представляет собой интегральную категорию, вбирающую в себя такие менее емкие понятия, характеризующие его различные стороны, как «демографический потенциал», «трудовой потенциал», «качество жизни», а также «человеческий капитал». С одной стороны, находясь в русле

концепции экономики, ориентированной на человека, подход с позиций человеческого потенциала интегрирует понимание человека как ключевого экономического ресурса, с другой – как высшей цели общественного развития. В этом его основополагающее преимущество по сравнению с опорой на такие понятия, как «человеческие ресурсы» и «человеческий капитал». В их рамках накопленное в человеке нематериальное богатство рассматривается, прежде всего, как средство для обеспечения целей эффективного экономического развития или максимизации доступного объема потребительских благ и представляет ценность лишь в той мере, в которой непосредственно способствует достижению этих целей. Подход с позиций человеческого потенциала ставит в центр развитие личности, ее самооценку, а экономический прогресс и укрепление национальной конкурентоспособности являются лишь следствием последовательного проведения такого подхода в стратегической перспективе [22].

Отдельным проблемам развития человеческого потенциала посвящен обширный пласт российских и зарубежных научных исследований.

Для характеристики человеческого потенциала исследователи выделяют такие фундаментальные компоненты, как физическое, психическое и социальное здоровье, профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал, культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность [15]. Т.Н. Заславская, используя схожую классификацию, понимала человеческий потенциал как «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами» [8, с. 10]. Она выделяет в структуре человеческого потенциала такие компоненты, как социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный [8, с. 14].

В работах, посвященных вопросам демографии, в основном рассматривают количественный и качественный состав человеческого потенциала [5; 6; 7]. В этих исследованиях, с одной стороны, анализируются проблемы, связанные с численностью и составом населения, его динамикой и перспективными трендами. Это, прежде всего, вопросы рождаемости, смертности и миграции. С другой стороны, рассматриваются качественные характеристики человеческого потенциала – возрастная структура населения, его распределение по уровню образования, состояние здоровья. Многие работы посвящены оценке влияния последних показателей на развитие экономики [9; 28; 30].

Много внимания уделяется проблемам, инициированным ускоренным развитием технологий и наступлением цифровой эконо-

мики [23]. Современные технологии меняют как требования к человеческому потенциалу, так и условия его воспроизводства [12]. В этом контексте ставятся вопросы качества подготовки специалистов, их соответствия новым рабочим местам и изменяющимся условиям труда, возможности применить полученные знания на доступных рабочих местах.

Технологические проблемы тесно переплетаются с социальными [16]. Исследователи все чаще акцентируют внимание на так называемом цифровом разрыве – новом социальном водоразделе между группами населения, обладающими и не обладающими достаточными навыками в области цифровых технологий для комфортного существования в современных реалиях [2]. Другой важный вопрос, активно обсуждаемый сегодня, – сочетание семьи и работы, в частности, те новые возможности, которые открывает дистанционная занятость [1].

Важный блок вопросов, рассматриваемых в рамках данной проблематики, – эффективность деятельности отраслей нематериального производства по удовлетворению социальных потребностей граждан и их вклад в воспроизводство человеческого потенциала [21]. Здесь следует отметить работы по изучению взаимосвязи социальной и экономической политики, роли различных институтов в решении социальных проблем граждан, по повышению эффективности и результативности работы социальной сферы, в том числе с учетом новых технологических возможностей. Особый акцент исследователи делают на двух основных отраслях, которые имеют непосредственное отношение к воспроизводству человеческого потенциала, – образованию и здравоохранении [27; 29]. Причем в последнее время в России активизировались исследования данной проблематики в региональном разрезе [13; 14].

Таким образом, анализ литературы подтверждает наличие многочисленных исследований, сфокусированных на различных аспектах воспроизводства человеческого потенциала. На наш взгляд, в настоящее время необходим комплексный подход, систематизирующий круг рассматриваемых проблем. Представляется, что они могут быть концептуализированы не просто как проблемы, с которыми сталкиваются общество, государство и сам человек в ходе воспроизводственных процессов, а как вызовы, являющиеся объектами воздействия со стороны экономических агентов и институциональных структур разного уровня посредством политических и управленческих решений, или следствиями таких решений. При этом мы исходим из того, что воспроизводство человеческого потенциала является не спонтанным, а регулируемым процессом и требует научной разработки стратегии его регулирования.

Анализ литературы позволяет выделить ключевые векторы вызовов для воспроизводства человеческого потенциала и сгруппировать их по четырем направлениям.

Демографический вызов связан с изменениями как количественных, так и базовых качественных характеристик человеческого потенциала, и охватывает вопросы динамики численности населения, прежде всего трудоспособного, его возрастного и гендерного состава, уровня образования и состояния здоровья граждан.

Технологический вызов обусловлен состоянием экономики, развитием ее отраслевой структуры, динамикой (скоростью) технологического прогресса, уровнем развития технологий, что, в свою очередь, определяет как структуру занятости и процессы, происходящие на рынке труда, так и возможности и задачи функционирования отраслей социальной сферы, обеспечивающих воспроизводство человеческого потенциала.

Социальный вызов связан с социальными отношениями, формирующимися в обществе вокруг воспроизводства человеческого потенциала, и прежде всего с вопросами равенства и справедливости, обеспечения возможностей выбора, доступности ключевых социальных благ и самореализации в различных сферах жизнедеятельности.

Институциональный вызов определяется изменением роли различных институтов в воспроизводстве человеческого потенциала: государства, объединений работодателей и работников, некоммерческих организаций и других структур гражданского общества.

Предлагаемая классификация вызовов достаточно условна, так как все они взаимосвязаны. Тем не менее она позволяет обеспечить комплексный подход к пониманию процесса воспроизводства человеческого потенциала и дает возможность максимально учитывать совокупность влияющих на него факторов, интегрируя в нее дополнительные составляющие, когда этого требуют изменяющиеся реалии экономической ситуации и общественной жизни.

Несмотря на то что популярным водоразделом в социально-экономических исследованиях сегодня выступает пандемия, следует отметить, что ключевые векторы вызовов оформились до ее наступления. Однако пандемия не только обострила эти вызовы, но и проявила необходимость комплексного подхода к ним, их учета для обеспечения сбалансированного воспроизводства человеческого потенциала в изменяющихся социально-экономических условиях.

Выделенные в рамках данной классификации вызовы рассматривались нами в двух измерениях. Во-первых, были выделены ключевые области, где происходит воспроизводство человеческого потенциала: сфера труда и главные отрасли социальной сферы – здравоохранение и образование. Причем необходимо отметить их диалектическое

единство и переплетение функций. Так, здравоохранение, хотя и отвечает за физиологический базис воспроизводства человеческого потенциала, но не формирует его полностью, поскольку важнейшую роль в сохранении здоровья играют образ жизни (габитус), в значительной мере формируемый образованием и условиями труда. Сфера труда выступает не только полем экономической реализации человеческого потенциала, но и полем его развития, приобретения новых знаний, навыков, компетенций. Во-вторых, учитывалось, что вызовы различаются в зависимости от масштаба и степени влияния.

Анализ позволяет выделить доминирующий тренд развития каждого вектора вызовов. Однако при этом следует помнить, что, несмотря на процессы глобализации, единый тренд совсем не обязательно прослеживается во всех без исключения странах. Степень и особенности его проявления во многом определяются уровнем социально-экономического развития той или иной страны. Так, демографические вызовы сопряжены с процессом демографического перехода, который практически завершился в идущих в его фарватере европейских странах, но лишь начинает разворачиваться на африканском континенте.

Используя общую матрицу, глобальные тренды вызовов, определяющие развитие мирового сообщества, в настоящее время можно охарактеризовать следующим образом.

Демографический вектор действует в направлении старения населения на фоне снижения рождаемости и численности трудоспособного населения, отмечается нарастание проблем с состоянием здоровья населения, в том числе психического, а также появление специфических запросов к сфере образования, связанных с интеграцией пожилых в новую реальность.

Технологический вектор определяется цифровой революцией, предъявляющей новые требования к качеству человеческого потенциала, то есть к тем знаниям, навыкам и умениям, которые человек должен использовать в экономике и других сферах жизнедеятельности. Важно отметить стремительность изменений в структуре спроса на труд, отмирание традиционных и возникновение новых профессий и специальностей, связанных с современными технологиями, увеличение доли нестандартных форм занятости, в том числе дистанционной и платформенной, повышения важности креативной и творческой составляющих труда. Ускоренное развитие технологий требует от людей столь же быстрого развития собственных адаптационных возможностей для успешной самореализации как в сфере труда, так и в других сферах жизнедеятельности (потребления, досуга, социальных взаимодействий). Это является принципиально новым требованием к качеству человеческого потенциала.

Социальный вектор связан с обострением проблемы обеспечения равенства возможностей, которое подразумевает и возможность реализовать себя, и доступ к необходимым социальным услугам и тем социальным системам, где происходит воспроизводство человеческого потенциала, прежде всего к образованию и здравоохранению. При этом стоит сложная задача сочетания социальных гарантий и стремительных изменений экономического контекста человеческого развития.

Институциональный вектор ведет к усложнению задачи оптимизации соотношения вклада общественного и личного участия, государства и других институтов в организационную и ресурсную обеспеченность процесса воспроизводства человеческого потенциала. На протяжении длительного периода времени основной тренд изменений шел в направлении укрепления социального государства, расширения централизованного финансирования социальных отраслей и универсальных государственных гарантий социальной защищенности и доступа к социальным благам для обеспечения не только текущих потребностей воспроизводства человеческого потенциала, но и возможностей развития.

Сегодня в условиях кризиса социального государства, связанного с исчерпанием пула его ресурсов, набирает силу тенденция либерализации экономической жизни, повышения значимости опоры на личную инициативу граждан как в сфере занятости, так и в решении социальных проблем. Активное проникновение рыночных отношений в нерыночные по своей природе социальные отрасли ориентирует их на коммерческий успех часто в ущерб основной цели – предоставления социальных благ высокого качества. Это актуализирует задачу поиска новых механизмов социальной защиты и социального развития, действующих помимо государственных структур широкий круг акторов.

В результате предложенную авторами методологию исследования вызовов можно представить в виде матрицы, содержательное наполнение которой отражает проявление глобальных трендов в ключевых областях, ответственных за воспроизводство человеческого потенциала (см. табл. 1).

Каждый из векторов разворачивается по-разному не только в зависимости от сферы воспроизводства человеческого потенциала, но и в разных странах, поскольку зависит от традиций, культурного контекста и исторического пути развития конкретной социально-экономической системы. Это приводит к тому, что наполнение матрицы изменяется с учетом национальных особенностей.

Таблица 1

Матрица вызовов 1. Глобальные вызовы для воспроизводства человеческого потенциала

Вызовы	Сфера труда	Образование	Здравоохранение
Демографический	Рост иждивенческой нагрузки на трудоспособное население за счет лиц старших возрастов, повышение трудоспособного возраста.	Сдвиг в структуре потребности в образовании в направлении старших возрастных когорт.	Рост нагрузки на систему в связи с увеличением старших возрастов в структуре населения, сохранение высокого уровня заболеваемости.
Технологический	Сдвиг факторов успешной самореализации в сфере труда в сторону быстрого развития адаптационных возможностей.	Рост потребности в образовании на протяжении всей жизни.	Изменение рисков для здоровья, в том числе в связи с новыми технологиями (образ жизни, душевное здоровье, экология); разработка новых медицинских изделий и лекарственных средств, способных принципиально изменить подходы к лечению и организации здравоохранения.
Социальный	Поляризация занятости и трудовых доходов: расслоение на высококвалифицированный креативный хорошо оплачиваемый сегмент и рутинный низкооплачиваемый сегмент.	Усиление разрыва в доступности и качестве в зависимости от доходов и социального положения граждан.	Сохранение неравенства в состоянии здоровья и доступе к охране здоровья, обусловленного социально-экономическими причинами.
Институциональный	Расширение масштабов и спектра нестандартных форм занятости, требующее пересмотра системы институциональной защиты экономически активного населения.	Противоречие между расширением масштабов и спектра образовательных услуг и соблюдением стандартов качества образования.	Необходимость улучшения качества институтов системы здравоохранения для повышения эффективности ее работы в условиях ресурсных ограничений.

Источник: составлено авторами.

Модификация универсальной матрицы вызовов с учетом российской специфики

Рассмотренные выше глобальные вызовы в полной мере характерны для России, которая пока что находится в русле трендов, наблюдающихся в большинстве развитых стран. При этом проявление ключевых вызовов в нашей стране обладает спецификой, вытекающей из особенностей траектории ее социально-экономического развития, характеристик населения и институтов.

Демографический вызов. Глобальный тренд старения населения модифицируется относительно низкой продолжительностью жизни, в том числе за счет аномально высокого гендерного разрыва, связанного с высокой смертностью мужчин в трудоспособных возрастах. Этот фактор работает на снижение текущей иждивенческой нагрузки на трудоспособное население. В том же направлении действуют и относительно низкие показатели рождаемости. В то же время уже в ближайшем будущем такая демографическая динамика приведет к сокращению населения и, соответственно, к подрыву естественной основы воспроизводства национального человеческого потенциала. Возрастет потребность в мигрантах. Кроме того, преимущества относительно низкой, по европейским меркам, доли старших возрастных групп отчасти перекрываются высоким уровнем заболеваемости и инвалидизации населения.

Технологический вызов также проявляется противоречиво. С одной стороны, отчетливо виден тренд к распространению цифровых технологий, модифицирующих сферу потребления и расширяющих возможности для гибкой дистанционной занятости. С другой – в стране сохраняется сырьевая экономика и, несмотря на политические заявления, пока не видно принципиального сдвига ее структуры в сторону высокотехнологичных отраслей. Так называемое импортозамещение практически не реализовано. Проблема низкой производительности труда обсуждается не первый год. Поэтому возникает вопрос о том, насколько характерны для нашей страны глобальные тенденции, предъявляющие новые требования к человеческому потенциалу, если иметь в виду экономику в целом, а не отдельные высокотехнологичные сегменты, и в каких областях современный человеческий потенциал может быть востребован и, соответственно, в какой структуре имеет смысл его воспроизводить.

Социальный вызов. На протяжении всего постсоветского периода сохраняется глубокое социально-экономическое неравенство, ведущее к поляризации общества. Происходит снижение доступности ключевых социальных благ, сохраняется структурное неравенство в качестве доступного образования и медицинских услуг, плохо работают соци-

альные лифты. В этих условиях распространение цифровых технологий формирует новый социальный водораздел. Возникает реальная опасность, что социальное положение россиян станет определяться ответом на вопрос: «Ты айтишник или нет?».

Институциональный вызов проявляется в устойчивом снижении роли государства при практически полном отсутствии компенсационных механизмов, смягчающих негативный эффект такого снижения. Серьезное недофинансирование отраслей социальной сферы восполняется исключительно ростом личного финансирования производства и потребления социально значимых благ. В этих условиях важно определить, как будет распределяться ответственность за воспроизводство человеческого потенциала между различными акторами. Для России с ее традициями высокой роли государства ответ на этот вопрос тесно связан с мировоззренческими установками, и дать его непросто.

Содержательное наполнение матрицы вызовов, отражающей специфику России, может, на наш взгляд, выглядеть следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Матрица вызовов 2. Национальные вызовы для воспроизводства человеческого потенциала (на примере России)

Вызовы	Сфера труда	Образование	Здравоохранение
Демографический	Сокращение численности трудоспособного населения и рост иждивенческой нагрузки, в том числе за счет инвалидизации.	Сдвиг в структуре потребности в образовании, в том числе вызванный необходимостью культурной и профессиональной адаптации мигрантов.	Низкая самооценка состояния здоровья и высокий уровень заболеваемости и смертности, в том числе в трудоспособных возрастах; низкая продолжительность жизни, высокий уровень инвалидизации.
Технологический	Необходимость адаптации к изменяющимся условиям занятости, усугубляемая высоким профессионально-квалификационным дисбалансом.	Расширение контингента функционально неграмотных, «спрессованность» образования на ранних этапах жизни, недостаточное развитие дополнительного образования.	Усиление рисков, связанных с образом жизни; быстрые темпы внедрения дистанционных форматов оказания услуг, ведущие к цифровому разделению.

Вызовы	Сфера труда	Образование	Здравоохранение
Социальный	Искаженная дифференциация зарплаты, высокое территориальное неравенство, необходимость адаптации низкоквалифицированных мигрантов.	Множественность барьеров в доступе к качественному образованию, закрепляющих социальное неравенство и парализующих работу социальных лифтов.	Неравенство в состоянии здоровья, обусловленное социальными причинами, включая проблему доступности здравоохранения, в том числе в региональном разрезе.
Институциональный	Широкое распространение неформальных трудовых отношений, снижающее социальную защищенность работников.	Снижение качества образования и его увязки с потребностями рынка труда в результате коммерциализации.	Поиск баланса государственного и частного сектора в условиях роста частного сектора и платных услуг на фоне устойчивого низкого уровня государственного финансирования.

Источник: составлено авторами.

Характеризуя палитру вызовов в сфере труда, необходимо отметить, что здесь особенно ярко проявилось переплетение глобальных трендов и национальных особенностей, сформированных спецификой траектории социально-экономического развития страны. К наиболее ощутимым вызовам в сфере труда относятся: сокращение численности трудоспособного населения и рост иждивенческой нагрузки; стабильно высокий профессионально-квалификационный дисбаланс, подпитываемый искаженной дифференциацией в оплате труда; значительная распространенность работ с неблагоприятными условиями труда и неформальных трудовых отношений, снижающих социальную защищенность работников.

Острота демографического вызова в значительной степени связана с тем, что возрастная структура населения формируется под влиянием демографических волн, являющихся отголоском чередования турбулентных и мирных периодов в истории страны. В настоящее время демографическая волна формирует долговременное снижение как общей численности населения, так и доли населения трудоспособного возраста, что порождает дефицит рабочей силы. Согласно прогнозам, тренд естественной убыли населения сохранится по крайней мере до конца 2030-х годов, а возможно, и до 2050 г. [25]. Расчеты показывают, что поставленная руководством страны цель достиже-

ния «устойчивого роста населения» к 2030 г. на сегодняшний день не выполняема. По текущему высокому варианту прогноза ожидается снижение численности населения на 900 тыс. человек к 2024 г., и даже к 2030 г. она будет ниже современных значений на 600 тыс. человек [26]. Такая демографическая динамика актуализирует потребность в мигрантах, что, в свою очередь, ставит непростую и ресурсоемкую задачу их адаптации.

Отличительной особенностью российского рынка труда является высокая, но плохо согласующаяся с качественными параметрами рабочей силы дифференциация заработков [18]. Вкупе с недостаточностью заработной платы для обеспечения достойного качества жизни квалифицированных работников отсутствие устойчивой и значимой «премии» на полученное профессиональное образование работает на усугубление разрыва между профессионально-квалификационными характеристиками работников и требованиями рабочих мест, формируя так называемый профессионально-квалификационный дисбаланс. В результате расхождение структуры занятости с профилем профессиональной подготовки работающего населения, не позволяющее применить накопленный человеческий капитал, приобрело устойчивый характер. На рабочих местах, никак не связанных с характеристиками полученного профессионального образования, стабильно занято не менее 40% работающего населения. Таким образом, запускается дополнительный механизм, усугубляющий эффект технологического вызова [20].

Серьезные риски для развития национального человеческого потенциала связаны с условиями труда. Согласно официальным данным Росстата, по стране в целом доля занятых во вредных и опасных условиях труда в текущем десятилетии стабильно составляла около 40% [11, с. 8]. На протяжении долгого времени задача обеспечения достойных условий труда находилась на обочине социальной политики как из-за ограниченности ресурсов, так и в силу несовершенства институтов защиты социальных прав, когда этот круг вопросов был передан на откуп предпринимательскому корпусу. В сохранении статуса занятости на рабочих местах с вредными условиями труда и сокрытии несчастных случаев на производстве нередко заинтересованы и сами работники. Вложениям в «оздоровление» рабочих мест работодатель часто предпочитает выплату компенсаций за работу во вредных и опасных условиях. Работника это устраивает, поскольку улучшение условий труда и отмена компенсаций означает потерю в зарплате.

Проблема неблагоприятных условий труда наиболее остро стоит для работников, вовлеченных в неформальные трудовые отношения и нестандартную занятость, доля которых сегодня неуклонно увеличивается. Их труд характеризуется чрезмерной интенсивностью, ненор-

мированным графиком, включающим выходные и праздничные дни, отсутствием отпусков, что ведет к накоплению усталости, стрессам, а затем к психическим и поведенческим расстройствам, что, в свою очередь, увеличивает нагрузку на систему здравоохранения.

Основные вызовы в базовых отраслях социальной сферы, как показано в табл. 2, включают необходимость их технологической модернизации, обеспечения равенства доступа, изменения институциональной структуры, прежде всего на основе оптимального соотношения государственного и частного секторов и адекватного финансирования с учетом фактора развития.

Традиционно в России государство играет ведущую роль в развитии образования и здравоохранения. Однако в последнее время в условиях рыночных реформ в рассматриваемых отраслях происходит усиление позиций частного сектора. Причем особенностью России является не только увеличение частных образовательных и медицинских организаций, а рост частного финансирования за счет оказания платных услуг в государственных учреждениях образования и здравоохранения.

Одна из важнейших проблем в развитии здравоохранения и образования в России – низкий уровень государственного финансирования. Так, на протяжении долгого периода времени финансирование здравоохранения составляло всего около 3,2–3,5% ВВП. Важно отметить, что Россия по этому показателю существенно отстает от многих развитых государств. Доля расходов на здравоохранение в общих государственных расходах находится на уровне 10%, что также существенно ниже, чем в большинстве стран – членов ОЭСР. Государственное финансирование образования практически стагнирует на протяжении многих лет. На этом фоне происходит коммерциализация рассматриваемых отраслей, увеличение доли платных услуг.

Отмечаемый рост общих расходов на здравоохранение фактически идет именно за счет частных средств, доля которых составляет 40%. Причем это на 90% личные платежи граждан, проводимые в момент получения медицинской помощи [24]. Такие платежи создают финансовый барьер для доступа к услугам здравоохранения, формируя неудовлетворенную потребность. Получение необходимой медицинской помощи все больше зависит от доходов населения, что является косвенным свидетельством проблем с доступностью государственной системы здравоохранения [24].

Следует отметить, что в России активно внедряются передовые технологии и в здравоохранении, и в образовании. Особо скажем о цифровых технологиях, прогресс которых стал очевиден в период пандемии. Однако этот процесс вызывает и ряд новых проблем, в частности это касается качества дистанционного образования и телемедицины.

Кроме того, технологические изменения могут в перспективе привести и к существенным изменениям и в организации, и в финансировании рассматриваемых отраслей [23].

Следует особо отметить, что в настоящее время воспроизводство национального человеческого потенциала в России происходит в условиях резко изменившегося международного и, как следствие, внутреннего социально-экономического контекста. Это неизбежно ведет к модификации вызовов, что, по мнению экспертов [3; 4; 10; 17], вызывается следующими факторами:

- ухудшение психического здоровья под воздействием стрессов, неуверенность в будущем;
- отток из национальной экономики определенной части человеческого капитала (ИТ-специалисты, медики, исследователи, деятели культуры и др.) и сокращение возможностей «циркуляции мозгов»;
- снижение возможностей для технологической модернизации как экономики в целом, так и отраслей социальной сферы;
- сокращение возможностей для социальных инвестиций на фоне растущей потребности в социальной поддержке населения.

Оценить реальное воздействие данных факторов на развитие национального человеческого потенциала в настоящее время сложно по ряду причин. Прежде всего отметим, что все эти факторы имеют не только краткосрочную, но и стратегическую составляющую, контуры которой пока не ясны и во многом будут зависеть от дальнейшего развития событий. Кроме того, надежная статистическая и социологическая информация, позволяющая оценить масштабы влияния новых факторов, пока что недоступна.

Выводы

Предлагаемая методология позволяет комплексно оценить вызовы, с которыми сталкиваются те или иные страны в области воспроизводства человеческого потенциала. При этом матрица вызовов дает возможность не только оценить национальные проблемы, но и поместить их в глобальный контекст, сопоставить с мировыми и региональными трендами, а также установить, в какой мере содержание и структура вызовов, обозначившихся в той или иной стране, соответствуют общемировым тенденциям, а в чем проявляется национальная специфика. Так, анализ ситуации в России показал, что до недавнего времени национальные проблемы в области воспроизводства человеческого потенциала были сопоставимы с глобальными. Страна развивалась в русле общемировых тенденций и сталкивалась примерно с теми же вызовами, как и другие развитые страны.

Группировка вызовов по четырем основным блокам позволяет, на наш взгляд, выделить принципиальные вопросы, решение которых на межсекторной и межотраслевой основе будет способствовать сбалансированному воспроизводству человеческого потенциала, отвечающего потребностям развития экономики. Матрица позволяет наглядно проследить внутренние взаимосвязи между блоками и выявить общие приоритеты развития.

Анализ новых условий социально-экономического развития и вызываемых ими сдвигов в системе вызовов для воспроизводства человеческого потенциала на примере России показывает, что происходящие изменения вполне укладываются в предложенную матрицу. Таким образом, с одной стороны, сохраняется системность исследования вызовов, и, с другой – обеспечивается необходимая аналитическая гибкость, позволяющая выявить и классифицировать новые тенденции.

Предлагаемый нами подход, задавая строгую методологическую рамку, в то же время дает возможность для динамичной корректировки ее конкретного наполнения. Такая корректировка может осуществляться как в связи с изменениями в условиях воспроизводства человеческого потенциала национальной экономики, так и по мере накопления аналитической информации, результатов теоретических и прикладных исследований. В частности, представляется интересным дополнение матрицы возможными мерами государственной политики, направленными на преодоление выявленных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 3. С. 122–135.
2. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Новые грани функциональной неграмотности в условиях цифровой экономики // *Вопросы образования*. 2019. № 1. С. 244–263.
3. Бачило Е.В. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19 // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2020. № 120 (10). С. 130–136.
4. Бочанов М.А. Формирование социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 4. С. 133–145.
5. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза // *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 48–70.
6. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева [и др.] / Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020.

7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. Россия перед лицом демографических вызовов. / Под общей редакцией А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. М.: «Сити-Принт», 2009.
8. Заславская Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 5–16.
9. Канева М.А., Унтура Г.А. О взаимосвязи между капиталом здоровья и экономическим ростом в регионах РФ (2013–2018 годы) // *Мир экономики и управления*. 2021. Т. 21. № 2. С. 30–48.
10. Караваева И.В., Казанцев С.В., Лев М.Ю., Коломиец А.Г., Быковская Ю.В., Шафранская А.М. Федеральный бюджет Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024–2025 годов в условиях частично мобилизационной экономики // *Экономическая безопасность*. 2023. Т. 6. № 1. С. 11–50.
11. Кубишин Е.С. Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России: Препринт научного доклада. М.: ИЭ РАН, 2023.
12. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Воспроизводство человеческого потенциала в изменяющихся условиях деятельности высшей школы // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. Вып. 92. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-203-215>.
13. Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 2 (91). С. 16–29.
14. Реутов В.Е., Кравченко Л.А., Вельгош Н.З. Социально-экономические проблемы развития человеческого потенциала России и ее регионов // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13. Вып. 2. С. 69–82.
15. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // *Проблемы прогнозирования*. 2001. № 3. С. 34–48.
16. Садовая Е.С. Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 9. С. 14–24.
17. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. № 6. С. 52–67.
18. Соболев Э.Н. Деформации в оплате квалифицированного труда: истоки и механизмы преодоления // *Экономическая безопасность*. 2022. Т. 5. № 3. С. 1009–1026.
19. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
20. Соболева И.В. Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // *Экономическая безопасность*. 2022. Т. 5. № 3. С. 989–1008.
21. Социальная сфера в современной экономике: вопросы теории и практики / под ред. Т.В. Чубаровой. СПб: Нестор-История, 2015.
22. Федорова М.Н. Системный метод исследования развития человеческого потенциала: человек как субъект экономики и общества // *Общество и экономика*. 2021. Вып. 10. С. 41–52.
23. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски / под ред. Е.Б. Ленчук, Г.А. Власкина, В.В. Доржиевой и др. Институт экономики Российской академии наук. М.: Алетея, 2020.

24. Чубарова Т.В. Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. Вып. № 95. С. 93–107.
25. ЩербакOVA Е.М. Динамика населения России в контексте мировых тенденций // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 78–97.
26. Юмагузин В.В., Винник М.В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 98–111.
27. Яковлева Н.Г. Образование: роль в формировании человеческого потенциала технологической и социально-экономической модернизации России // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 30–47.
28. Bloom D. E., Canning D., Sevilla J. The Effect of Health on Economic Growth: A Production Function Approach // World Development. 2004. Vol. 32 (January). Pp. 1–13.
29. Daysal N., Hirani J. Early-life medical care and human capital accumulation // IZA World of Labor. 2021. 217. Doi: 10.15185/izawol.217.v2.
30. Marquez-Ramos L., Mourelle E. Education and economic growth: an empirical analysis of nonlinearities // Applied Economic Analysis. 2019. Vol. 27. No. 79. Pp. 21–45.

REFERENCES

1. Baskakova M.E., Soboleva I.V. Work-family balance: new opportunities under digital economy // Population. 2018. Vol. 21. No. 3. Pp. 122–135. (In Russ.).
2. Baskakova M.E., Soboleva I.V. New facets of functional illiteracy in the digital economy // Educational Studies Moscow. 2019. No 1. Pp.244–263. (In Russ.).
3. Bachilo E.V. Mental health of population during the COVID-19 pandemic // The Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry. 2020. No. 120 (10). Pp. 130–136. (In Russ.).
4. Bochanov M.A. Formation of the Welfare State Under the Development of New Socio-Political Risks in Modern Russia. Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 133–145. (In Russ.).
5. Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demographic brakes of the economy // Voprosy Ekonomiki. 2018. No. 6. Pp. 48–70. (In Russ.).
6. Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National Demographic Report – 2020 / ed. Ryazantsev S.V. M.: Ob'yedinennaya redaktsiya, 2020. (In Russ.).
7. Report on human development in the Russian Federation for 2008. Russia in the face of demographic challenges. / Under the general editorship of A.G. Vishnevsky and S.N. Bobyleva. M.: "City-Print", 2009.
8. Zaslavskaya T.N. Human potential in modern transformation process // Social Sciences and Contemporary World. 2005. No 3. Pp. 5–16. (In Russ.).
9. Kaneva M.A., Untura G.A. On the Relationship between Health Capital and Economic Growth in Russian Regions (2013–2018) // World of Economics and Management. 2021. Vol. 21. № 2. Pp. 30–48.
10. Karavaeva I.V., Kazantsev S.V., Lev M.Yu. , Kolomiets A.G. , Bykovskaya Yu.V. , Shafranskaya A.M. The federal budget of the Russian Federation for 2023 and for the planning period of 2024–2025 in a partially mobilization economy // Economic security. 2023. Vol. 6. № 1. Pp. 11–50.

11. *Kubishin E.S.* Working conditions and new forms of non-standard employment in the context of Russian human potential development. Moscow: IE RAS, 2023. (In Russ.)
12. *Molchanov I.N., Molchanova N.P.* Reproduction of Human Potential in Changing Conditions of Higher Education // Public Administration. E-journal. 2022. Iss. 92. Pp. 203–215. (In Russ.)
13. *Naiden S. N., Gritsko M. A., Burevaya N. S.* Social infrastructure development as a condition of human capital growth // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 16–29. (In Russ.)
14. *Reutov V.Y., Kravchenko L.A., Velgosh N.Z.* Social and economic problems of the human potential development in Russia and its regions // Services in Russia and abroad. 2019. 13(2). Pp. 69–82. (In Russ.)
15. *Rimashovskaya N.M.* Qualitative potential of the population of Russia, a look into the XXI century // Studies on Russian Economic Development. 2001. No 3. Pp. 34–48. (In Russ.)
16. *Sadovaya E.* Social challenges of digital economy: Russian in a global context // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 62. No. 12. Pp. 35–45. (In Russ.)
17. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: the limits of adaptation // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No 6. Pp. 52–67. (In Russ.)
18. *Sobolev E.N.* Deformations in wages for skilled labor: origins and mechanisms for overcoming // Economic Security. 2022. Vol 5. No 3. Pp. 1009–1026. (In Russ.)
19. *Soboleva I.* Human potential of Russian economy: problems of preservation and development. Moscow: Nauka, 2007. (In Russ.)
20. *Soboleva I.V.* Vocational and qualification imbalance as a challenge to economic and social security // Economic Security. 2022. Vol. 5. No. 3. Pp. 989–1008. (In Russ.)
21. Social sphere in modern economy: questions of theory and practice. Edited by T.V. Chubarova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. (In Russ.)
22. *Fedorova M.* A systemic method of investigating the development of human potential: the individual as an economic and social actor // Obshchestvo i ekonomika. 2021. Iss. 10. Pp. 41–52.
23. Formation of the digital economy in Russia: challenges, prospects, risks (edited by E.B. Lenchuk, G.A. Vlaskin, V.V. Dorzhieva and others). Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. M.: Aletheia, 2020. (In Russ.)
24. *Chubarova T.V.* Ensuring Access to Healthcare in Russia: Role of Public Policy Instruments // Public administration. E-journal. 2022. Iss. № 95. Pp. 93–107.
25. *Shcherbakova Ye.M.* Dynamics of the population of Russia in the context of global trends // Studies on Russian Economic Development. 2022. No 4 (193). Pp. 78–97. (In Russ.)
26. *Yumaguzin V.V., M.V. Vinnik M.V.* Forecast of Population Size and Demographic Burden in Russia up to 2100 // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 4. Pp. 422–431. (In Russ.)
27. *Yakovleva N.G.* Education: the role in the formation of human potential, technological and socio-economic modernization of Russia // Russian Economic Journal. 2022. No. 4. Pp. 30–47. (In Russ.)
28. *Bloom D. E., Canning D., Sevilla J.* The Effect of Health on Economic Growth: A Production Function Approach // World Development. 2004. Vol. 32 (January). Pp. 1–13.
29. *Daysal N., Hirani J.* Early-life medical care and human capital accumulation // IZA World of Labor. 2021. 217. doi: 10.15185/izawol.217.v2.
30. *Marquez-Ramos L., Mourelle E.* Education and economic growth: an empirical analysis of nonlinearities // Applied Economic Analysis. 2019. Vol. 27. No. 79. Pp. 21–45.

Дата поступления рукописи: 06.09.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3985-0198
t_chubarova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Soboleva – Dr. Sci. (Econ.), senior researcher, Head of Center for Human Potential Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

Tatiana V. Chubarova – Dr. Sci. (Econ.), senior researcher, Head of Center for Social Economic Theory, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3985-0198
t_chubarova@mail.ru

CHALLENGES FOR HUMAN POTENTIAL REPRODUCTION: GLOBAL TRENDS AND RUSSIAN SPECIFICS

In the article, the authors substantiate the need to develop an integrated approach to analyzing the problems related to the reproduction of human potential. Having analyzed the existing approaches, they present a matrix that matches demographic, technological, social and institutional challenges in the key areas of human potential reproduction (labor, education, and healthcare). The proposed methodological framework, by visualizing the links between the challenges to human reproduction, allows for quicker comprehensive analysis of shifts in their system and can be used in any national context.

Keywords: *human potential, matrix of challenges for the reproduction of human potential, labor, education, healthcare.*

JEL: J24, I1, I2, F66.

В.В. ВОРОЖИХИН

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник НИИ развития образования
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
ведущий научный сотрудник Института проблем развития науки РАН

В.П. ЗАВАРУХИН

кандидат экономических наук,
директор Института проблем развития науки РАН

Е.И. ЛАРИОНОВА

кандидат экономических наук,
ученый секретарь Института проблем развития науки РАН,
профессор департамента бизнес-аналитики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЕМ НАУКИ РОССИИ**

Цель статьи – обоснование необходимости создания новых инструментов для работы с непрерывно развивающимися и усложняющимся пространством знаний, позволяющих вести исследования трансформаций сложных систем, выявлять новые знания, формализовать, хранить, распределять и применять их в условиях информационного «потопа», сократить время от появления данных до их использования. На основе изучения результатов исследований и фактических данных, сравнительного анализа состояния инновационного развития России и развитых стран предложены новые инструменты для организации эффективных научных коммуникаций и управления ими. Предлагаемые инструменты могут значимо повысить эффективность взаимодействия научного сообщества России, устраняя фрагментарность научной среды.

Ключевые слова: : *управление наукой, научные коммуникации, интеллектуальный репозиторий, электронный научный паспорт, мультисеть, конкуренция, взаимодействие, самоуправление, конкурентоспособное управление наукой.*

УДК: 001

EDN: CUBRGI

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_59_82

Введение

Современный этап развития мировой социально-экономической системы ведущими специалистами Глобального института McKinsey рассматривается как новая эра, следующая за «эпохой рынков» – завершившимся третьим этапом послевоенного развития [1, р. 2]. В «новой эре», с одной стороны, усиливается роль глобальных бизнес-экосистем, организуемых на цифровых платформах с использованием новых технологий, а, с другой – роль национальных государств, вступающих в непрерывно ужесточающуюся конкуренцию за будущее. Отношения между акторами реализуются в сложных формах конкурентного партнерства, определяющего текущие режимы взаимодействия, меняющиеся во времени на территориальных и отраслевых рынках, в цепочках поставок и цепочках создания стоимости, в потоках технологий и знаний.

Ключом к преобразованию вызовов в новые возможности для стран становится развитие национальной науки. Страны, вырвавшиеся в гонке за новые знания и их использование в экономике, получают существенные конкурентные преимущества и формируют ядро нового экономического развития. Отстающие страны вытесняются на периферию мирового развития, теряя технологический суверенитет и стратегическую автономию.

Советская наука развивалась в организациях, которые управляли деятельностью своих сотрудников, при этом их руководители имели «право на истину по должности». В определенной степени такое право сохраняется и сейчас, что оказывает негативное влияние на национальную систему знаний: *происходит замещение научного знания экспертным – доверительным. Сохраняется фрагментация пространства знаний, также фрагментированным остается и управление развитием науки.*

Поиск новых моделей управления наукой, включая попытку выделения хозяйственной деятельности в ФАНО, успехом не увенчался. Результатом активных попыток реформировать науку и высшее образование путем передачи значимой части науки в университеты оказалось 35 место нашего высшего образования среди 50 участников международного рейтинга национальных систем высшего образования.

Для оценки уровня развития и конкурентоспособности стран мира специалистами Всемирного экономического форума разработан глобальный рейтинг, который публиковался с 2004 г. по 2018 г. В его рамках все страны разбиты на три основных и две переходных группы [2]. К основным группам отнесены страны, развитие которых осуществляется за счет использования природных ресурсов, за счет повышения эффективности и внедрения инноваций. Кроме этих трех групп выделены две переходные группы. Россия в рейтинге

отнесена к группе стран, реализующих переход от развития на основе эффективности к развитию на основе инноваций. Однако страна как бы «замерла» на этом этапе и не в состоянии пока завершить начатый переход. Ситуация осложняется введением, начиная с 1992 г., и поэтапным ужесточением санкций¹[3]. В связи с этим особый интерес представляет исследование причин торможения развития российской науки и поиск новых инструментов, способных повысить ее эффективность.

Одним из важнейших аспектов исследования является необходимость определения уровня, на котором применение новых управляющих воздействий будет более эффективным, а также выбор механизмов и инструментов для повышения эффективности науки в целом. Управление наукой сегодня реализуется на национальном уровне с использованием нормативно-правовых, финансово-экономических, организационно-структурных и административных мер, а также в рамках социальных и координационных воздействий научной экспертизы (Администрация Президента РФ и Совет при Президенте РФ по науке и образованию, Федеральное Собрание РФ, Правительство России, Министерство науки и высшего образования РФ, Российская академия наук). На уровне организаций конкретные управленческие воздействия определяет их руководство, с учетом действующего законодательства и директив ФОИВ РФ. Руководство исследователями распределено между организациями и системами грантового обеспечения. Физические лица к участию в конкурсах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в интересах ФОИВ не допускаются.

Сравнительный анализ результативности российской и зарубежной науки

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ результативности российской и зарубежной науки и основных факторов, влияющих на их развитие.

Наиболее известный глобальный рейтинг национальных инновационных систем под названием «The Global Innovation Index» (ГИИ=ГИИ) с 2004 г. формирует Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). В 2022 г. вышло 15 издание [4], в котором проведен сравнительный анализ инновационных систем 132 стран на основе примерно 80 параметров. Россия занимает достаточно скромное, 47-е место, среди 132 экономик, включенных в ГИИ 2022 (см. табл. 1).

¹ Санкции США в отношении российских компаний в 1992–2008 гг. Справка РИА Новости. <https://ria.ru/20081024/153760143.html> (дата обращения: 22.02.2023).

Таблица 1

Рейтинг Глобального инновационного индекса для России (2020–2022 гг.)

Год	Место России в общем рейтинге ГИИ	Место России в рейтинге по показателю «Условия для инновационной деятельности»	Место России в рейтинге по показателю «Результаты инновационной деятельности»
2020	47	42	58
2021	45	43	52
2022	47	46	50

Источник: [4].

Если проанализировать рейтинги России по основным показателям ГИИ, то мы увидим, что, например, в 2022 г. у России показатели по условиям для инновационной деятельности были лучше, чем по ее результатам: она занимала 46-е место по условиям для инновационной деятельности (что ниже, чем в 2021 и 2020 гг.) и 50-е место (выше, чем в 2021 и 2020 гг.) по ее результатам. При этом Россия демонстрировала показатели выше среднего в области человеческого капитала и научных исследований (27-е место), по готовности/восприимчивости бизнеса к инновациям (44-е место), по практической отдаче от инноваций (47-е место), по готовности/восприимчивости рынка к инновациям (48-е), по результатам инновационной деятельности и созданию инновационных технологий (51-е место). Низкие результаты у России были по показателям развития научной инфраструктуры (62-е место) и по институциональным условиям (89-е место). Россия занимает 7-е место среди 36 стран с уровнем дохода выше среднего и 30-е место среди 39 экономик Европы.

Динамика показателей Европейского инновационного индекса инновационного развития России за период 2014–2021 гг. приведена в табл. 2. (Структура показателей этого инструмента приведена в Приложении).

Как видно из табл. 2, к наиболее проблемным вопросам инновационного развития России относятся: значительное снижение выпускников докторантуры и аспирантуры, снижение государственного финансирования в бизнесе, снижение разработки технологий, связанных с окружающей средой, снижение доли малых и средних предприятий (МСП), внедряющих инновационные продукты и процессы. К наиболее сильным – увеличение населения с высшим образованием в возрасте 25–64 лет, рост числа наиболее цитируемых публикаций, относительно высокая доля государственного финансирования в бизнесе, рост числа совместных государственно-частных публикаций, высокое

Таблица 2

Динамика показателей инновационного развития России

Россия	2014 г.	2021 г.	Разница между 2014 и 2021 г.
Выпускники докторантуры (на 1000 человек населения в возрасте 25–34 лет)	57,6	36,8	–20,9
Высшее образование	152,5	157,6	5,1
Международные совместные публикации	21,5	28,1	6,5
Наиболее цитируемые публикации	14,9	25,8	11,0
Расходы на НИОКР в государственном секторе	59,7	57,4	–2,3
Государственное финансирование НИОКР и налоговая поддержка НИОКР, реализуемых бизнесом	312,9	243,9	–68,9
Расходы на НИОКР в бизнес-секторе	48,8	45,0	–3,7
Занятость в отрасли информационно-коммуникационных технологий	63,8	56,5	–7,3
МСП, внедряющие инновационные продукты	12,8	12,0	–0,8
МСП, внедряющие инновационные процессы	2,5	2,9	0,4
Инновационное сотрудничество МСП с другими секторами бизнеса	8,5	17,0	8,5
Государственно-частные совместные публикации	12,8	23,9	11,2
Патентные заявки	10,3	12,4	2,0
Заявки на товарные знаки	153,4	150,4	–3,0
Заявки на промышленные образцы	28,6	37,7	9,1
Экспорт средне- и высокотехнологичной продукции	19,0	21,9	2,9
Экспорт наукоемких услуг	95,6	95,2	–0,4
Загрязнение воздуха твердыми частицами	112,2	114,4	2,2
Технологии, связанные с окружающей средой	84,4	67,6	–16,8

Источник: European Innovation Scoreboard [5].

число заявок на товарные знаки и рост числа заявок на промышленные образцы.

Россия отнесена к категории «развивающихся инноваторов». Категории «умеренные инноваторы» и «сильные инноваторы» остались недоступными в рамках современной системы организации научной деятельности в России, не говоря о приближении ее к группе стран, являющихся «инновационными лидерами».

Современные факторы, влияющие на эффективность научной деятельности

К наиболее важным изменениям в научной деятельности относится активное использование баз данных при проведении всех значимых исследований и открытий в XXI в. и принципиальное усиление роли вычислений в развитии науки. Эти новые явления Дж. Грей в 2006–2007 гг. обозначил как становление Четвертой научной парадигмы [6, р. xvii–xxxii]. Исследования реализуются как процессы извлечения новых знаний на основе вычислений с использованием Больших данных и системы динамических онтологий, охватывающих все области знаний, отражающих уровни готовности аналитики, технологий и промышленности, развитие глобальных бизнес-процессов на основе интеграции социальных и отраслевых (технических) технологий.

Важнейшее значение имеет стремительное развитие компьютерной науки и создание глобальных экономических и энергетических моделей, точнее, мультимодельных комплексов, среди которых необходимо отметить прежде всего Global Engine Machine фирмы IHS [7], расчеты которого позволили США в 2015 г. за полгода реформатировать крупнейший товарный рынок мира – рынок нефти – и довести стоимость барреля до заданного значения 30 долл. США: «К январю 2016 года баррель нефти марки Brent стоил уже \$ 27,72, обновив, таким образом, 13-летний минимум»².

Цифровизация принципиально изменила возможности сбора, хранения и доступа к данным. В условиях цифровизации упростились научные коммуникации и интеграция знаний отдельных школ и специалистов. Повысилась роль специализации, а позже пришло понимание, что для повышения эффективности работы исследователя необходимо формировать профили знаний. В то же время отражением процесса развития Интернета и повышения глубины его проникновения и доступности становится обилие непроверенной информации низкого качества, а также фейковая информация и фейковые исследования, генерация с использованием искусственного интеллекта псевдонаучных статей, более тысячи которых были приняты к публикации высокорейтинговыми журналами³. При этом в самом исследовании прогноз ориентирует нас на значимую и увеличивающуюся общую оценку ежегодного числа потенциальных фейковых публикаций более 300 000 [8, р. 6]. В результате стало широко проявляться «цифровое невежество»,

² Переменчивость черного золота: колебания цены на нефть с 2012 года. <https://iz.ru/news/661556> (дата обращения: 18.10.2023).

³ Fake scientific papers are alarmingly common. <https://www.science.org/content/article/fake-scientific-papers-are-alarmingly-common> (дата обращения: 18.10.2023).

ведущее к снижению значимости научных знаний и их носителей. Последнее приняло такие размеры, что возник вопрос о «Смерти экспертизы» и роли науки в жизни современного социума [9].

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые горизонты. Современный искусственный интеллект способен самостоятельно создавать тексты, отличить которые от текстов, созданных человеком, непросто. ИИ близок к преодолению теста Тьюринга. GPT-3 — это авторегрессионная генеративная языковая модель на архитектуре трансформер. Ее подробное описание было опубликовано 26 мая 2020 г. [10] Для обучения «генеративного» ИИ Generative Pre-trained Transformer 3 (GPT-3) – достигнутой «вершины» развития глубоких нейросетей – было использовано 175 млрд параметров из текстов объемом 570 Гбайт, созданных до 2021 г. Обучение модели происходило на суперкомпьютере Microsoft Azure AI, который был построен специально для OpenAI [11].

Аналитики Gartner прогнозируют, что к 2025 г. около 10% всех производимых на планете данных будут приходиться на генеративный ИИ. И уже разработана новая, более совершенная версия технологии – GPT-4, отчет о которой 16 марта 2023 г. опубликован Open AI: «Мы характеризуем GPT-4, большую мультимодальную модель с производительностью на уровне человека в некоторых сложных профессиональных и академических эталонах. GPT-4 превосходит существующие большие языковые модели в наборе задач НЛП и превосходит подавляющее большинство современных систем (которые часто включают тонкую настройку под конкретную задачу). Мы обнаружили, что улучшенные возможности, хотя обычно они измеряются на английском языке, могут быть продемонстрированы на многих других языках. Мы подчеркиваем, что предсказуемое масштабирование позволило нам сделать точные прогнозы относительно потерь и возможностей GPT-4»⁴.

Тем не менее в мире изменений, неопределенностей и трансформаций роль человека только возрастает. Человек остается центром принятия решений, используя самые современные инструменты поддержки процессов разработки, принятия и реализации решений, а их целью является изменений условий, ограничений и качества жизни людей.

Взаимодействие в научном мире обрело зримые черты конкурентного партнерства: для успешной конкуренции в фокусе проводимых исследований, которые стали междисциплинарными, исследователи вынуждены поддерживать научные коммуникации и взаимодействия с коллегами во всех смежных областях лично, а не в качестве сотрудника какой-то организации. Отметим, что у каждого исследователя

⁴ GPT-4 Technical Report. arXiv:2303.08774v2 [cs.CL]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.08774>. P. 14 .

в условиях чрезмерно большого количества информации формируется персональная база знаний, при этом ни один из специалистов не в состоянии охватить в целом весь спектр знаний в своей области с глубиной, достигнутой современной наукой. Успех во многом зависит от того, насколько эффективны научные коммуникации исследователя, как он находит баланс учета личных интересов и интересов коллег научного сообщества: конкуренция, как и взаимодействие, свойственны природе человека и неустранимы.

В современном мире меняется и само представление о способах координации научной деятельности: на смену иерархии пришли сети. Управление наукой «сверху», не отражающее все новые факты, тенденции, методы и подходы, становится ограничением. «Истина по должности» приводит к стагнации и неконкурентоспособности науки. В мире есть успешный опыт, которым для развития сетевых форм координации можно воспользоваться в полной мере. Формирование пространства и программ исследований «снизу» характерно для науки ЕС. Попытка централизованной активации исследований COVID-19 председателем Европейского исследовательского совета (ERC) М. Феррари была торпедирована 12 членами Совета: научное сообщество еще «не созрело» – не готово к адекватной формулировке программы исследований и к ее выполнению [12].

Взаимодействие в процессе научной деятельности принимает самые разнообразные формы, отражая палитру механизмов общественной координации, в т. ч. социо-электронных, отражающих изменения социальных коммуникаций по мере развития цифровых технологий и ИИ.

Повышение эффективности науки становится напрямую связанным с поиском баланса между развитием конкуренции, взаимодействия и самоуправления научного сообщества, с учетом использования цифровых технологий. В основе такого поиска лежит совершенствование инструментов для систем оценки результатов научной деятельности.

Современные проблемы управления наукой

Система оценки результатов научной деятельности требует учета наиболее значимых факторов, влияющих на эффективность научной деятельности, к числу которых могут быть отнесены:

- качество исследований и научной информации: фейковые исследования и фейковая информация, цифровое невежество;
- рост численности исследователей: вовлечение талантов и населения;
- эффективность научных коммуникаций: режим 24/7; общие термины – актуализация онтологий, интеграция человеческого и искусственного интеллекта (конкурентное партнерство – конкуренция и взаимодействие);

- адаптация к непрерывному развитию и росту сложности знаний;
- адекватность (квалифицированность) оценки результатов научной деятельности;
- оптимизация профиля (спектра и глубины) знаний исследователя применительно к сфере научных интересов ученого и к конкретному исследованию;
- адекватность оценки влияния на научно-технологическое и социально-экономическое развитие и безопасность страны;
- совершенствование управления развитием науки, включая использование саморегулирования конкурентного партнерства научным сообществом;
- переход к человеко-ориентированной модели развития на основе инноваций;
- формирование национальной экосистемы знаний, обеспечивающей доступность глобального знания каждому исследователю страны, вовлеченность всех исследователей в инновационное развитие России и полное использование ее научно-инновационного потенциала;
- адекватность мотивации исследователей и достаточность финансирования науки.

Если для каждой из этих позиций разработать эффективные инструменты управления, увязанные в единый целостный комплекс, то он мог бы стать основой новой системы управления развитием наукой, которая устранила бы важнейшие причины низкой эффективности российской науки⁵. Выделим наиболее значимые из них:

- низкий уровень практической ориентированности российской фундаментальной науки, что не способствует вкладу науки в инновационную экономику, а также инновационной активности предприятий;
- не определены единые приоритеты деятельности институтов инновационного развития;
- невысокое качество управления государственной программой «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», объединяющей 34 отраслевых госпрограммы: несмотря на высокое кассовое исполнение (99,2% от сводной бюджетной росписи) из 49 показателей госпрограммы в 2020 г. не достигнуты значения по 6 из них;
- отсутствие прозрачных механизмов привлечения и детализации источников внебюджетного финансирования науки;

⁵ В отчете аудиторов Счетной палаты указано подробно на ряд причин низкой эффективности (см. [13, с. 6–13])

- сокращение численности научных сотрудников (с 2000 по 2020 г. численность исследователей сократилась на 18,7%);
- отсутствие соответствия проводимых фундаментальных исследований «большим вызовам» и стратегическим приоритетам в области научно-технологического развития, определенным Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации;
- отсутствие целостной системы управления реализацией Программы фундаментальных научных исследований в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований;
- отсутствие механизма перевода результатов фундаментальных научных исследований в прикладную плоскость.

Имеют место отдельные недостатки в сфере целеполагания, нормативно-правового регулирования и мониторинга деятельности институтов развития. В стратегических документах задачи и направления деятельности институтов должны носить конкретный характер, а целевые индикаторы и показатели отраслевых и территориальных стратегий в разрезе институтов быть декомпозированы.

В Счетной палате подсчитали, что с момента создания 11 федеральных институтов инновационного развития они получили более 2 трлн руб. из бюджета, однако на развитие инноваций была направлена лишь четверть от этой суммы. Фиксируется отставание России от стран-лидеров, а уровни готовности определены только для 2,5 тыс. из 14 тыс. проектов⁶.

В других исследованиях также сформулированы неутешительные выводы о том, что:

- «сфера технологического развития и особенно науки является, на наш взгляд, ахиллесовой пятой современной российской экономики, ... нарастает отставание России от развитых стран по уровню финансирования НИОКР, патентной и публикационной активности, сокращается численность исследовательских кадров. Большинство целевых показателей Указов Президента Российской Федерации 2012 и 2018 гг. по развитию сферы науки и технологий, кроме задачи по повышению заработной платы, не выполнены. ... большинство целевых показателей Концепции долгосрочного развития (КДР-2020) и Стратегии инновационного развития достигнуты не были» [14, с. 76–77];
- важнейшей причиной неудовлетворительной ситуации «является отсутствие системной последовательной политики развития

⁶ Надотехнологии: Счетная палата заявила об убыточности институтов развития. <https://iz.ru/1312038/evgenii-kuznetcov/nadotekhnologii-schetnaia-palata-zaiavila-ob-ubytochnosti-institutov-razvitiia> (дата обращения: 22.02.2023).

науки и технологий и «сбитый прицел приоритетов и принципов» [14, с. 83];

- «внимание государства к развитию системы государственных научных центров практически отсутствует. ... функции по управлению прикладными исследованиями не предусмотрены в положении ни у одного федерального органа исполнительной власти» [14, с. 88].
- «Реализация научно-технологических проектов и планов невозможна без перестройки системы управления наукой и технологическим развитием. Созданная Комиссия по научно-технологическому развитию при Правительстве Российской Федерации собирается нерегулярно и не может служить управленческим органом для постоянной координации взаимодействия фундаментальной, прикладной и корпоративной науки» [15, с. 10].

Нам еще предстоит создать действительно реалистичную комплексную систему оценки достигнутого научно-технологического потенциала вместо фрагментарных индикаторов, заимствованных из западного опыта. *Нужны новые критерии (кроме публикаций и патентов) и новая система оценки науки, основанная на квалифицированной экспертной оценке, показателях работы с индустрией, продвижении результатов НИОКР по уровням технологической готовности.* По выражению бывшего Президента РАН А.М. Сергеева «главным итогом будет не статья, а экспертная оценка специалистов и конечный продукт» [16].

Отметим также, что сохраняется фрагментарность доступного пространства знаний, фрагментарность управления развитием науки и клановые барьеры при признании значимости результатов научной деятельности.

По мнению Никоновой А.А., решение проблемы огромного разрыва между созданием знаний и их влиянием на экономику России возможно также за счет развития инструментов коммерциализации результатов исследований, значимость которой возрастает в связи с сокращением бюджетного финансирования фундаментальной науки в России в 2023–2025 гг. [17, с. 23, 32]. Ученый считает, что «ни стратегия «Инновационная Россия-2020», ни Стратегия научно-технологического развития, принятая в декабре 2016 г., не задали сущностных ориентиров движения страны», в отсутствие которых «решения носят ситуативный характер». Критерии выделения средств на НИОКР «размыты, выхолощены, частично несопоставимы: экономическая безопасность, научная ценность, социально-экономические эффекты, готовность технологии, финансово-экономические параметры» и в новой программе научно-технологического развития, поэтому «в таком виде стратегия научно-технологического развития не способна ответить на системные вызовы в сфере инноваций и послужить мотивационной основой для

разработки механизмов трансфера знаний в экономику» и не может изменить ситуацию, при которой «69 стран имеют гораздо большую эффективность использования генерируемых знаний» [17, с. 24–25].

Большинство существующих на сегодняшний день проблем российской науки носят системный характер, и в данном контексте они все чаще стали рассматриваться в научных работах. Рассмотрим работы, в которых анализируются инструменты, используемые для управления российской наукой, новые требования к ним, а также формируются предложения по их развитию.

Краткий обзор инструментов, используемых в организации российской науки

За время попыток реформировать российскую науку число инструментов, используемых для организации исследований и их финансирования, стремительно возросло: «...имеется запрос на научно-технологический суверенитет, повышение ответственности ученых за технологическое и социально-экономическое развитие страны. ... Происходит переоценка различных инструментов поддержки деятельности ученых, влияющих на их положение, репутацию, карьеру» [18, с. 56].

Рейтинг мер научно-технической политики исследуется в проекте ВШЭ «Делаем науку в России»⁷, реализуемый на основе опроса представителей научных организаций. Важнейшими в рейтинге по интегральному индексу из 30 финансовых инструментов поддержки признаны: государственное задание на НИОКР, программа «Приоритет-2030», гранты, премии и стипендии молодым ученым. Среди восьми нефинансовых мер поддержки наибольшие оценки получили две: 1) база данных, содержащая сведения об оценке и мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения; 2) Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения и доступ к международным базам данных. При этом исследователи ВШЭ отмечают, что «Большинство рассмотренных мер поддержки

⁷ Исследование «Делаем науку в России» базируется на результатах проведенного в конце 2022 г. опроса представителей 577 научных организаций и университетов и является продолжением проекта «Делаем науку в России» (Doing Science) 2017–2018 гг. Респондентами выступили руководители организаций или их заместители по научной деятельности — как лица, формирующие повседневные управленческие практики, которые непосредственно влияют на результативность науки и эффективность государственного регулирования. <https://issek.hse.ru/news/850181773.html> (дата обращения: 14.08.2023).

науки (как и в обследовании пятилетней давности) характеризуются довольно широким потенциальным охватом: более 70% опрошенных имели возможность ими воспользоваться. При этом реализовали ее менее чем в половине организаций, вошедших в выборку (40%), что может быть связано как со строгими критериями отбора, так и недостаточной информированностью респондентов о доступных мерах»⁸.

Существующие инструменты управления развитием науки недостаточно эффективны. Никонова А.А. считает, что «Улучшение входных условий для инноваций не только не помогает РФ продвинуться в инновационном развитии, но контрастирует с его результатами: они, напротив, ухудшились по базовым группам индикаторов», а «рост публикационной активности, как видно, мало помогает в коммерциализации знаний, визуализированных в печатной форме, и превращении их в новые для рынка продукты, технологии, способы организации и маркетинга» [17, с. 27–28]. *Фрагментация как пространства знаний, так и мер управления развитием науки требует формирования инструментов, глубоко проработанных и адаптирующихся к меняющимся научно-технологическим и социально-экономическим условиям развития России.*

В работе Клепча А.Н., Водоватова Л.Б., Дмитриевой Е.А. [15, с. 9–10] в качестве управленческого инструмента предлагается формирование обновленного долгосрочного Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 г. (2035 г.) и его продление до 2040 г., который не должен исчерпываться перечнем потенциально перспективных технологий. Кроме того, предлагается учредить Бюро по науке и технологиям в форме аппарата Комиссии по научно-технологическому развитию (современный аналог существовавшего в советское время Государственного комитета по науке и технике). Предполагается, что в качестве надминистерского органа он мог бы курировать всю отечественную науку, занимаясь повседневной «ручной» работой по выстраиванию взаимодействия между различными министерствами, управленческими и научно-производственными структурами.

Однако современная зарубежная практика движется от формирования прогнозов к управлению конвергенцией, а эффективность еще одной создаваемой бюрократической структуры дополнительно к десяткам существующих вряд ли вдруг станет неожиданно высокой.

Национальной проблемой развития науки является отсутствие эффективных инструментов реализации практически для всех предлагаемых стратегий и сценариев, особенно на «выходе» – в сфере оценки результатов научной деятельности. Рассмотрим перспективные, с этой точки зрения, инструменты совершенствования управления развитием российской науки.

⁸ Там же (дата обращения: 14.08.2013).

Перспективные инструменты совершенствования управления развитием российской науки

Перспективные инструменты для восстановления конкурентоспособности российской науки требуют опоры на наиболее значимые и развитые ресурсы и отказа от наиболее проблемных из них. *Необходима новая инфраструктура, ориентированная на непосредственное использование человеческого капитала и научных исследований – на прямые сетевые коммуникации и взаимодействия между исследователями, формируемая дополнительно к существующей инфраструктуре и организациям, которые, согласно Глобальному инновационному индексу⁹, существенно отстают в качестве и эффективности и являются тормозом развития российской науки.*

С учетом выявленных проблем российских научных организаций и инновационной инфраструктуры можно выбрать одно из двух, причем противоположных, направлений развития российской науки:

- заняться совершенствованием научных организаций (учреждений), что в условиях фрагментарности пространства знаний, клановой организации науки и неконкурентоспособности науки и ее подчиненности органам власти представляется крайне сложным процессом, с негарантированным получением желаемого результата;
- перенести фокус организации научных исследований на персонафицированные коммуникации, взаимодействия и самоорганизацию творческих коллективов.

В отличие от ранее бытовавшего у ряда отечественных исследователей мнения о главенствующей роли научных организаций, сейчас наблюдается консенсус зарубежных и российских исследователей, в том числе специалистов Министерства науки и образования, в вопросе выявления источника нового знания: им является человек, исследователь. Люди играют ключевую роль в обучении и использовании знаний [19]. Знания в организации создаются на многих уровнях, а процесс их создания в значительной степени зависит от обмена информацией между ее сотрудниками, определяя этот уровень между отдельными лицами в организациях как базовый для создания знаний [20]. О важности роли личности в развитии науки говорят и отечественные исследователи [21, 22].

Отметим, что для любой организации пространство внешних – национальных и глобальных – знаний значительно превышает объем и детализированность (спектр и глубину) знаний организации. Слож-

⁹ См. раздел «Сравнительный анализ результативности российской и зарубежной науки» статьи.

ность и непрерывное развитие пространства знаний, динамичность ситуационного научного лидерства приводят к тому, что носителями новейших знаний в локальных областях являются конкретные исследователи, а предметные научные коммуникации и взаимодействие между организациями становятся персонализированными. Цифровые инструменты доступа к глобальным знаниям увеличивают роль личности, ее способностей, знаний и умений в процессах создания новых знаний. В результате исследователи начинают играть ключевые роли в процессах создания знаний при всей значимости организационной культуры, содействующей (или препятствующей) обмену и использованию знаний.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, при создании новой, глобально конкурентоспособной науки России, в контексте происходящих цифровых изменений и автоматизации научных исследований, более целесообразным и перспективным является формирование сетевых научных коммуникаций непосредственно между исследователями, которые легко регулируются условиями конкурсов на получение грантов творческими коллективами или даже отдельными исследователями (что не противоречит действующему законодательству, но не принято в существующей практике).

Отметим, что публикация является лишь отражением, издательской проекцией результата научной деятельности, который представляет (а иногда и не представляет) собой создание (выявление) нового знания в любых его формах, решение научной задачи и или практическое использование знаний в экономике страны. Сейчас активно распространяется точка зрения, что почти вся наука становится практикоориентированной¹⁰. Однако за декларациями практикоориентированности науки должны стоять не компетенции по освоению известных инструментов исследователями, а создание новых инструментов, которые передаются предприятиям и успешно используются в экономике. Это возможно лишь при эффективном взаимодействии всех элементов национальной инновационной системы, что требует непрерывной адаптации связей между ними по мере трансформации глобальной и национальной экономики, по мере изучения конвергенции технологий и освоения механизмов и инструментов управления ею.

Для такой системы, результатом использования которой может стать значимое повышение эффективности науки России и завершение процессов перехода страны к развитию на основе инноваций, *предлагаются два новых инструмента управления развитием науки на основе использования искусственного интеллекта: на уровне персоналий – это*

¹⁰ Вся наука становится практичной. <https://expert.ru/expert/2023/24/vsya-nauka-stanovitsya-praktichnoy/> (дата обращения: 14.08.2023).

электронный научный паспорт исследователя, на уровне научного сообщества – интеллектуальный репозиторий.

Приведем основные характеристики предлагаемых новых инструментов управления. Научный паспорт (НП) [23] технически реализуется как ИИ, обучаемый совместно с конкретным исследователем, что позволяет одновременно использовать преимущества, в числе которых возможности выхода за любые формальные рамки, стандартных решений человека и обработки огромных потоков информации искусственным интеллектом, сокращая и отбирая информацию в соответствии с профилем знаний исследователя и темой проекта. Фактически формируется ячейка гибридного – человеческого и искусственного – интеллекта, которая обучается совместно под конкретную локальную область знаний, под конкретный профиль (спектр и глубину) знаний.

Интеллектуальный репозиторий (ИР) [24], кроме размещения, учета, хранения, извлечения данных и информации, обеспечивает автоматическую и экспертную peer-to-peer оценку научной информации (текстов) в любых форматах, формирует и передает предложения сообщества по доработке авторских материалов. Системообразующими процессами ИР являются самоорганизация, самодиагностика и самосовершенствование, повышающие аналитическую готовность к изменениям пространства знаний, что позволяет интенсифицировать научные коммуникации, создание и использование новых знаний. Комплекс ИР-НП позволяет организовать интерактивное взаимодействие автора, ИИ и научного сообщества, обеспечивая авторизацию всей научной информации и защиту персональных знаний. ИР обеспечивает доступ к «библиотеке» моделей и их подробному описанию для правильного использования.

Старт развития системы происходит с началом использования электронного научного паспорта (НП) – электронной оболочки, содержащей информацию о персональных данных и знаниях, включая потоки обрабатываемой научной информации. По мере развития, обучения и эволюции НП автора «слабый ИИ» совершенствуется и растет его «сила». Первичное заполнение профиля знаний может быть реализовано на основе самооценки автора. НП выполняет роль подключения человеческого и искусственного интеллекта к ИР – ИИ научного сообщества. В соответствии с профилем знаний автора ИИ организует научные коммуникации с членами сообщества по каждой локализованной области знаний. Результаты научной деятельности и затраченное время фиксируются в ИР обезличено, а в НП – персонафицировано. При этом учитываются рецензии любой информации и формируются персональные рейтинги членов сообщества, которые также являются авторами. Рейтинги детализированы по локальным областям знаний.

В рамках анализа результатов научной деятельности происходит оценка предлагаемых исследований и проектов, способов их реализации и вероятности достижения поставленных целей с учетом рейтингов исследователей и их динамики на основе «квалифицированного краудсорсинга». Уточнение распределения работ между исследователями реализуется с учетом принципов мягкой конкуренции, сохраняющей конкурентное пространство. Платформа ИР-НП также используется для поиска и вовлечения в исследования и разработки талантов.

Обсуждение

В предлагаемой системе инструментов управления развитием наукой повышение эффективности становится напрямую связанным с развитием конкуренции, взаимодействия и самоуправления научного сообщества с учетом использования цифровых технологий, с включенностью исследователей в национальную и глобальную сеть знаний. Мягкое регулирование уровня взаимодействия и конкуренции, позволяющее сохранить конкурентную среду и полностью использовать научный потенциал страны, реализуется на основе использования новых инструментов с применением искусственного интеллекта: интеллектуального репозитория – ИИ научного сообщества, работающего с деперсонализированными данными, и НП – персонализированного ИИ, работающего с персональными данными исследователя, обеспечивая авторизацию всех результатов его научной деятельности в любых формах.

НП обучается совместно с исследователем по конкретной предметной и персонализированной программе, формируя ячейку гибридного человеческого и искусственного интеллекта. В соответствии со сферой исследования, профилем знаний исследователя и действующими онтологиями НП осуществляет выборку подходящей информации из глобального потока новой научной информации через ИР. Результаты обработки исследователем (или человеческим и искусственным интеллектом) в виде создаваемой новой информации разного уровня – от идей до описания промышленно освоенных технологий – через НП-ИР вносятся в национальную сеть знаний. Новая информация через НП поступает в ИР, она деперсонифицирована, проходит автоматическую классификацию в соответствии с действующими вариантами онтологий и оценку искусственным интеллектом интеллектуального репозитория в соответствии с действующей методикой и доступна для всех исследователей. Исследователи, имеющие квалификационный рейтинг в локальной области знаний, к которой принадлежит или с которой соотносится информация, проводят ее оценку.

Результатом работы в рамках очередного года являются:

- автоматическая непрерывная оценка рейтинга значимости проведенных и предлагаемых исследований и программ в целом;
- определение исследователей, добившихся важнейших результатов, учитываемых с детализацией знаний, соответствующей действующим онтологиям;
- автоматическая и peer-to-peer корректировка рейтингов исследователей по результатам деятельности;
- разработка перспективных программ исследований выявленными учеными – лидерами в локальных областях знаний с учетом их рейтингов исследователей;
- оценка в формате квалифицированного краудсорсинга значимости предлагаемых исследований и программ в целом;
- ежегодное обновление онтологий для локальных областей знаний, отражающее развитие и повышение сложности пространства знаний;
- ежегодная актуализация критериев оценки выявленных за год трансформаций;
- список выявленных потенциальных талантов по сферам их деятельности.

Повышение результативности, взаимодействие и конкуренция регулируются за счет координации сообществом критериев оценки и действующих онтологий ежегодно в рамках национальной интегральной мультисети [25].

К важнейшим рискам практического применения предлагаемых инструментов относятся: низкий уровень цифровой грамотности и подмена «автоматизацией хаоса» системных оснований совершенствования науки в рамках цифровизации; отставание научного сообщества в освоении практики применения современных инструментов управления сложными научными и экономическими системами; противодействие представителей околонучной бюрократии, у которых «и так все хорошо» и которые готовы подменить цели совершенствования науки целями личного процветания.

Заключение

Предлагаемые инструменты и условия их использования, включая снижение рисков их практического применения, могут значимо изменить основания формирования и эффективность взаимодействия научного сообщества России. Интеллектуальный репозиторий обеспечивает доступность глобальных знаний через международные партнерские сети знаний и национальные сети знаний единой мультисети. Каждый гражданин России, имеющий способности и таланты,

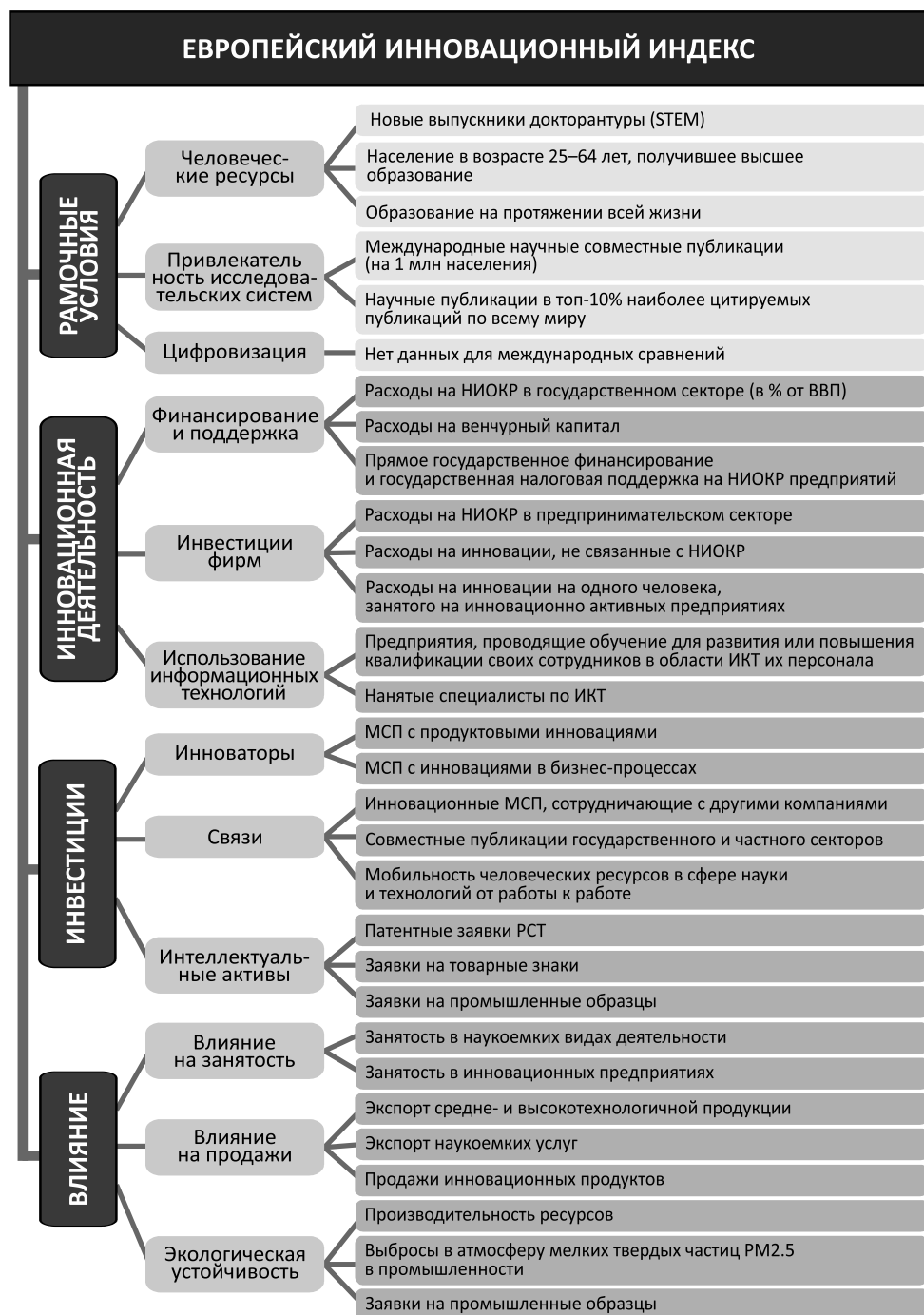
желание и возможности участвовать в научных исследованиях, получает научный паспорт исследователя России, в котором учтены все освоенные курсы, затраченное время, персональные результаты его научной деятельности. Созданные исследователем идеи, гипотезы, тексты, модели, открытия получают как автоматическую ИИ-оценку, так и оценку в рамках процедур реер-to-реер и квалифицированного краудсорсинга, в которой учтен научный рейтинг рецензента.

Система предлагаемых инструментов позволяет на основе предпочтений выстроить заинтересованность в рецензиях, развитии профиля знаний исследователей, которые учитываются в грантовых конкурсах на проведение исследований. Взаимодействие и конкуренция регулируются на уровне научных коммуникаций исследователей за счет различных наград, увеличивающих рейтинг исследователя за реализацию разных видов научной деятельности. Программы исследований формируются ведущими исследователями с наивысшим текущим рейтингом. Такое построение системы позволяет интегрировать в единую сеть всех 340 тыс. исследователей России и устранить промежуточные оценки через чиновников и издателей, которые имеют собственные интересы, отличные от чисто научных. В системе ИР-НП проводятся:

- предварительная оценка значимости заявляемых результатов научной деятельности и вероятности достижения поставленных целей предлагаемого исследования с учетом значений рейтингов исследователей и их динамики;
- уточнение оценки на основе процедуры «квалифицированного краудсорсинга»;
- уточнение распределения финансирования исследований на основе «мягкой конкуренции», позволяющей сохранять конкурентное пространство;
- изучение вариантов применения результатов исследований и их значимости;
- развитие квалифицированной краудсорсинговой платформы для поиска талантов.

Предлагаемые современные инструменты совершенствования процессов координации научной деятельности формируют основания и возможность создания *новой глобально конкурентоспособной модели управления наукой*, поиски которой в настоящее время активно ведут лидеры мирового научного сообщества, США, КНР, Республика Корея, ЕС и другие.

Приложение

Источник: [5].

Рис. Структура Европейского инновационного индекса (2021)

ЛИТЕРАТУРА

1. *McKinsey*. Global Institute: On the cusp of a new era? McKinsey, 2022.
2. WEF: The Global Competitiveness Report. 2018.
3. *Сазонова М.* Санкции против России: итоги года. <https://www.garant.ru/article/1592040/> (дата обращения: 22.02.2022).
4. WIPO: Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition, WIPO.
5. European Innovation Scoreboard, European Commission, 2021.
6. The Fourth Paradigm. Data-Intensive Scientific Discovery, MICROSOFT RESEARCH, REDMOND, WASHINGTON, 2009.
7. Economic Simulation Engine / Global Link Model. Anticipate the impact of change. IHS ECONOMICS, mar 2016. <https://cdn.ihs.com/www/pdf/IHS-Global-Link-Model-Mar2016.pdf>
8. *Bernhard A. Sabel et al.* Fake Publications in Biomedical Science: Red-flagging Method Indicates Mass Production. medRxiv preprint doi: <https://doi.org/10.1101/2023.05.06.23289563>. <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2023.05.06.23289563v1.full.pdf>
9. *Николс Т.* Смерть экспертизы. М.: ООО «Издательство «ЭКСМО», 2019.
10. *Brown T., Brown T. B., Mann B., Ryder N., Kaplan J. D., Kaplan J., Neelakantan A., Subbiah M., Dhariwal P., Neelakantan A. et al.* Language Models are Few-Shot Learners (англ.) // ArXiv.org. 2020. ISSN 2331-8422 . Doi:10.48550/ARXIV.2005.14165. arXiv:2005.14165.
11. *Langston J.* Microsoft announces new supercomputer, lays out vision for future AI work. <https://news.microsoft.com/source/features/ai/openai-azure-supercomputer/> (дата обращения: 23.02.2023).
12. *Kelly É.* 'People lost patience': How Mauro Ferrari and Brussels fell out of love with each other – in three short months. <https://sciencebusiness.net/news/people-lost-patience-how-mauro-ferrari-and-brussels-fell-out-love-each-other-three-short> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Отчет о работе Департамента аудита образования, науки и инноваций Счетной палаты Российской Федерации в 2021 году. Приложение № 6 к отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2021 году. М.: Счетная палата Российской Федерации, 2022.
14. *Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А.* Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание (Ч. I) // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6 (195). С. 76–93. DOI: 10.47711/0868-6351-195-76-93.
15. *Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А.* Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание (Ч. II) // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1 (196). С. 6–15. DOI: 10.47711/0868-6351-196-6-15.
16. *Сергеев А.М.* Как нам делать науку в условиях санкций? <https://rg.ru/2022/05/31/1-iunia-sostoiatsia-vybory-novyh-chlenov-rossijskoj-akademii-nauk.html> (дата обращения: 05.06.2022).
17. *Никонова А.А.* Модификация механизма передачи знаний в экономику в условиях турбулентности // Экономика науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 21–35. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2023-9-1-21-35>
18. *Фадеева И. М., Алексуткина В. С.* Как российские исследователи оценивают гранты – инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI 10.15826/umpra.2022.04.030.

19. March J.G. Exploration and exploitation in organizational learning // Organization Science. 1991. Vol. 2. No. 1. Pp. 71–87.
20. Ipe M. Knowledge sharing in organizations: A conceptual framework // Human Resource Development Review, 2 (4) (2003). Pp. 337–359. DOI: 10.1177/1534484303257985
21. Шенелёв В.В. О роли личности в науке // Наука и техника в Якутии. 2009. № 2 (17), С. 3–8.
22. Пантин В.И. Роль личности в науке // История и современность. № 2. сентябрь 2015. С. 201–203.
23. Ворожихин В.В., Карнаух И.С. Электронный научный паспорт исследователя для интеллектуального репозитория / В сборнике: Производство. Наука. Образование: сценарии будущего (ПНО-2021). Сборник статей VIII Международного конгресса. Санкт-Петербург, 2022. С. 156–163.
24. Ворожихин В.В., Карнаух И.С. Интеллектуальный репозиторий научно-информационного библиотечного центра / В сб.: Библиотека и культурное пространство региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. / Отв. редактор Е.М. Вафина. Пермь, 2021. С. 199–205.
25. Ворожихин В.В. Мультисети: организационное решение увеличения числа исследователей и повышения конкурентоспособности российской науки / В сборнике: Наука в инновационном процессе. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 146–152.

REFERENCES

1. McKinsey/ Global Institute (2018): On the cusp of a new era? McKinsey, 2022.
2. WEF (2018): The Global Competitiveness Report. World Economic Forum, 2018.
3. Sazonova M. Sanctions against Russia: results of the year (2022) <https://www.garant.ru/article/1592040/> (date of access: 02.22.2022). (In Russ.)
4. WIPO (2022): Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition, WIPO.
5. European Innovation Scoreboard, European Commission, 2021.
6. The Fourth Paradigm (2009). Data-Intensive Scientific Discovery, MICROSOFT RESEARCH, REDMOND, WASHINGTON, 2009.
7. Economic Simulation Engine / Global Link Model. Anticipate the impact of change. IHS ECONOMICS, mar 2016. <https://cdn.ihc.com/www/pdf/IHS-Global-Link-Model-Mar2016.pdf>
8. Bernhard A. Sabel et al. Fake Publications in Biomedical Science: Red-flagging Method Indicates Mass Production. medRxiv preprint doi: <https://doi.org/10.1101/2023.05.06.23289563>. <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2023.05.06.23289563v1.full.pdf>
9. Nichols T. The Death of Expertise. Eksmo Publishing LLC, 2019. (In Russ.)
10. Brown T., Brown T. B., Mann B., Ryder N., Kaplan J. D., Kaplan J., Neelakantan A., Subbiah M., Dhariwal P., Neelakantan A. et al. Language Models are Few-Shot Learners (англ.) // ArXiv.org. 2020. – 75 p. ISSN 2331-8422 . Doi:10.48550/ARXIV.2005.14165. arXiv:2005.14165.
11. Langston J. Microsoft announces new supercomputer, lays out vision for future AI work, 2020. <https://news.microsoft.com/source/features/ai/openai-azure-supercomputer/> (date of access: 02.22.2022).
12. Kelly E. ‘People lost patience’: How Mauro Ferrari and Brussels fell out of love with each other – in three short months, 2020. <https://sciencebusiness.net/news/people-lost->

- patience-how-mauro -ferrari-and-brussels-fell-out-love-each-other-three-short (date of access: 02.22.2022).
13. Report on the work of the Department of Audit of Education, Science and Innovation of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2021. Appendix No. 6 to the report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2021. M.: Accounts Chamber of the Russian Federation, 2022. (In Russ.)
 14. *Klepach A.N., Vodovatov L.B., Dmitrieva E.A.* Russian science and technology: take-off or progressive lag (Part I) // *Problems of forecasting*. 2022. № 6 (195). С. 76–93. DOI: 10.47711/0868-6351-195-76-93/. (In Russ.)
 15. *Klepach A.N., Vodovatov L.B., Dmitrieva E.A.* Russian science and technology: take-off or progressive lag (Part II) // *Problems of Forecasting*. 2023. № 1 (196). С. 6–15. DOI: 10.47711/0868-6351-196-6-15. (In Russ.)
 16. *Sergeev A.M.* How do we do science under sanctions? <https://rg.ru/2022/05/31/1-iiunia-sostoitsia- vybory-novyh-chlenov-rossijskoj-akademii-nauk.html> (date of address 05.06.2022). (In Russ.)
 17. *Nikonova A.A.* Modification of the mechanism of knowledge transfer to the economy in conditions of turbulence // *Economics of Science*. 2023. Т. 9. No. 1. Pp. 21–35. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2023-9-1-21-35>. (In Russ.)
 18. *Fadeeva I. M., Aleksutkina V. C.* How Russian researchers evaluate grants as a tool for science development? // *University Management: Practice and Analysis*. 2022. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI 10.15826/umpa.2022.04.030. (In Russ.)
 19. *March J.G.* Exploration and exploitation in organizational learning // *Organization Science*. 1991. Vol. 2. No. 1. Pp. 71–87.
 20. *Ipe M.* Knowledge sharing in organizations: A conceptual framework // *Human Resource Development Review*. 2003. Vol. 2. No. 4. Pp. 337–359. DOI: 10.1177/1534484303257985.
 21. *Shepelev V.V.* On the role of personality in science // *Science and technology in Yakutia*. 2009. No. 2 (17). Pp. 3–8. (In Russ.)
 22. *Pantin V.I.* The role of personality in science // *History and Modernity*. No. 2. September 2015. Pp. 201–203. (In Russ.)
 23. *Vorozhikhin V.V., Karnaukh I.S.* Electronic scientific passport of the researcher for the intellectual repository / In the collection: *Production. The science. Education: Future Scenarios (PNO-2021)*. Collection of articles of the VIII International Congress. St. Petersburg. 2022. Pp. 156–163. (In Russ.)
 24. *Vorozhikhin V.V., Karnaukh I.S.* Intellectual repository of the scientific information library center / In the collection: *Library and cultural space of the region. Materials of the All-Russian scientific-practical conference*. Rep. editor E.M. Wafina. Perm. 2021. Pp. 199–205. (In Russ.)
 25. *Vorozhikhin V.V.* Multinets: an organizational solution to increase the number of researchers and increase the competitiveness of Russian science / In the collection: *Science in the innovation process. Materials of the international scientific-practical conference*. M. 2021. Pp. 146–152. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 30.06.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ворожихин Владимир Вальтерович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НИИ развития образования Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Института проблем развития науки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3361-1425
vorozhikhin@mail.ru

Заварухин Владимир Петрович – кандидат экономических наук, директор Института проблем развития науки РАН (ИПРАН РАН), Москва, Россия
v.zavarukhin@issras.ru

Ларионова Елена Игоревна – кандидат экономических наук, ученый секретарь ИПРАН РАН, профессор департамента бизнес-аналитики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7335-4481
e.larionova@issras.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Vorozhikhin – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Scientific Research Institute «Education Development», Plekhanov Russian University of Economics, Leading Researcher at the Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3361-1425
vorozhikhin@mail.ru

Vladimir P. Zavarukhin – Cand. Sci. (Econ.), Director of the Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
v.zavarukhin@issras.ru

Elena I. Larionova – Cand. Sci. (Econ.), Scientific Secretary at the Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Business Analytics Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7335-4481
e.larionova@issras.ru

MODERN TOOLS FOR IMPROVING THE MANAGEMENT OF SCIENCE DEVELOPMENT IN RUSSIA

The aim of the article is to justify the need for creating tools to work with the continuously developing and increasingly complex knowledge space, allowing to study the transformation of complex systems, identify new knowledge, formalize, store, distribute and apply it in an information deluge, and reduce the time from the appearance of data to their use. Based on the study of research results and factual data, as well as on comparative analysis of the state of innovation development in Russia and developed countries, new tools for organizing and managing effective scientific communications are proposed. These tools can significantly increase the effectiveness of interaction within the scientific community in Russia, eliminating the fragmentation of the scientific environment.

Keywords: *management of science, scientific communications, intellectual repository, electronic scientific passport, multi-network, competition, interaction, self-government, competitive management of science.*

JEL: O32; O33.

С.Н. МИТЯКОВ

доктор физико-математических наук, профессор,
директор Института экономики и управления
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева»

Е.С. МИТЯКОВ

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информатики
Института кибербезопасности и цифровых технологий
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РИСКОВ И ПОРОГОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Целью данной работы выступает развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности в части рассмотрения данных экономических категорий во взаимосвязи. Для достижения заданной цели в статье рассмотрены ключевые подходы к оценке рисков и формированию пороговых значений экономической безопасности, представлена взаимосвязь классификационных признаков двух экономических категорий. Рассмотрены три основных модели пороговых значений. В первой модели, содержащей две зоны риска, пороговые значения выступают как некоторые референсные значения, которые отделяют допустимые значения индикаторов экономической безопасности от недопустимых. Следующая, более предпочтительная, является модель «светофора», которая содержит критический и целевой пороговые уровни и три зоны риска. Третья модель, содержащая семь зон риска, соответствует шести условным пороговым уровням, что приводит к более точному по сравнению с другими моделями определению состояния экономической безопасности объектов и может эффективно использоваться, например, в задачах их классификации. В статье отмечено, что для мониторинга угроз экономической безопасности важным является не столько позиционирование значения индикатора экономической безопасности в соответствующей зоне риска, сколько анализ динамики изменения его значения во времени, что позволяет нивелировать системные ошибки в определении пороговых значений за счет исследования саморазвития системы. Приведены примеры использования анализа волатильности и теории эластичности в задачах оценки рисков, которые открывают новые возможности мониторинга экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, риски экономической безопасности, зоны риска, индикаторы экономической безопасности, пороговые значения.*

УДК: 330.131.7

EDN: DRMHNE

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113

Введение

Современное положение отечественной экономики характеризуется нестабильностью и наличием многочисленных угроз, которые представляют существенные риски. Эти риски подрывают возможности достижения социально-экономических целей и укрепления благосостояния страны и ее граждан. В целом они приводят к экономическим проблемам, затрагивающим национальную безопасность.

Экономическая безопасность на макроуровне – это «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹. Если же рассматривать экономическую безопасность на уровне хозяйствующего субъекта, то она определяется способностью хозяйствующего субъекта справляться с экономическими рисками и угрозами, которые могут нанести ущерб его экономическим интересам, стабильности и процветанию. Для разработки научно-методологических подходов к анализу экономической безопасности и непрерывному управлению ею необходимо обладать соответствующим набором оценочных инструментов, которые помогают определить степень распространения и интенсивность различных угроз безопасности и их воздействие на различные аспекты хозяйственной деятельности. Такими инструментами выступают оценка рисков и установление пороговых значений экономической безопасности. Эффективная имплементация данного инструментария в практику управления экономической безопасностью зависит от множества факторов и может различаться в зависимости от конкретной страны или хозяйствующего субъекта.

Современные проблемы и риски национальной экономики определяют целесообразность систематизации теоретических подходов в сфере экономической безопасности. В процессе мониторинговых мероприятий осуществляется оценка угроз безопасности на территории страны (как количественная, так и качественная), что позволяет в итоге сформировать перечень ключевых мер противодействия этим угрозам и определить перспективные направления развития экономики на различных уровнях иерархии. Целью данной работы выступает развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности в части рассмотрения данных экономических категорий во взаимосвязи. Для достижения заданной цели в работе рассмотрены

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.

ключевые подходы к определению риска и формированию пороговых значений экономической безопасности, представлена взаимосвязь классификационных признаков рисков и пороговых значений, представлена модель, основанная на проецировании показателей экономической безопасности на одну из семи «зон риска». Важно отметить, что оценка рисков и установление пороговых значений является сложным процессом и требует учета множества факторов, включая экономические, социальные и политические аспекты.

1. Системные риски экономической безопасности и критерии их оценки в современных теоретических исследованиях (обзор литературы)

1.1. Риски экономической безопасности

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия) содержится определение угрозы экономической безопасности как совокупности «условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере», а также риска в области экономической безопасности как возможности «нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности»².

Оценке рисков уделено значительное число публикаций в зарубежных научных публикациях. Например, ОЭСР представлена серия отчетов, посвященных управлению рисками в разных странах в таких областях, как: стихийные бедствия, изменение климата, информационная безопасность, ядерная энергетика, биотехнологии и финансовые услуги³.

В рамках Всемирного экономического форума ежегодно публикуются отчеты о глобальных рисках (например, «Глобальные риски.

² Там же.

³ Представлены обзоры политики управления рисками ОЭСР: Италия, 2010. Этот обзор посвящен итальянской системе гражданской защиты и ее средствам подготовки и реагирования на землетрясения, наводнения, цунами, оползни и даже извержения вулканов; обзор мексиканской национальной системы гражданской защиты, 2013 г.: в нем основное внимание уделяется важности создания институциональной среды, которая вовлекает все заинтересованные стороны и позволяет им повысить устойчивость к будущим потрясениям. Этот отчет внес свой вклад в разработку рекомендации ОЭСР по управлению критическими рисками, и пр. *OECD Reviews of Risk Management Policies*. ISSN: 19934106 (online). <https://doi.org/10.1787/19934106> (дата обращения: 25.09.2023).

Отчет за 2023 год 18-е издание»)⁴. В рамках данного отчета проводится исследование восприятия глобальных рисков, где респондентам предлагается оценить текущую эффективность управления глобальными рисками и оценить, какие заинтересованные стороны лучше всего подходят для эффективного управления ими, чтобы выявить возможности для глобальных действий и сотрудничества. Таким образом, в данном документе объединены мнения ведущих экспертов для выработки прогноза и поддержки анализа рисков на глобальном уровне.

Существует два базовых подхода к оценке рисков: качественный и количественный. В работе А. Варинга и И. Глендона [1] показано, что качественный подход является более субъективным, в то время как количественный подход включает моделирование и требует формализованного описания. Р. Турик разделил инструменты качественного анализа рисков на пять основных групп: суждение и интуиция; разработка сценариев; экспертные заключения; разработка контрольных списков и методика Delphi [2]. Количественные инструменты, применяемые для оценки рисков, по мнению В. Тинга, – это аналитические процедуры, основанные на данных, которые теоретически могут быть использованы для статистических или математических расчетов [3]. Согласно В. Ноулза [4], такие инструменты были разработаны для того, чтобы уменьшить субъективность качественных инструментов. Обзор исследований риска показывает, что, хотя качественные инструменты субъективны и уязвимы, многонациональные предприятия, как правило, используют такие инструменты чаще, чем их количественные аналоги [5].

Среди отечественных исследователей, в первую очередь, следует выделить работы В.И. Авдийского, В.М. Безденежных, посвященные основам риск-ориентированного подхода. В работе [6] (совместно с Е.Г. Катаевой) подчеркивается, что «социально-экономический процесс характеризуют как минимальный, так и предельный уровни неопределенности среды и рисков функционирования (управляемости), в пределах которых обеспечивается его эффективное и экономически безопасное функционирование. При этом занижение ведет к остановке развития (отрицательной динамике), а превышение – к разрушению системы – характеристика устойчивости эволюционирующей системы» [6, с. 14].

В.И. Авдийский и В.М. Безденежных показали, что риск-ориентированный подход в обеспечении экономической безопасности имеет более широкое назначение, чем просто формирование резерва финансовых ресурсов для снижения рисков и покрытия убытков. Он

⁴ Всемирный экономический форум. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf

также включает механизмы разработки и применения разнообразных финансовых и нефинансовых мер, основанных на взаимосвязанных и скоординированных действиях для решения стратегических задач развития бизнес-субъектов и отечественной экономики в целом [7].

М.Н. Дудин, Н.В. Лясников, О.Д. Проценко и В.А. Цветков разработали подход к оценке рациональности увеличения интенсивности добычи углеводородного сырья в Арктической зоне, основанный на рисках. В рамках данного подхода была разработана методика количественной оценки рисков проектов по добыче нефти и газа. В данной методике выделены ключевые виды и типы рисков, а также разработан инструментарий экономико-математического моделирования для их количественного измерения [8].

По мнению А.Е. Городецкого, для максимизации результатов системы риск-менеджмента на предприятии целесообразно решить ряд ключевых проблем, которые ограничивают ее развитие [9]. Среди таких проблем автор выделяет необходимость улучшения системы оперативного выявления рисков и проведение компетентной оценки и анализа возможных потерь, снижения затрат на риск-менеджмент, роста качества государственного регулирования и квалификации будущих риск-менеджеров, разработку нормативной базы для риск-менеджмента. В работе отмечается, что сегодня целесообразно начать формирование представлений о наборе системообразующих рисков в области экономической безопасности, которые могут повлиять на общее состояние системы.

Концептуальная постановка задачи создания Федеральной системы управления рисками (ФСУР) представлена в работе В.Г. Старовойтова, С.Н. Сильвестрова, А.И. Селиванова и Д.В. Трошина [10]. Целью ФСУР выступает «создание и внедрение механизмов своевременного выявления вызовов и угроз экономической безопасности в закрепленной сфере ответственности федеральных органов исполнительной власти и субъектов Российской Федерации, выявление уязвимостей в системе обеспечения экономической безопасности, оценка рисков, а также выработка органами государственного и корпоративного управления управленческих решений по оперативному планированию и реагированию на выявленные угрозы и риски, нейтрализация уязвимостей в рамках единого регламента взаимодействия» [10, с. 68].

В работе В.П. Бауэра, С.Н. Сильвестрова и В.В. Смирнова изложены исследования по развитию и разработке средств моделирования ФСУР, предложены вариативные подходы к предупреждению угроз на разнообразных стадиях ее реализации. Эти подходы базируются на управляющих воздействиях с использованием экспертного оценивания. Делается предположение, что принятие решения по управляющему воздействию необходимо осуществлять в две фазы. В начальной

фазе процесса осуществляется разработка управленческих мер для предотвращения или нейтрализации угроз и рисков, чтобы нивелировать их воздействие на систему (эту фазу можно назвать фазой возмущения»). Затем следует вторая фаза, в которой формируется и применяется управленческое решение для устранения последствий возникшего «возмущения» [11]. В статье С.Н. Сильвестрова [12] рассмотрен ESG-подход к трансформации глобального управления на основе целей устойчивого развития. Показано, что монополизация глобальной финансовой системы в руках транснациональных корпораций приводит к новым угрозам, которые противоречат изначально принятым ООН целям устойчивого развития. Приведена модель системы мониторинга финансово-экономических угроз, средств и инструментов противодействия, которая может быть использована в качестве прототипа федеральной системы управления рисками по отношению к финансовой конструкции ESG.

Формирование системы управления рисками в зарубежной практике проанализировано С.Н. Сильвестровым с соавторами в работе [13]. По мнению авторов, в данной области существует значительная неопределенность в терминологии, что приводит к разнообразию понимания риска и, как следствие, затрудняет всесторонний анализ и возможность построения экономико-математических моделей для его оценки.

Таким образом, в существующей на сегодняшний день литературе представлено большое количество классификаций рисков, включающих десятки терминов, однако лишь методы и методики оценки финансовых рисков, которые поддаются статистическому анализу, были достаточно детально изучены.

1.2. Пороговые значения индикаторов экономической безопасности

Пороговые (предельно критические) значения индикаторов давно и успешно применяются в разных областях жизнедеятельности человека (в экологии, медицине, машиностроении и др.). В экономике они используются с конца XX столетия. Однако в данной области до сих пор не утихают споры.

В Институте социально-политических исследований РАН в 1994 г. появилась идея исследовать социальную сферу с использованием аппарата предельно критических значений. Для этого была сформирована шкала из 20 критериев с соответствующими пороговыми уровнями [14]. С того времени инструментарий пороговых уровней активно задействован в исследованиях проблем экономической безопасности в РФ. По заданию Совета безопасности РФ в 1996 г. была

разработана и прошла всестороннее обсуждение в Отделении экономики РАН система показателей экономической безопасности [15]. В 2000 г. учеными Института экономики РАН была разработана система 19 индикаторов и пороговых уровней, которая была одобрена Секцией экономической и социальной безопасности Научного совета при Совете безопасности РФ [16]. В 2008 г. в Институте экономики РАН появилась расширенная система [17], а в 2011 г. – ее актуализированный вариант [18]. Система состояла из 36 индикаторов и содержала четыре сферы, которые отражали различные аспекты экономической безопасности: реальная экономика, социальное развитие, денежно-финансовая сфера, внешняя экономика. В 2014 г. учеными Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева и Института экономики РАН была разработана система 30 индикаторов экономической безопасности для субъектов Федерации [19]. Наконец, в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. определены 40 оценочных индикаторов. Отметим, что некоторые из них ранее уже были задействованы в исследованиях ученых Института экономики РАН.

В.К. Сенчагов отмечал, что «пороговые значения – важный инструмент системного анализа, прогнозирования и индикативного социально-экономического планирования. С помощью этого инструмента тот или иной объект, в данном случае экономика, рассматривается с позиции соответствия тенденций ее развития (внутри и во взаимодействии с экономиками других стран) национальным интересам страны. Теория безопасности имеет практическое значение, только если она органически включает теорию предельных значений объекта» [20, с. 82–83].

Рассмотрим дефиницию экономической категории «пороговые значения» в контексте исследования экономической безопасности. По мнению В.К. Сенчагова, это – «предельные значения, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения» [21, с. 802].

С.Ю. Глазьев и В.В. Локосов считают, что предельно критическим следует понимать «такое значение показателя, выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества вследствие нарушения нормального течения отражаемых этим показателем процессов» [22, с. 588]. В.К. Сенчагов и В.И. Авдийский интерпретируют пороговые уровни экономической безопасности как метрики в числовой форме, которые отражают предельно допустимые величины. Т. е. недостижение пороговых уровней приводит к нарушению нормального функционирования и развития социально-экономической системы [23].

Согласно мнению Н.Д. Эриашвили и Е.Н. Барикаева, необходимо, чтобы достижение порогового уровня одного показателя происходило не в ущерб другим. При этом, хозяйственные системы утрачивают динамичное саморазвитие, когда выходят за границы пороговых уровней [24]. Авторы считают, что не только сами показатели, но и их пороговые значения играют важную роль в оценке экономической ситуации.

Следующим вопросом, требующим прояснения, является количество пороговых значений. Здесь также существуют различные точки зрения. Первая точка зрения заключается в том, что многие индикаторы по своей природе имеют два порога, на это указывали С.Ю. Глазьев и В.В. Локосов: «Правильно было бы определять два предельно критических значения показателя, обозначающие границы интервала допустимых для нормального функционирования и развития системы значений. Например, значение инфляции не должно превышать предельно критическую величину, отражающую переход экономической системы в турбулентное состояние, но вместе с тем и падение инфляции ниже нуля чревато нарушением воспроизводственных процессов в экономике» [22, с. 588]. К «двухпороговым» показателям можно также отнести *коэффициент фондов* (коэффициент дифференциации доходов). По мнению В.К. Сенчагова, «опасность социальных конфликтов минимальна, если разрыв между доходами богатых и бедных не превышает 8-10 раз» [21, с. 806]. В то же время, значение коэффициента фондов менее четырех говорит о чрезмерном выравнивании доходов, что приводит к снижению экономической активности.

Вторая точка зрения связана с уменьшением степени неопределенности в том случае, когда разные пороги определяют разные вероятности угрозы экономической безопасности. Так, А.Б. Виссарионов и Р.Р. Гумеров предложили задействовать трехуровневую шкалу пороговых значений. На первом уровне устанавливаются целевые значения индикатора; на втором уровне определяется уровень безопасности, ниже которого система не может развиваться без осуществления специальных антикризисных мероприятий и теряет способность к саморазвитию; на третьем – устанавливается критический порог, ниже которого безопасность не обеспечивается [25].

Далее остановимся на важном вопросе, связанном с методикой определения пороговых уровней. Здесь также существуют различные мнения ученых. В.В. Локосов в своей работе, связанной с оценкой социально-экономических рисков методом предельно критических (пороговых) показателей, отмечает несколько основных способов определения предельно-критических показателей. Один из самых надёжных способов связан с математическими расчётами. Например, если нужно сохранить простое воспроизводство населения (без учета миграции),

то суммарный коэффициент рождаемости не должен быть меньше 2,1 при соответствующем общем уровне смертности. Еще один пример: расчет предельной нормы потребления калорий в сутки, занижение которой мешает здоровой и активной жизнедеятельности человека.

К сожалению, далеко не все пороговые уровни индикаторов экономической безопасности поддаются подобным расчетам. Поэтому зачастую прибегают к экспертному оцениванию. В области социально-экономической сферы обширное применение получили пороговые значения показателей, предоставляемых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и Международной организацией труда (МОТ). Например, согласно МОТ, предельным уровнем безработицы принято считать 5% в год, а коэффициент замещения пенсией заработной платы не должен быть менее 40% от средней заработной платы по экономике при стаже 30 лет [26].

В.И. Авдийский и В.К. Сенчагов обосновали пороговые значения для основных индикаторов экономической безопасности России. Эти ученые в статье о методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов проводят сравнительный анализ некоторых показателей экономической безопасности страны с аналогами в развитых экономиках мирового сообщества. В рамках исследования детально рассматриваются такие показатели как уровень инфляции, темпы экономического роста, расходы на науку, среднедушевые доходы населения, ожидаемая продолжительность жизни, масштабы распространения теневой экономики и др. [23].

В работе Т. Каспровича и А. Беднорза с использованием теории пороговых значений проанализировано, каким образом отношение экономических агентов к риску влияет на принимаемые решения. Показано, что пороговые значения оказывают воздействие на отношение к рискам. В статье представлено, что с использованием теории пороговых значений можно проводить моделирование поведения инвесторов, процессы в корпоративном управлении и др. [27]. В статье С. Бенито, К. Лопес-Мартина и А. Наварро рассматривается вопрос выбора порогового значения для оценки рыночного риска с эмпирической точки зрения. При этом для измерения рыночного риска использовались показатели коэффициента вариации и моделирование экстремальных значений [28].

Согласно С.А. Афонцеву, перспективным вектором исследований выступает переход от произвольного определения критериев экономической безопасности к формированию комплексной системы оценки экономических рисков. По мнению автора, данная система позволит выявлять угрозы и уязвимости. Он считает, что различные действия и события, оказывающие отрицательное воздействие на эко-

номическую систему, обладают разными степенями дестабилизации и должны анализироваться по различным характеристикам. При этом дифференцированное нахождение пороговых значений критериев согласуется с подходом, который предполагает определение национальной безопасности через национальные интересы страны [29].

И.П. Савельева и А.В. Калина для определения пороговых значений предлагают задействовать метод аналогий и экспертный анализ, ориентированные на общепринятые нормативы. Авторы также отмечают, что в некоторых ситуациях для определения граничных уровней может быть полезно использовать теорию распознавания образов [30].

Е.В. Каранина отмечает, что современные исследования экономической безопасности России чаще ориентированы на уровень страны и не учитывают особенности развития мезоуровневых систем [31]. Это обстоятельство приводит к определенным методологическим сложностям при установлении пороговых показателей для конкретных субъектов РФ и отраслей народного хозяйства.

Поскольку, по мнению ряда авторов, существует проблема применения единой системы индикаторов и их пороговых значений на региональном уровне из-за сильной экономической дифференциации развития территорий, ряд авторов предлагают системы для отдельных территорий. В частности, в работе Я.А. Медведевой была разработана система пороговых значений основных показателей экономической безопасности для регионов Центрального федерального округа [32].

Значительное число научных публикаций посвящено разработке систем индикаторов и их пороговых значений на разных иерархических уровнях. Так, в 1997 г. С.Ю. Глазьев предложил систему из 16 индикаторов экономической безопасности государства и соответствующих им пороговых значений. Эти значения были определены на основе компаративного сопоставления данных в России со среднемировыми показателями и индикаторами экономик стран «большой семерки» [33].

В.В. Криворотов, А.В. Калина и И.С. Белик разработали комплекс показателей экономической безопасности государства и установили их пороговые уровни, разбив индикаторы на два блока – социально-демографический и производственно-финансовый [34].

Ю.Б. Шубников и К.А. Инфантьев подчеркивают важность опережающих индикаторы и их пороговых уровней для угроз, связанных с возникновением циклических кризисов в экономике. Дело в том, что традиционные системы индикаторов трактуют снижение значений индикаторов как определенную угрозу. Вместе с тем, перед кризисом обычно наблюдается значительный рост экономики и финансового сектора, поэтому показатели угроз циклических кризисов могут существенно отличаться от традиционных [35].

Многочисленные, иногда противоположные, трактовки подходов к формированию комплекса показателей экономической безопасности и пороговых значений приводят к тому, что работы ряда авторов посвящены необоснованным наборам индикаторов и/или их пороговых уровней. Другие авторы занимаются критическим разбором (во многих случаях – обоснованным) соответствующих индикаторов или их пороговых значений, которые даются как на уровне документов стратегического планирования, так и на уровне разработок отдельных ученых. Здесь стоит отметить работу И.В. Караваевой, Е.А. Иванова и М.Ю. Льва [36], в которой анализируется попытка со стороны Минэкономразвития РФ восстановить систему мониторинга прогнозного и фактического уровня экономической безопасности. Данный исследовательский труд послужил базисом для доработки проектов паспортов целевых и предельно допустимых значений ряда показателей экономической безопасности из перечня, утвержденного в Стратегии экономической безопасности России до 2030 г. Ученые дали всесторонний критический параметрический анализ предложенных ранее паспортов, предложили концепцию формирования современных показателей национальной экономической безопасности, определили подходы к формированию унифицированной системы оценочных критериев для социально-экономической безопасности на федеральном и субфедеральном уровнях.

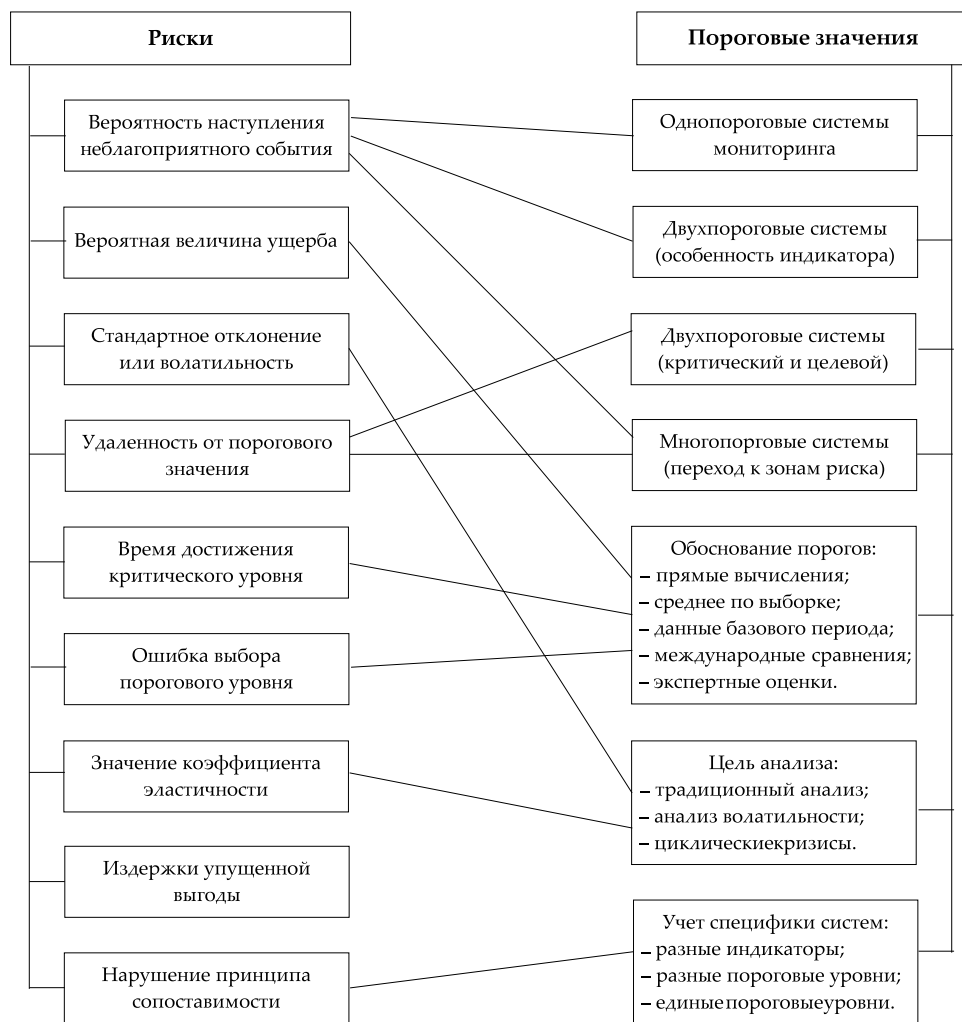
В данной статье нами рассмотрены ключевые подходы к оценке рисков и формированию пороговых значений экономической безопасности, а также представлена взаимосвязь классификационных признаков двух экономических категорий.

2. Методы оценки рисков и определения пороговых значений экономической безопасности

2.1. Связь рисков и пороговых значений

Поскольку риски и пороговые уровни экономической безопасности тесно взаимосвязаны между собой, рассмотрим их классификационные признаки во взаимосвязи (см. рис. 1).

Обычно риск вычисляется через вероятностные характеристики наступления неблагоприятного события. Следуя этой логике, можно предположить, что угроза со 100% вероятностью должна быть реализована в случае снижения значения индикатора экономической безопасности ниже критического уровня. Это подчеркивает необходимость преобразования и пересмотра самой интерпретации пороговых значений. Мы придерживаемся мнения, что жесткое определение пороговых значений, которого придерживались многие ученые в конце

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Взаимосвязь классификационных признаков рисков и пороговых значений экономической безопасности

девяностых и начале нулевых годов, постепенно теряют свою актуальность. Как показал анализ фактических значений индикаторов за почти тридцатилетний период, большинство индикаторов находится в зоне риска относительно пороговых уровней. При этом не происходит ни разрушения системы, ни утраты ее способности к саморазвитию. Это говорит о том, что жесткие определения пороговых уровней вряд ли оправданы. Мы рассматриваем пороговые значения как некоторые референсные значения, которые отделяют нормальные значения индикаторов экономической безопасности от недостаточных.

В некоторых случаях риск анализируется как возможные потери. Например, различные источники оценивают ущерб от санкций, применяемых в отношении «Нового бюджетного правила», в диапазоне от 25 до 60 млрд долл. ежегодно, что составляет приблизительно от 1% до 2% от ВВП⁵.

В других случаях риск оценивается как произведение вероятности возникновения неблагоприятного события на его последствия. Например, в сфере банковской деятельности активы обладают различными вероятностями реализации и ликвидности. Поэтому для каждого актива вычисляются возможные потери путем умножения его стоимости на вероятность блокировки средств. Такие модели риска могут использоваться в том случае, когда используются прямые расчеты пороговых уровней.

Один из наиболее изученных и широко применяемых методов оценки рисков экономической безопасности состоит в расчете отличия между текущими значениями показателей и их порогами. Если задействовано только одно пороговое значение, то область допустимых значений индикаторов экономической безопасности разделяется на две зоны. Первая – зона риска, когда фактическое значение «прямого» индикатора (рост которого приводит к росту уровня ЭБ) ниже порогового значения, или фактическое значение «обратного» индикатора (рост которого приводит к снижению уровня ЭБ) выше порогового значения. Считается, что чем больше разница между фактическим значением индикатора и его порогом (при уменьшении уровня экономической безопасности), тем выше уровень риска. Вторая зона – зона стабильности, когда фактическое значение «прямого» индикатора выше порогового значения или фактическое значение «обратного» индикатора ниже порогового значения.

2.2. Двухпороговые системы

Двухпороговые системы, прежде всего, могут быть связаны с особенностями некоторых индикаторов (в обзоре упоминалась инфляция и коэффициент фондов). В наших исследованиях при компаративном анализе, как правило, задействован один из двух порогов (по инфляции – не более 6%, по коэффициенту фондов – не более восьми). Вместе с тем, если рассматривать другие страны, где наблюдаются незначительные уровни дифференциации населения по доходам или низкие (или даже отрицательные) уровни инфляции, то там эта проблема может возникнуть.

⁵ Новое бюджетное правило: как оно работает и что значит для юаня и доллара. <https://quote.rbc.ru/news/article/63be8a839a79478a60e73436>

В последнее время двухпороговые системы в практике российского государственного управления используются в другом смысле, когда используется два значения: предельно-критическое значение индикатора и его целевое значение, которое чаще всего имеет субъективную оценку и определяется в документах стратегического планирования. Например, в работе [37] мы рассматриваем такую модель для системы «быстрых» индикаторов экономической безопасности страны, которая позволяет анализировать кризисные явления в экономике.

В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что, хотя мы весьма критически относимся к выбранной Минэкономразвития системе критических и целевых уровней⁶, однако нельзя не признать, что данная методика имеет несомненный прогресс по сравнению с однопороговой. В данной методике задействована двухпороговая модель «светофора», которая разделяет риски на три ключевых зоны. Если значение индикатора располагается ниже критического уровня, то он попадает в категорию «красной» зоны. В случае, если значение критерия находится в интервале между целевым и критическим уровнями, он причисляется к «желтой» зоне, а если превышает целевой уровень, то показатель экономической безопасности находится в «зеленой» зоне.

2.3. Мультипороговые системы

Значительно большую точность в определении уровня риска экономической безопасности дают модели, использующие несколько порогов или несколько зон риска. В работе В.К. Сенчагова и С.Н. Митякова [38] представлена разработанная авторами зонная теория рисков (в общем виде, для любого числа зон). Данная теория корреспондирует с известным спектр-балльным методом, задействованном в теории экономического анализа. Этот метод предполагает компаративный анализ значений финансовых коэффициентов путем их сопоставления с рекомендуемыми нормативами. В зависимости от степени удаленности от оптимального уровня осуществляется разделение результатов на зоны. При анализе индикаторов экономической безопасности была использована более тонкую методика, связанная с предварительным приведением индикаторов к безразмерному виду, что открывает широкие возможности для компаративного анализа нескольких индикаторов на одной диаграмме.

⁶ Минэкономразвития определило критичные для безопасности РФ значения макропоказателей. Интерфакс, 1 апреля 2019. <https://www.interfax.ru/business/656619>

Для преобразования индикаторов использовалась следующая функция:

$$y = \begin{cases} 2^{\frac{(1-d)}{\ln \frac{10}{3}}}, & \text{если } d \leq 1, \\ 2^{\frac{-\log_{10} d}{3}}, & \text{если } d > 1, \end{cases} \quad (1)$$

где x – фактическое значение индикатора, a – его пороговое значение, $d = a/x$ для «прямых» индикаторов, $d = x/a$ для «обратных» индикаторов.

После процедуры нормировки все показатели преобразовывались в «прямые» и изменялись в рамках одной шкалы $[0; L]$, $L \approx 1,778$. Важно подчеркнуть, что соотношение (1), является непрерывной и монотонной функцией $y(d)$, а при $d = 1$ обеспечивается равенство значений функций и ее производной. Кроме того, она позволяет представить пороговые значения индикаторов на лепестковой диаграмме в виде линии $y = 1$.

Применение формулы (1) расширяет динамический диапазон отображения данных. Ее использование является принципиальным, поскольку позволяет дифференцировать зоны риска.

Исходя из содержательных соображений, наиболее целесообразным представляется выделение семи зон риска.

1. Катастрофический риск. Индикатор попадает в данную зону, если его значение меньше порога более чем в 10 раз, при $y < 0,25$ и представляет наивысшую степень угрозы для экономической безопасности.

2. Критический риск. Индикатор попадает в данную зону, если его значение меньше порога от 3,33 до 10 раз, при $0,25 \leq y < 0,5$ и способствует развитию кризисных явлений в экономике

3. Значительный риск. Индикатор попадает в данную зону, если его значение меньше порога от 1,67 до 3,33 раза, при $0,5 \leq y < 0,75$ и предполагает нежелательное положение.

4. Умеренный риск. Индикатор попадает в данную зону, если его значение меньше порога не более, чем в 1,67 раза, при $0,75 \leq y < 1$ и находится вблизи своего порогового значения.

5. Зона стабильности № 1. Индикатор попадает в эту зону, если его значение превышает порог менее, чем в 1,67 раза, при $1 \leq y < 1,25$.

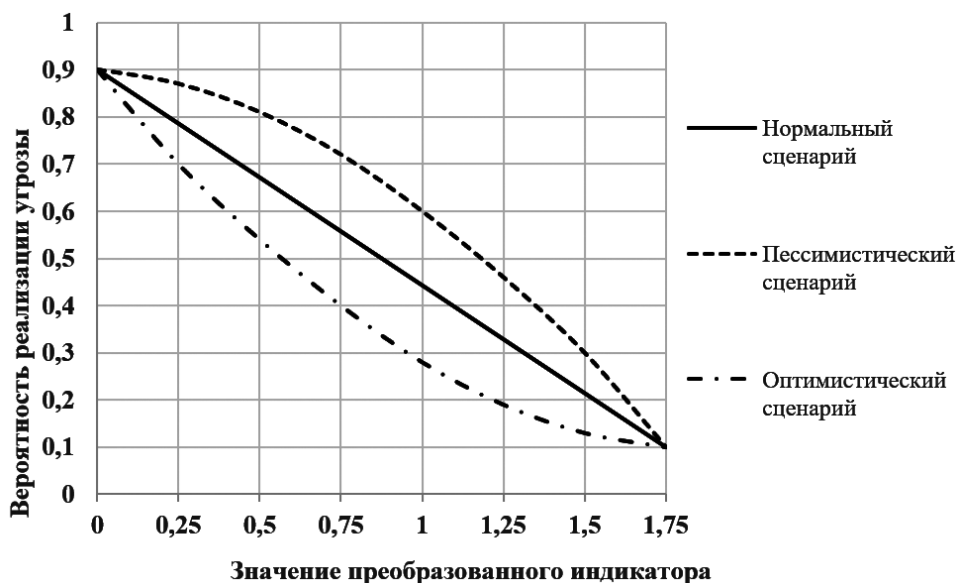
6. Зона стабильности № 2. Индикатор попадает в эту зону, если его значение превышает порог от 1,67 до 3,33 раза, при $1,25 \leq y < 1,5$.

7. Зона стабильности № 3. Индикатор попадает в эту зону, если его значение превышает порог более, чем в 3,33 раза, при $1,5 \leq y < 1,778$.

Использование семи зон риска призвано повысить наглядность представления различных степеней опасности и используется для детальной градации рисков и более точного анализа. Это может

использоваться в задачах кластеризации объектов и их ранжирования по уровню экономической безопасности. В зависимости от номера зоны кардинально меняются задачи управления рисками с целью обеспечения экономической безопасности. Кроме этого в машинном обучении и статистике более детализированные классификации помогают обучать модели с большей точностью.

На рис 2. представлена модель, показывающая связь между вероятностью реализации угрозы и значением нормированного индикатора экономической безопасности [39]. Видно, что в зависимости от зоны риска выбранным сценарием возможны различные значения вероятности реализации угрозы.

Источник: [42].

Рис. 2. Связь между нормированным значением индикатора экономической безопасности и вероятностью реализации угрозы

Пример реализации зонной теории приведен на рис. 3, где дан сравнительный анализ преобразованных индикаторов объема промышленного производства на душу населения субъектов Центрального федерального округа. Видно, что наихудшие позиции занимают Ивановская и Орловская и Тамбовская области (зона значительного риска). Еще 8 субъектов РФ позиционированы в зоне умеренного риска. Тульская, Белгородская, Владимирская и Московская области закрепились в первой зоне стабильности, расположенной рядом с пороговым уровнем. Наконец, лидерами выступают Москва, Калужская и Липецкая области.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 3. Объем промышленного производства на душу населения, тыс. руб. регионов Центрального федерального округа (данные 2019 г.)

2.4. Учет специфики объектов анализа

При выборе пороговых значений необходимо учитывать специфику сравниваемых объектов. Известно, например, что регионы России имеют значительную дифференциацию индикаторов устойчивого развития, что во многом связана с их природно-климатическими условиями, наличием полезных ископаемых, многолетними традициями организации труда, религиозными и иными отличиями. При этом вопрос выбора пороговых значений для уровня субъектов Федерации может быть решен тремя разнообразными подходами [40].

Первый подход предполагает использование различных оценочных критериев для каждого региона, что позволяет более детально учитывать их особенности. Однако это несколько ограничивает возможности компаративного сопоставления субъектов Федерации, что связано с риском нарушения сопоставимости данных. Такие нарушения могут возникать при значительных изменениях методики обработки статистических данных.

Во втором подходе для субъектов Федерации используются различные пороговые значения, при этом применяется единая система оценочных показателей. Этот метод обеспечивает учет специфики территории. Например, если в качестве индикатора использовать прожиточный минимум, тогда такой подход оправдан. Однако при составлении рейтингов здесь возникнут противоречия.

Третий подход использует единую систему оценочных индикаторов и пороговых значений для всех субъектов Федерации. Его можно использовать, применяя относительные показатели, например, отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму. Это позволяет проводить рейтингование территорий по общим критериям.

Бывает, что критическое значение подменяется другой величиной, использование которой приводит к потере смысла мониторинга экономической безопасности. Например, при сравнении ряда однородных систем (например, регионов), иногда в качестве опорных уровней используют средние или медианные значения по выборке. Это делается, например, в проводимом Министерством образования и науки РФ мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования.⁷ Такой подход может помочь ранжировать объекты, но не даст ответа, насколько абсолютные значения индикаторов соответствуют надлежащему уровню экономической безопасности. Между тем, если допущена ошибка в определении порогового уровня, то это не так катастрофично, поскольку в любом случае динамические методы анализа будут работать. Если изначально нас интересует динамический анализ конкретного объекта, то в качестве порогового уровня можно выбрать значение базового периода. Это позволяет оценить степень саморазвития системы, но при этом сравнительный анализ не допустим.

В заключение следует упомянуть еще один классификационный признак измерения риска. Это – издержки упущенной выгоды. Чаще всего они связаны с неэффективным управлением экономической безопасностью. Один из примеров – неисполнение Указов Президента РФ и других документов стратегического планирования [41]. Основные причины неисполнения: неправомерно завышенные целевые значения индикаторов или неправильное распределение ответственности, проблемы учета и контроля.

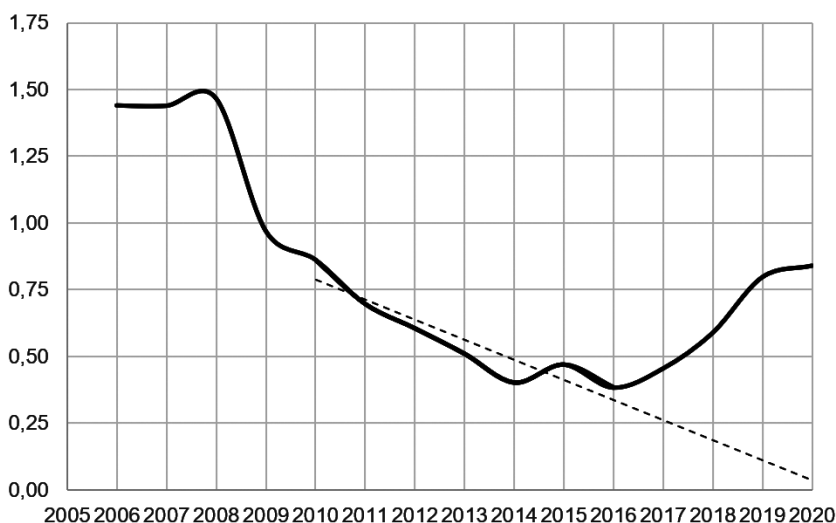
2.5. Динамический анализ

Отметим, что помимо идентификации зоны риска, важен *динамический анализ тенденций изменения индикатора*. Например, если значение индикатора длительное время находится в зоне катастрофического риска, то требуется немедленная реакция со стороны органов государственного управления. В том случае, когда в течение длительного

⁷ Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 марта 2018 г. № 204 «О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71813712/>

промежутка времени значение индикатора все в большей степени удаляется от порогового значения (зона стабильности № 3), то возникает риск непропорционального выбора соответствующего индикатора. Например, может случиться, что угроза становится неактуальной. В этом случае возникает целесообразность «ротации» индикаторов, замена части из них на другие, в большей степени отвечающие актуальным угрозам. В качестве примера можно привести индикатор внешнего государственного долга, который в конце девяностых и начале нулевых годов был весьма актуальным, поскольку описывал вероятность дефолта страны, а в настоящее время потерял свою актуальность.

Еще один пример – динамика индикатора отношения государственного долга Нижегородской области к собственным доходам ее бюджета (см. рис. 4). С 2006 г. по 2016 г. в области было реализовано несколько больших инфраструктурных проектов, например, строительство метромоста, что позволило провести метро из нижней части города Нижнего Новгорода в верхнюю. Тем самым существенно разгрузились транспортные потоки, что положительно сказалось на социально-экономическом развитии города. Вместе с тем, значительные инвестиционные вложения привели к росту государственного долга региона, что хорошо видно из рисунка. Соответствующая кривая преобразованного по формуле (1) индикатора за 10 лет пересекла 5 зон риска, остановившись в критической зоне. Впоследствии ситуация изменилась в лучшую сторону, что хорошо видно из рисунка и может быть связано со сменой руководства региона.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 4. Динамика нормированного индикатора «Отношение государственного долга Нижегородской области к собственным доходам ее бюджета»

Из этого же примера можно увидеть еще один возможный классификационный признак риска. Это – время достижения критического уровня. Построенная пунктиром линия тренда показывает, что без антикризисных мер, при сохранении имевших место тенденций, Нижегородская область уже к 2020 г. могла бы стать банкротом.

Ошибка выбора порогового уровня очень часто упоминается в научной литературе как фактор риска, который может привести к неверной интерпретации результатов. Это напрямую связано с проблемой обоснования пороговых значений, обозначенной на рис. 1. В порядке убывания обоснованности пороговых значений, на наш взгляд, можно выделить упомянутый метод прямых вычислений, международные сопоставления, экспертные оценки.

Таким образом, представляется целесообразным исследование отклонений фактических значений индикаторов от пороговых не только в статике, но и в динамике. И здесь информативными выступают:

- анализ динамики фактических значений индикаторов относительно пороговых, который позволяет выявить направление тренда значений индикаторов;
- анализ динамики отклонений фактических значений от пороговых, то есть анализ волатильности индикатора, который позволяет оценить степень рисков, ранжировать показатели по степени риска, выявлять самые подверженные риску, и т. д.

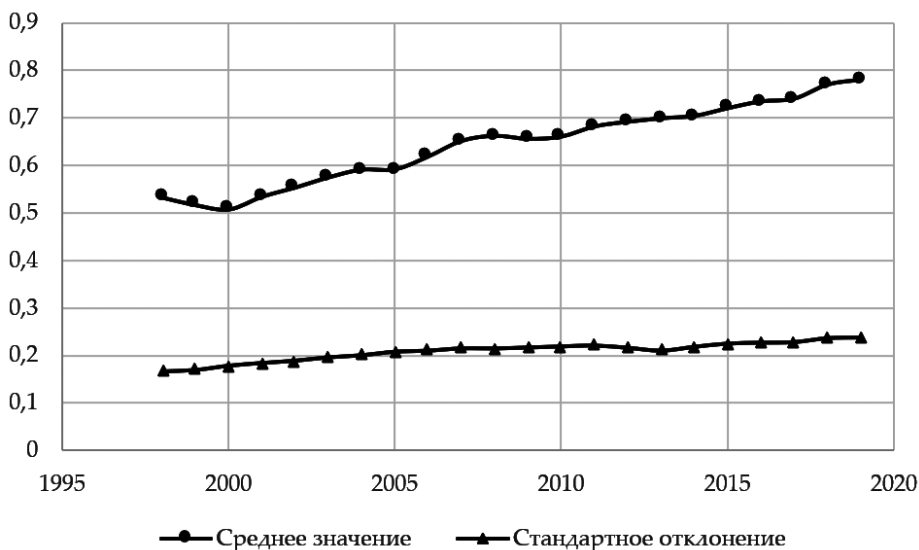
2.6. Анализ волатильности системы

Речь идет, главным образом об уровне сбалансированного развития системы, который напрямую связан с еще одним методом оценки риска, когда в качестве его меры анализируют стандартное отклонение временного ряда. Чем больше стандартное отклонение, тем больше разброс значений исследуемого показателя. Таким образом, стандартное отклонение является индикатором риска, связанного с возможными изменениями и нестабильностью в поведении экономической системы. Исследование волатильности может эффективно применяться при решении трех различных задач из области экономической безопасности.

Первая задача состоит в оценке стабильности системы во времени, мерой которой является стандартное отклонение временного ряда. Чем больше стандартное отклонение, тем более рискованным является поведение индикатора во времени. И наоборот, низкие значения стандартного отклонения свидетельствуют о стабильности процесса. Например, в нашей работе [42] представлены распределения стандартных отклонений индекса промышленного производства и индекса

располагаемых доходов для регионов Приволжского федерального округа за период времени с января 2009 г. по июнь 2015 г. (данные актуализировались с периодичностью 1 месяц). Если выбрать пороговое значения стандартных отклонений 10%, то в группе риска у первого из индексов оказалось девять регионов, а у второго – всего два. Это означает, что индекс промышленного производства в Приволжском федеральном округе имеет большую волатильность, чем индекс располагаемых доходов.

Вторая задача заключается в оценке сбалансированности развития в рамках заданного индикатора экономической безопасности по группе разнородных объектов. На рис. 5 приведена динамика среднего значения и стандартного отклонения индикатора «ВВП на душу населения», вычисляемого с учетом дефлятора, по субъектам РФ. Предварительно индикаторы были преобразованы к безразмерному виду с размещением на отрезке [0;1].

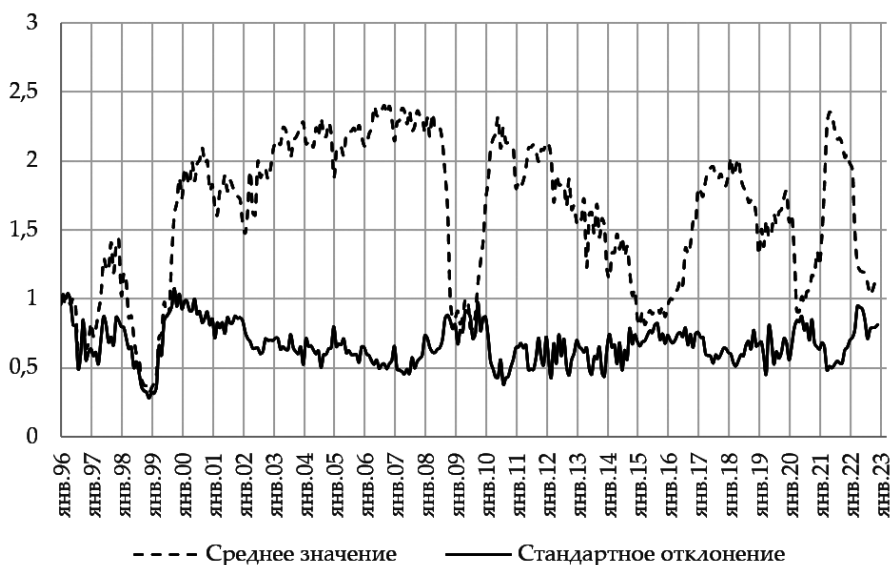
Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Рис. 5. Динамика среднего значения и стандартного отклонения по регионам России преобразованного к отрезку [0;1] индикатора «ВВП на душу населения»

Из рисунка 5 видно, что среднее значение превышает пороговый уровень 0,5 и имеет положительный тренд, что говорит о позитивном развитии страны. Вместе с тем, риск разбалансированности регионов, индикатором которого является стандартное отклонение, тоже растет, если выбрать пороговое значение 0,25, то приближается к нему.

Третья задача связана с исследованием волатильности системы в рамках выбранной системы индикаторов по различным сферам дея-

тельности. Она заключается в вычислении стандартного отклонения как меры разбалансированности развития в рамках заданного индикатора экономической безопасности по группе разнородных объектов. На рис. 6 представлена динамика среднего значения и стандартного отклонения по совокупности 12 быстрых экономических индикаторов России за период с января 1996 г. по январь 2023 г. Среднее значение иллюстрирует развитие кризисов в экономике страны. Для преобразованных индикаторов была выбрана шкала [0;3] и модель «светофора» с двумя порогами (критический и целевой уровни). Видно, что за исключением первого из кризисов (1998–1999 г.), который имел внутренние причины, в остальных разбалансированность системы усиливалась в момент усиления кризисных явлений.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

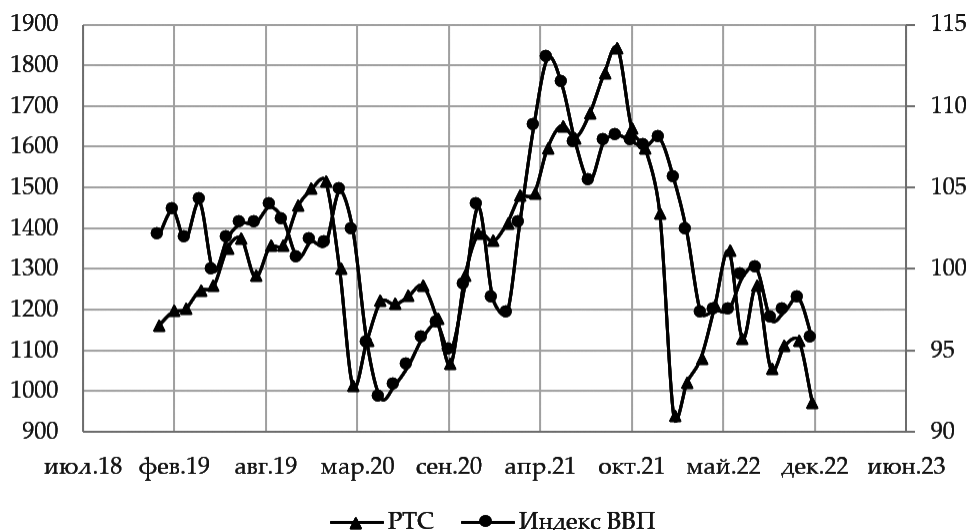
Рис. 6. Динамика среднего значения и стандартного отклонения по преобразованным к отрезку [0;3] двенадцати быстрым индикаторам экономической безопасности России

2.7. Теория эластичности в выявлении факторов нестабильности

После выявления наименее стабильных (наиболее подверженных риску) индикаторов возникает закономерный вопрос о выявлении причин (факторов) этой нестабильности. Для ответа на этот вопрос может быть использована теория эластичности [43]. В данном случае высокие значения коэффициентов эластичности (больше единицы) говорят о значительных рисках, связанных с вероятными изменениями

проектных параметров на входе. Выявлять риски и определять относительный эффект воздействия рисков на систему в рамках такого подхода позволяет расчет матрицы коэффициентов эластичности. Такой подход, в частности может использоваться в задачах анализа циклических кризисов.

В качестве предвестников кризисов используют так называемые «опережающие индикаторы», которые начинают заметно меняться до наступления кризиса. Опережающие индикаторы в разных странах имеют свои отличия. Например, В.Л. Поздеев приводит для России композитный опережающий индикатор, который собирается из широкого набора экономических показателей [44]. В некоторых случаях в качестве опережающих индикаторов используются индексы деловой активности, вычисляемых путем анкетирования работников различных отраслей экономики. Кроме того, для каждого кризиса есть свой уникальный показатель, резкое изменение которого привело к причине развития кризисных явлений. Например, для кризиса 1998–1999 г. – это доходность ГКО, резкий рост которой привел к дефолту, для кризиса 2008–2009 гг. – это индекс Кейса–Шиллера, отражающего развитие ипотечного кризиса в США, которое привело к мировому финансовому кризису. Отметим еще один важный индикатор – индекс РТС, который может быть рассмотрен в качестве предвестника кризисов. На рис. 6 приведена динамика индекса РТС и индекса промышленного производства России, которая отражает развития двух последних кризисов (пандемия 2020 г. и санкции 2022 г.).

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Рис. 7. Динамика индекса РТС (левая ось) и индекса промышленного производства России (правая ось)

Из рис. 7 видно, что коэффициент эластичности индекса промышленного производства по индексу РТС весьма высок, что говорит о высоком риске развития кризиса. Кроме того, видно, что в обоих кризисах индекс РТС начинает падать на месяц раньше индекса промышленного производства. Это может служить подтверждением гипотезы об использовании его как предвестника кризиса, выдвинутой ранее в [37].

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрены ключевые подходы к оценке рисков и определению пороговых значений экономической безопасности. Раскрыто соответствие между классификационными признаками данных экономических категорий. В рамках статьи была рассмотрена модель, основанная на проецировании показателей экономической безопасности на одну из семи «зон риска». Показано, что модель, состоящая из семи зон риска, соответствует шести условным пороговым уровням. Это приводит к более точному, чем в случае одного порога, определению состояния экономической безопасности объекта. Использование многозонной модели может быть полезным для выявления даже небольших изменений в уровне риска, что важно для принятия решений и управления рисками. Кроме того, заслуживает внимания модель «светофора», в которой используется три зоны риска и два пороговых уровня: критический и целевой. В статье показано, что для диагностики угроз экономической безопасности целесообразно использовать не только фактические значения оценочных показателей, но также анализ их динамики во времени.

Среди других примеров развития теории рисков в статье рассмотрены три задачи анализа волатильности, которые открывают новые возможности мониторинга экономической безопасности. Значительная волатильность параметров экономической безопасности во времени свидетельствует о высоком риске, связанном с конкретным параметром. Высокая волатильность индикатора по группе объектов (например, регионов) свидетельствует об их значительной дифференциации, что во многих случаях ухудшает общий уровень экономической безопасности. Наконец, высокая волатильность индексов системы по отдельным сферам (проекциям), свидетельствует о нарушении ее сбалансированного развития.

Если в качестве цели выступает анализ кризисов в экономике, то здесь требуется своя система индикаторов, система пороговых уровней, а также задействование вспомогательных показателей, которые можно рассматривать в роли опережающих индикаторов или предвестников кризиса. Показано, что одним из таких предвестников является индекс РТС. В качестве меры риска здесь может выступать

коэффициент эластичности выходного параметра к значению предвестника. В статье представлен пример развития двух экономических кризисов, где зафиксирована высокая эластичность индекса промышленного производства по индексу РТС.

Экономическая интерпретация результатов должна осуществляться на основе содержательного истолкования полученных в ходе анализа результатов. Полученные данные могут быть использованы в задачах ранжирования экономических систем с применением различных экономико-математических методов (регрессионный, кластерный, факторный анализ и др.). Это поможет оценить эффективность различных экономических решений и принять обоснованные решения по обеспечению надлежащего уровня экономической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Waring, A. and Glendon, I.* Managing Risk. Cengage Learning Business Press. London, 2001.
2. *Thurik, R.* Exports and Small Business in the Netherlands: Presence Potential and Performance. *International Small Business Journal*. 1993. No. 11. Pp. 49–58. <http://dx.doi.org/10.1177/026624269301100303>.
3. *Ting, W.* Multinational Risk Assessment and Management: Strategies for Investment and Marketing Decisions. Quorum Books, New York, 1988.
4. *Knowles, W.* Jordan since 1989: A Study in Political Economy. I.B. Tauris. London, 2005.
5. *Al Khattab, A., Al-Rawad, M., Al Soboa, S. and Al-Khattab, K.* Country Risk Management in a Developing Country. *Journal of Service Science and Management*. 2015. No. 8. Pp. 24–33. <http://dx.doi.org/10.4236/jssm.2015.81003>.
6. *Авдийский В.И., Безденежных В.М., Катаева Е.Г.* Управление рисками как ключевой элемент обеспечения реализации риск-ориентированного подхода в деятельности хозяйствующих субъектов // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10. № 6. С. 6–15.
7. *Авдийский В.И., Безденежных В.М.* Экономическая безопасность современной России: риск-ориентированный подход к ее обеспечению // *Экономика. Налоги. Право*. 2016. Т. 9. № 3. С. 6–13.
8. *Дудин М.Н., Лясников Н.В., Проценко О.Д., Цветков В.А.* Квантификация и оценка рисков проектов добычи углеводородных ресурсов в Арктике // *Экономическая политика*. 2017. Т. 12. № 4. С. 168–195. DOI 10.18288/1994-5124-2017-4-07.
9. *Городецкий А. Е.* Об исходных предпосылках разработки национальной системы управления рисками экономической безопасности // *Экономическая безопасность*. 2018. Т. 1. № 1. С. 9–20. DOI 10.18334/ecsec.1.1.100484.
10. Методологические подходы к созданию и организации функционирования федеральной системы управления рисками / В.Г. Старовойтов, С.Н. Сильвестров, А.И. Селиванов, Д.В. Трошин // *Управленческие науки*. 2018. Т. 8. № 3. С. 64–73. DOI 10.26794/2404-022X-2018-8-3-64-73.
11. *Бауэр В.П., Сильвестров С.Н., Смирнов В.В.* Подход к разработке средств моделирования для федеральной системы управления рисками // *Инновации*. 2018. № 6(236). С. 14–20.

12. Сильвестров С.Н. Управление глобальными рисками устойчивого развития // Развитие и безопасность. 2023. № 2(18). С. 4–13. DOI 10.46960/2713-2633_2023_2_4.
13. Формирование системы управления рисками в зарубежной практике / С.Н. Сильвестров, С.А. Побываев, Н.В. Кузнецов [и др.] // Вопросы экономики и права. 2017. № 110. С. 19–23.
14. Осипов Г.В., Локосов В.В. Пределы падения // Социология и политика. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 556–568.
15. Глазьев С.Ю. За критической чертой. (О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны). М.: Российский экономический журнал, 1996.
16. Экономическая безопасность России. Учебник. Общий курс / Под ред. В.К. Сенчагова 2-е изд. М.: Дело, 2005.
17. Стратегия экономической безопасности при разработке индикативных планов социально-экономического развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу: монография. М.: Институт экономики РАН, 2009.
18. Сенчагов В.К. Модернизация финансовой сферы // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 53–64.
19. Экономическая безопасность регионов России: монография / под ред. В.К. Сенчагова. Н. Новгород: Растр-НН, 2014.
20. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова В.К. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009.
21. Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010.
22. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
23. Авдийский В.И., Сенчагов В.В. Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 4. С. 73–78.
24. Эриашвили Н.Д., Барикаев Е.Н. Определение, критерии и пороговые значение экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12. С. 30–33.
25. Виссарионов А.Б., Гумеров Р.Р. Об использовании предельных (пороговых) значений индикаторов экономической безопасности Российской Федерации // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 3. С. 12–20.
26. Локосов В.В. Оценка социально-экономических рисков методом предельно критических (пороговых) показателей // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 8–17. DOI 10.19181/population.2021.24.3.1.
27. Kasprowicz T; Bednorz A. Threshold theory: Modelling risk attitude, e-Finance: Financial Internet Quarterly, ISSN 1734-039X, De Gruyter Open, Berlin. 2017. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 97–109. <https://doi.org/10.1515/fiqf-2016-0039>.
28. Benito, S., López-Martín, C. & Navarro, M.Á. Assessing the importance of the choice threshold in quantifying market risk under the POT approach (EVT). Risk Management. 2023. Vol. 25. Article 6. <https://doi.org/10.1057/s41283-022-00106-w>.
29. Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3(51). С. 231–234.

30. Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». 2014. № 4. Т. 8. С. 15–24.
31. Каранина Е.В. Концептуальные аспекты комплексной экспресс-диагностики уровня экономической безопасности и рейтингования регионов современной России // Инновационное развитие экономики. 2016. № 6–2 (36). С. 248–256.
32. Медведева Я.А. Мониторинг состояния экономической безопасности России и Центрального федерального округа // Техничко- технологические проблемы сервиса. 2017. № 4. С. 29–31.
33. Глазьев С.Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал. 1997. № 1. С. 12–17.
34. Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18. № 6. С. 892–910
35. Инфантьев К.А., Шубников Ю.Б. О спектре современных угроз экономической безопасности и их пороговых значениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4(64). С. 132–136.
36. Караваева И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 8. С. 2179–2198. DOI 10.18334/erp.10.8.110705.
37. Митяков С.Н., Митяков Е.С. Анализ кризисных явлений в экономике России с использованием быстрых индикаторов экономической безопасности // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3(186). С. 29–40. DOI 10.47711/0868-6351-186-29-40.
38. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 41–50.
39. Митяков Е.С., Митяков С.Н. Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды НГТУ им. П.Е. Алексеева. 2018. № 1(120). С. 44-51. DOI 10.46960/1816-210X_2018_1_44.
40. Митяков Е.С. К вопросу об актуальности использования пороговых значений при мониторинге экономической безопасности регионов России // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. П.Е. Алексеева. 2019. С. 187–191.
41. Митяков С.Н., Мурашова Н.А. Методика оценки эффективности исполнения документов стратегического планирования в области обеспечения инновационной деятельности // Экономика и предпринимательство. 2020. № 2(115). С. 685-689. DOI 10.34925/EIP.2020.115.2.137.
42. Митяков Е.С., Митяков С.Н. Анализ краткосрочных индикаторов экономической безопасности регионов // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–1. С. 160–164.
43. Митяков С.Н., Митякова О.И. Бизнес-планирование как элемент адаптивного управления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2005. № 1. С. 425–432.
44. Поздеев В.Л. Завершение 2020 года – подъем или рецессия? // Развитие и безопасность. 2020. № 4(8). С. 55–67. DOI 10.46960/2713-2633_2020_4_55.

REFERENCES

1. *Waring A., Glendon I.* (2001) *Managing Risk*. Cengage Learning Business Press London, 2001.
2. *Thurik R.* Exports and Small Business in the Netherlands: Presence Potential and Performance. *International Small Business Journal*. 1993. No. 11. Pp. 49–58. <http://dx.doi.org/10.1177/026624269301100303>.
3. *Ting, W.* *Multinational Risk Assessment and Management: Strategies for Investment and Marketing Decisions*. Quorum Books, New York, 1988.
4. *Knowles, W.* *Jordan since 1989: A Study in Political Economy*. I. B. Tauris, London, 2005.
5. *Al Khattab, A., Al-Rawad, M., Al Soboia, S. and Al-Khattab, K.* Country Risk Management in a Developing Country. *Journal of Service Science and Management*. 2015. No. 8. Pp. 24–33. <http://dx.doi.org/10.4236/jssm.2015.81003>.
6. *Avdiyskiy V.Y., Bezdenezhnykh V.M., Kataeva E.G.* Risk management as a key element of ensuring the implementation of a risk-oriented approach in the activities of economic entities // *Economy. Taxes. Right*. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 6–15. (In Russ.).
7. *Avdiyskiy V.I., Bezdenezhnykh V.M.* Economic security of modern Russia: a risk-oriented approach to its security // *Economy. Taxes. Right*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 6–13. (In Russ.).
8. *Dudin M.N., Lyasnikov N.V., Protsenko O.D., Tsvetkov V.A.* Quantification and assessment of risks of hydrocarbon extraction projects in the Arctic // *Economic policy*. 2017. Vol. 12. No. 4. Pp. 168–195. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-07. (In Russ.).
9. *Gorodetskiy A. E.* On the initial prerequisites for the development of a national system for managing economic security risks // *Economic Security*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 9–20. DOI: 10.18334/ecsec.1.1.100484. (In Russ.).
10. Methodological approaches to the creation and organization of the functioning of the federal risk management system / V.G. Starovoitov, S.N. Sylvestrov, A. I. Selivanov, D.V. Troshin // *Management Sciences*. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 64–73. DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-3-64-73. (In Russ.).
11. *Bauer V.P., Silvestrov S.N., Smirnov V.V.* An approach to the development of modeling tools for the federal risk management system // *Innovations*. 2018. No. 6(236). Pp. 14–20. (In Russ.).
12. *Silvestrov S.N.* Management of global risks of sustainable development // *Development and security*. 2023. No. 2(18). Pp. 4–13. DOI :10.46960/2713-2633_2023_2_4. (In Russ.).
13. Forming a risk management system in foreign practice / S.N. Sylvestrov, S.A. Pobyvaev, N.V. Kuznetsov [and others] // *Questions of economics and law*. 2017. No. 110. Pp. 19–23. (In Russ.).
14. *Osyrov G.V., Lokosov V.V.* *The Limits of the Fall* // *Sociology and Politics*. M.: ISPY RAS. 1995. Pp. 556–568. (In Russ.).
15. *Glazyev S.Yu.* Beyond the critical line. (On the concept of macroeconomic policy in light of ensuring the country's economic security). M.: Russian Economic Journal, 1996. (In Russ.).
16. Economic security of Russia. Textbook General course / Ed.: Senchagov. 2nd ed. M.: Delo, 2005. (In Russ.).
17. The strategy of economic security in the development of indicative plans for socio-economic development for the long-term and medium-term perspective: monograph. – M.: Institute of Economics, RAS, 2009. (In Russ.).
18. *Senchagov V.K.* Modernization of the financial sphere // *Voprosy ekonomiki*. 2011. № 3. Pp. 53–64. (In Russ.).

19. Economic security of regions of Russia: monograph / Ed.: V.K. Senchagov. N. Novgorod: Rastr-NN, 2014. (In Russ.).
20. Economic security of Russia: general course: textbook / Ed.: V.K. Senchagov. 3rd ed., revised. and additional. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2009. (In Russ.).
21. *Senchagov V.K.* Economy, finance, prices: evolution, transformation, security / V.K. Senchagov. M.: Ankil, 2010. (In Russ.).
22. *Glazyev S.Yu., Lokosov V.V.* Estimation of extreme critical values of indicators of the state of Russian society and their use in management of social and economic development // Bulletin of the Russian Academy of Science. 2012. Vol. 82. No. 7. Pp. 587–614. (In Russ.).
23. *Avdiyski V.I., Senchagov V.V.* Methodologies for determining the threshold values of the main (priority) risk factors and threats to the economic security of economic entities // Economy. Taxes. Right. 2014. No. 4. Pp. 73–78. (In Russ.).
24. *Eryashvili N.D., Barikaev E.N.* Definition, criteria and threshold values of economic security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 12. Pp. 30–33. (In Russ.).
25. *Vissarionov A.B., Gumerov R.R.* On the use of limit (threshold) values of indicators of economic security of the Russian Federation // Administrative sciences. 2017. Vol. 7. No. 3. Pp. 12–20. (In Russ.).
26. *Lokosov V.V.* Estimation of social and economic risks by the method of extremely critical (threshold) indicators // Narodonaselenie. 2021. Vol. 24. No. 3. Pp. 8–17. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.1. (In Russ.).
27. *Kasprowicz, Tomasz; Bednorz, Andrzej.* Threshold theory: Modeling risk attitude, e-Finanse: Financial Internet Quarterly, ISSN 1734-039X, De Gruyter Open, Berlin. 2017. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 97–109. <https://doi.org/10.1515/fiqf-2016-0039>
28. *Benito, S., López-Martín, C. & Navarro, M.Á.* Assessing the importance of the choice threshold in quantifying market risk under the POT approach (EVT). Risk Management. 2023. Vol. 25. Article 6. <https://doi.org/10.1057/s41283-022-00106-w>.
29. *Afontsev S.A.* Conceptual foundations of the analysis of national and international economic security // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3(51). Pp. 231–234. (In Russ.).
30. *Kalina A.V., Savelyeva I.P.* Formation of threshold values of indicative indicators of economic security of Russia and its regions // Herald of YuUU. Ser. "Economics and Management". 2014. No. 4. T. 8. Pp. 15–24. (In Russ.).
31. *Karanina E.V.* Conceptual aspects of complex express diagnostics of the level of economic security and rating of regions of modern Russia // Innovation development of economics. 2016. No. 6–2 (36). Pp. 248–256. (In Russ.).
32. *Medvedeva Ya.A.* Monitoring of the state of economic safety of Russia and the Central Federal District // Technical and technological problems of the service. 2017. No. 4. P. 29–31. (In Russ.).
33. *Glazyev S.Yu.* The basis of the economic security of the country: an alternative reformation course // Rossiyskiy zhurnal. 1997. No. 1. Pp. 12–17. (In Russ.).
34. *Krivorotov V.V., Kalyna A.V., Belyk I.S.* Threshold values of indicative indicators for diagnostics of the economic security of the Russian Federation at the current stage // Herald of UrFU. Economy and management series. 2019. Vol. 18. No. 6. Pp. 892–910. (In Russ.).

35. *Infantyev K.A., Shubnikov Yu.B.* On the spectrum of modern threats to economic safety and their threshold values // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4(64). Pp. 132–136. (In Russ.).
36. *Karavaeva I.V., Ivanov E.A., Lev M.Yu.* Passporting and assessment of the indicators of the state of economic security of Russia // Economy, business and law. 2020. Vol. 10. No. 8. Pp. 2179–2198. DOI: 10.18334/epp.10.8.110705. (In Russ.).
37. *Mytyakov S.N., Mytyakov E.S.* Analysis of crisis phenomena in the economy of Russia with the use of quick indicators of economic security // Problems of forecasting. 2021. No. 3(186). Pp. 29–40. DOI: 10.47711/0868-6351-186-29-40. (In Russ.).
38. *Senchagov V.K., Mityakov S.N.* Using the index method to estimate the level of economic security // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 5. Pp. 41–50. (In Russ.).
39. *Mytyakov E.S., Mytyakov S.N.* Risk assessment in the tasks of monitoring threats to economic security // Trudy NGTU named after RE. Alekseeva. 2018. No. 1(120). Pp. 44–51. DOI: 10.46960/1816-210X_2018_1_44. (In Russ.).
40. *Mytyakov E.S.* To the question of the relevance of the use of threshold values in monitoring the economic security of Russian regions // Economic security of Russia: problems and perspectives: materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod State Technical University named after RE. Alekseeva. 2019. Pp. 187–191. (In Russ.).
41. *Mytyakov S.N., Murashova N.A.* Methodology for evaluating the effectiveness of the execution of strategic planning documents in the area of innovative activity support // Economy and Entrepreneurship. 2020. No. 2(115). Pp. 685–689. DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.137. (In Russ.).
42. *Mytyakov E.S., Mytyakov S.N.* Analysis of short-term indicators of economic safety of regions // Fundamentalnye issledovaniya. 2015. No. 12–1. Pp. 160–164. (In Russ.).
43. *Mytyakov S.N., Mytyakova O.I.* Business planning as an element of adaptive management // Herald of the Nizhny Novgorod University. N.Y. Lobachevsky Series: Economy and finance. 2005. No. 1. Pp. 425–432. (In Russ.).
44. *Pozdeev V.L.* The end of 2020 – recovery or recession? // Development and security. 2020. No. 4(8). Pp. 55–67. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_4_55. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 28.08.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Митяков Сергей Николаевич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0002-7086-7457

snmit@mail.ru

Митяков Евгений Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информатики Института кибербезопасности и цифровых технологий ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6579-0988

iyao@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Mityakov – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University

n.a. R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-7086-7457

snmit@mail.ru

Evgeniy S. Mityakov – Doctor of Economic Sciences, Professor at the Informatics Faculty of the Institute for Cybersecurity and Digital Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6579-0988

iyao@mail.ru

DEVELOPING THE THEORY OF ECONOMIC SECURITY RISKS AND THRESHOLDS

The work's purpose is to develop the theory of economic security risks and threshold values, considering these economic categories in interrelation. The authors examine key approaches to risk assessment and economic security threshold values formation and demonstrate relationship between classification characteristics of the two economic categories. Three main models of threshold values are considered. In a model containing two risk zones, threshold values serve as some reference points separating acceptable values of economic security indicators from unacceptable ones. The "traffic light" model is a more preferable one. It contains critical and target threshold levels and three risk zones. The third model, containing seven risk zones, corresponds to six conditional threshold levels, which leads to a more accurate assessment of the state of economic security of the objects under study compared to other models, and can be effectively used, for example, for classification purposes. The authors note that for monitoring threats to economic security, it is important not only to position the value of the economic security indicator in the corresponding risk zone, but also to analyze its changes over time, which makes it possible to compensate for system errors in determining the threshold values by studying the self-development of the system. They give examples of the use of volatility analysis and elasticity theory in the tasks of risk assessment, opening up new opportunities for economic security monitoring.

Keywords: *economic security, economic security risks, risk zones, economic security indicators, threshold values.*

JEL: O11, D81.

ФИНАНСЫ

А.С. ПОПКОВА

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий отделом мониторинга социально-экономического развития
Института экономики Национальной академии наук Беларуси

ЦИФРОВОЙ БАНК ДЛЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: ОПЫТ КИТАЯ

В статье рассматривается опыт инклюзивного финансирования китайского банка WeBank, который был признан лучшим цифровым банком мира. Проанализированы показатели успешной деятельности WeBank за последние пять лет. Выявлено, что основными клиентами WeBank являются социально уязвимые категории населения и предприятия малого и среднего бизнеса. Определены и исследованы основные факторы успеха WeBank: внедрение инновационных цифровых технологий обслуживания клиентов, развитие платформенного бизнеса, тесная интеграция с социальными сетями, значительное снижение затрат, быстрые и доступные кредитные продукты, обеспечение усиленных мер безопасности, кросс-функциональная командная работа сотрудников, регулярные исследования поведения пользователей. Отмечена перспективность имплементации китайского опыта организации цифрового банка на территории стран ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровой банк, инклюзивное финансирование, цифровые финансовые технологии.

УДК: 336.713

EDN: ENBMCY

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_114_135

Введение

На современном этапе развития экономики банковскому сектору приходится уделять повышенное внимание соблюдению экологических, социальных и управленческих стандартов (ESG). Социальная ответственность банков предполагает не только обязательства отдельных учреждений за сохранность вверенных им средств, но и ответственность всего банковского сектора за стабильность финансовой системы и устойчивое развитие экономики. Результаты деятельности банков влияют не только на благосостояние их владельцев, сотруд-

ников и клиентов, но и общества в целом через участие в процессах накопления капитала и последующего размещения в социально значимые проекты. Бизнес-решения социально ориентированных банков предполагают учет потребностей многих заинтересованных сторон. Поэтому сегодня все чаще возникают банки, основной миссией которых становится инклюзивное финансирование.

В последние годы продвижение инклюзивной финансовой системы стало приоритетом политики во многих странах [1]. Недавний глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. продемонстрировал масштаб сбоев в работе финансовых систем, связанных с нерациональным распределением ресурсов. Это побудило ученых и политиков уделять больше внимания инклюзивному финансированию для обеспечения экономического процветания и роста. Всемирный банк определил финансовую инклюзивность как доступ частных лиц и предприятий к финансовым продуктам и услугам и удовлетворение их потребностей в транзакциях, платежах, сбережениях, кредитах и страховании¹. Азиатский банк развития рассматривает финансовую доступность как предоставление официальных финансовых продуктов и услуг всем классам людей, независимо от их экономического положения².

Ряд исследователей считает, что инклюзивное финансирование с более широким охватом клиентуры могло бы уменьшать асимметрию информации и проблемы между кредиторами и заемщиками [2], снизить волатильность фондирования из-за возможности привлечения депозитов от многочисленных клиентов [3], поддержать предпринимательскую деятельность по различным каналам [4]. Исследование деятельности 102 банков в шести странах АСЕАН за период 2008–2019 гг. показало, что более высокий уровень финансовой доступности способствует большей стабильности банков [5]. Результаты анализа на основе международной выборки из 1 740 банков за период 2004–2015 гг. свидетельствуют о наличии положительной корреляции между финансовой доступностью и эффективностью банков [6]. Регрессионный анализ 318 банков из семи стран за период 2011–2020 гг. подтвердил, что более широкое внедрение цифровой инклюзивной финансовой системы повышает эффективность банковской деятельности [7]. Проводимые экспериментальные исследования в отдельных странах также продемонстрировали положительную роль инклюзивного финансирования в экономике [8; 9].

В то же время некоторые исследователи отмечают и проблемы, связанные с дистанционным управлением и формированием органи-

¹ World Bank. Financial inclusion overview. https://www.worldbank.org/en/topic/financial_inclusion/overview (дата обращения: 14.08.2023).

² Financial Inclusion in the Digital Economy. <https://www.adb.org/publications/adb-brief-financial-inclusion-digital-economy> (дата обращения: 19.08.2023).

зационной структуры. В инклюзивном финансовом секторе банки расширяют филиалы в отдаленных районах, не охваченных банковским обслуживанием. По мере увеличения расстояния между головным офисом и удаленными филиалами контроль за последними становится все более затруднительным [10]. Трудности могут возникнуть из-за сложности структурирования финансовых продуктов и разработки дифференцированных предложений для разных категорий клиентов. Однако на современном этапе развития банковской системы данные проблемы разрешаются за счет внедрения инновационных технологических решений.

В последние годы значительно увеличилось количество публикаций, посвященных цифровым технологиям в банковском секторе. Как справедливо отмечают авторы статьи «Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы» оцифровка финансовых услуг способствует «сокращению теневой экономики, увеличению объема налоговых поступлений, количества рабочих мест и росту ВВП» [11, с. 81]. Большое внимание ученые уделяют блокчейн-технологиям. Ю.А. Власова и Ж.И. Герзелиева утверждают, что «в долгосрочной перспективе банки будут стремиться перевести все операционные, рискованные и финансовые системы на платформу распределенного реестра обмена и хранения данных блокчейн» [12, с. 54]. В.В. Иванов и М.П. Левин считают необходимым для цифровой трансформации современного банка внедрение модели организации платформенной экосистемы с централизованным модулем для управления банковскими продуктами линейками [13, с. 36]. Исследование Л.Р. Магомаевой и О.М. Разиной показало целесообразность «переориентации бизнес-модели от многоканального доступа к услугам и сервисам до омниканального на взаимодействие банка с клиентом» [14, с. 8]. Социологические исследования показывают, что развитию цифровых банковских услуг способствуют простота и удобство использования, более низкая стоимость операций [15].

Рост цифровых банков стал одной из наиболее значимых тенденций в индустрии финансовых услуг. Совокупный доход 100 крупнейших мировых банков, работающих только в цифровом формате, достиг примерно 66 млрд долл. в 2022 г. и вырос на 16% по сравнению с предыдущим годом. Число прибыльных банков в мировом топ-100 увеличилось до 48 по сравнению с 29 в рейтинге предыдущего года³, но все равно их количество составило менее половины. Следует особо отметить, что относительно недавно созданный первый цифровой банк Китая WeBank

³ Profitability of digital-only banks improving – nearly half of the top 100 reported profits <https://tabinsights.com/article/profitability-of-digital-only-banks-improving-nearly-half-of-the-top-100-reported-profits> (дата обращения: 11.08.2023).

всего за два года смог выйти на прибыльную работу. Сочетание передовых цифровых банковских технологий и модели инклюзивного финансирования позволило WeBank менее чем за 10 лет занять лидирующие позиции в мировом рейтинге цифровых банков.

Лучший цифровой банк мира

Китайский WeBank стал «Лучшим глобальным цифровым банком 2023 года» среди 200 финансовых организаций из 30 стран мира, по версии журнала *Asian Banker*, в знак признания его исключительных инновационных возможностей в области цифровых финансовых технологий. Журнал *Economic Observer* назвал его «Выдающимся банком по управлению капиталом 2021–2022 годов». WeBank имеет множество наград, в числе которых «Лучший цифровой банк в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Лучший чат-бот/голосовой банковский сервис», «Лучший кредитный продукт для малого и среднего бизнеса в Китае», «Лучшая практика социальной ответственности» за проект безбарьерных финансовых услуг⁴ и др.

Шэньчжэньский WeBank стал первым банком в Китае, работающим только в цифровом формате. Он открылся в 2014 г., но уже добился значительных успехов благодаря лучшим в отрасли цифровым технологиям. WeBank был основан с целью предоставления доступных и удобных финансовых услуг микро-, малым, средним предприятиям и широкой общественности, в том числе малообеспеченным категориям населения. Придерживаясь миссии «сделать финансы доступными для общества», WeBank стремится удерживать лидирующие позиции в области цифрового банкинга. Крупнейшим акционером банка является инвестиционная холдинговая компания Tencent, которой принадлежит 30% акций.

На протяжении последней пятилетки показатели WeBank демонстрировали тенденцию к росту (см. табл. 1). WeBank является лидером по активам, кредитам, чистой прибыли и другим показателям в цифровом банковском пространстве Китая. В 2022 г. WeBank зафиксировал рекордные результаты. Операционный доход банка вырос на 31%, операционная прибыль – на 40%. В прошлом году полученная чистая прибыль WeBank (8,937 млрд юаней) превысила сумму чистой прибыли остальных 18 частных банков Китая (8,794 млрд юаней). Общая сумма депозитов клиентов выросла на 18%, объем выданных кредитов увеличился на 28%. Доля необслуживаемых кредитов составила 1,47%, что ниже среднего уровня частных банков (1,52%). Количество клиентов WeBank уве-

⁴ WeBank Recognized as «Best Global Digital-Only Bank» by The Asian Banker. <https://www.prnewswire.com/news-releases/webank-recognized-as-best-global-digital-only-bank-by-the-asian-banker-301791384.html> (дата обращения: 27.06.2023).

личилось с начала года на 41 млн и достигло 362 млн. Около 27% клиентов банка – это микро- и малые предприятия без кредитной истории.

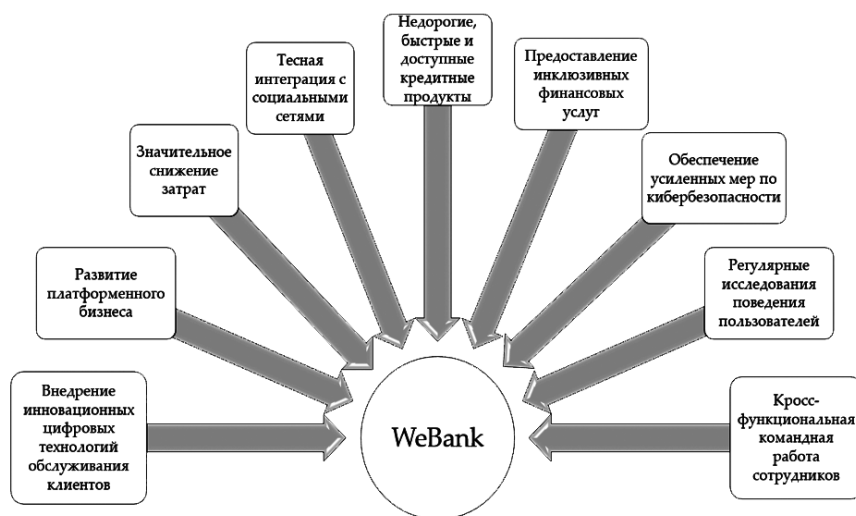
Таблица 1

Показатели деятельности WeBank, млрд юаней

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Операционный доход	10,030	14,870	19,881	26,989	35,364
Операционная прибыль	5,353	9,671	11,611	17,396	24,303
Чистая прибыль	2,474	3,950	4,957	6,884	8,937
Общие активы	220,037	291,236	346,430	438,748	473,862
Объем выданных кредитов и авансов	119,817	162,966	200,061	263,206	336,997
Объем депозитов	154,478	236,288	261,957	301,774	355,441
Доля необслуживаемых кредитов, %	0,51	1,24	1,2	1,2	1,47

Источник: составлено автором по: данные ежегодных отчетов WeBank. <https://tctp.webankcdn.net/owb-admin/data/appsystems/owb-admin/1681466085862-08569.pdf>; <https://tctp.webankcdn.net/owb-admin/data/appsystems/owb-admin/1679404993477-57013.pdf>; <https://tctp.webankcdn.net/owb-admin/data/appsystems/owb-admin/1679405027419-46428.pdf>; https://std.webankcdn.net/eps/upload/www/pdf/annual_report_2019_en.pdf (дата обращения: 2.07.2023).

На наш взгляд, добиться такого успеха WeBank смог за счет комплекса факторов (см. рис. 1).

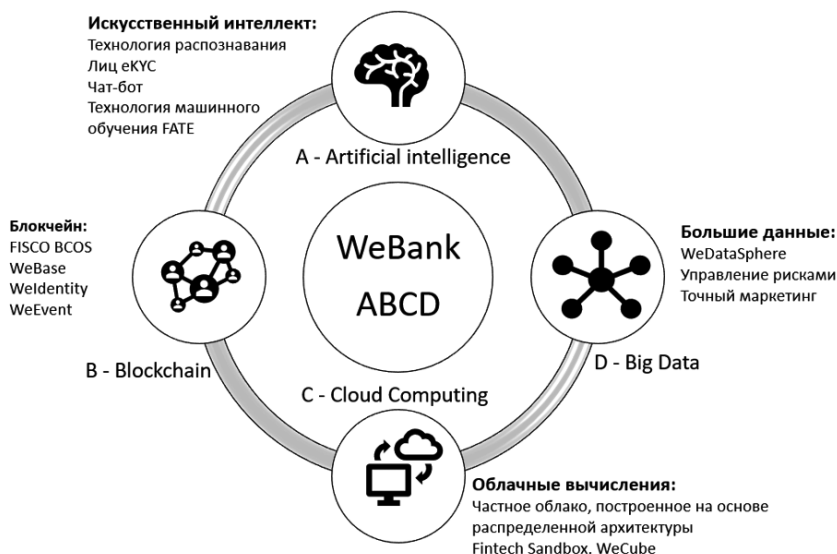

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Факторы успешного развития WeBank

Внедрение инновационных цифровых технологий обслуживания клиентов

Все процессы WeBank базируются на технологиях ABCD: искусственный интеллект, блокчейн, облачные вычисления, большие данные (см. рис. 2).

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Четыре стратегических направления развития WeBank

Направление 1 – искусственный интеллект (ИИ). Технологии ИИ помогают масштабировать инклюзивные финансовые приложения и создавать новую финансовую экосистему. WeBank создает серию передовых приложений ИИ для расширения доступа к финансовым услугам. Одним из них является Federated AI Technology Enabler (FATE) – первая в Китае платформа обучения с открытым исходным кодом. FATE помогает предприятиям и организациям совместно создавать модели искусственного интеллекта по разным направлениям: маркетинг, обслуживание клиентов, технологии eKYC (знай своего клиента), контроль рисков и др. [16].

Федеративное обучение – это зашифрованная технология. Участники могут совместно строить модели, не раскрывая никаких лежащих в их основе данных. Частные данные компаний сохраняются в локальном хранилище. Федеративное обучение позволяет построить виртуальную совместную модель путем обмена параметрами в схемах шифрования без нарушения правил конфиденциальности, что позволяет предотвратить возможность утечки информации.

WeBank изучает различные способы взаимодействия человека и компьютера с помощью ИИ нового поколения и запустил серию роботов для голосового обслуживания клиентов, контроля рисков, соблюдения стандартов качества, распознавания символов и т. д. Роботизация охватывает весь процесс бизнес-консультирования, проверки личности, просмотра данных, кредитования и др.

Направление 2 – блокчейн. WeBank – это первый банк в мире, который построил крупномасштабную и коммерчески жизнеспособную экосистему инфраструктуры блокчейна. Он предоставляет комплексные блокчейн-решения, включая инфраструктурную платформу FISCO BCOS, комплекты программного обеспечения WeBase, приложения WeIdentity и WeEvent:

- FISCO BCOS (Be Credible Open & Secure) – первый в Китае консорциум блокчейнов, созданный с целью установления партнерских отношений и стимулирования сотрудничества между предприятиями. В 2022 г. сообщество FISCO BCOS объединило более 90 000 индивидуальных разработчиков, 4 000 компаний и учреждений для участия в построении индустрии блокчейнов⁵. Разработано более 300 цифровых приложений государственного управления, финансов, сельского хозяйства, социального обеспечения, развлечений, цепочки поставок и др.
- WeBASE (расширение прикладного программного обеспечения WeBank Blockchain) – соединяет приложения с инфраструктурой блокчейна.
- WeIdentity – безопасное и эффективное решение для аутентификации личности и совместной работы с данными на основе блокчейна.
- WeEvent – распределенная архитектура управления событиями для кросс-платформенных уведомлений, которые поддерживают модели совместного бизнеса.

За эти разработки WeBank попал в список лидеров рейтинга Forbes Blockchain 50 2022⁶. Данный рейтинг отмечает крупные корпорации, которые лидируют в использовании технологии распределенного реестра. В прошлом году WeBank предоставил технологию с открытым исходным кодом для зеленой экономики. Он призывает общественность сокращать выбросы углекислого газа и вознаграждает экологическую ответственность ваучерами и подарками.

⁵ FISCO BCOS. <http://www.fisco-bcos.org> (дата обращения: 17.08.2023).

⁶ WeBank Named to Forbes Blockchain 50 for the Second Year in a Row. <https://www.prnewswire.com/news-releases/webank-named-to-forbes-blockchain-50-for-the-second-year-in-a-row-301747434.html> (дата обращения: 11.08.2023).

Направление 3 – облачные вычисления. WeBank является первым в мире банком, который полностью развернул свои операции в облаке. Специалисты WeBank создали распределенную банковскую систему, способную обрабатывать большие объемы транзакций. Благодаря этому банк сэкономил значительные средства на покупку высокопроизводительных вычислительных ресурсов и лицензий на программное обеспечение. Платформа WeBank ежедневно обрабатывает более 300 тыс. пакетных заданий.

WeBank внедрил многие облачные технологии, включая Fintech Sandbox и WeCube. FinTech Sandbox – это виртуальная инновационная лаборатория (песочница), предназначенная для индивидуальных разработчиков, а также технологических организаций-партнеров. Она представляет собой испытательную площадку для создания, совместного использования, расширения и тестирования передовых финансовых технологий, бизнес-приложений и решений. Новаторы в области финтеха демонстрируют в ней свои прорывные бизнес-модели, которые затем могут быть проверены пользователями. Обычно модели включают виртуальный банкинг, финансирование цепочки поставок, мобильные платежи и др. WeCube решает задачи управления распределенной архитектурой с использованием интеллектуальных инструментов обслуживания для повышения эффективности платформ⁷.

Направление 4 – большие данные. В области больших данных WeBank использует WeDataSphere. Это платформа с возможностями вычислений, хранения и обмена данными, разработанная на основе различных компонентов с открытым исходным кодом. WeBank усовершенствовал модули для решения проблем финансовых приложений, связанных с безопасностью, производительностью, высокой доступностью и мониторингом.

Банк вкладывает большие средства в исследования и разработки. В 2022 г. WeBank продолжил инвестировать в такие технологии, как искусственный интеллект и блокчейн, и развивал сотрудничество со многими университетами. Расходы WeBank на НИОКР в 2022 г. составили 2,943 млрд юаней, что составляет 8,3% дохода банка. Это намного выше среднего уровня инвестиций в технологии по банковскому сектору (3%). Банк подавал заявки на 3 500 патентов, что является одним из лучших показателей в мировой банковской отрасли. В 2019 г. WeBank занял 1 место в рейтинге Global Banking Patents Rankings. Среди всех патентов, поданных WeBank в 2019 г. (632 патента), 80% были связаны с технологиями ABCD. Также WeBank создал продукт «Суда для

⁷ Prime Minister of the Republic of Singapore Intrigued by WeBank's Fintech-powered Services. (дата обращения: 7.06.2023).

науки и техники», специально предназначенный для микро-, малых и средних предприятий, внедряющих научно-технические инновации.

Будучи первым коммерческим банком, получившим национальную сертификацию высокотехнологичного предприятия в Китае, WeBank с момента своего основания поддерживает долю технического персонала выше 50%. Данные специалисты занимаются программированием, кодированием, проектированием архитектуры либо анализом данных. Большое внимание уделяется технологиям с открытым исходным кодом для максимального снижения стоимости транзакций. Как утверждает ИТ-директор цифрового банка Генри Ма: «WeBank – это не банк с технологическими преимуществами, а технологическая компания с банковской лицензией»⁸.

Бизнес-модель WeBank

Бизнес-модель WeBank имеет свои характерные особенности. Две социальные платформы – WeChat и QQ Tencent – обеспечили конкурентные преимущества для развития онлайн-бизнеса WeBank. У WeChat количество активных пользователей составило 1,3 млрд в месяц, а у QQ – 597 млн (по состоянию на март 2023 г.). Интеграция WeBank с социальными сетями Tencent дает WeBank доступ к потенциальным клиентам и данным, которые используются для оценки кредитного риска потенциальных заемщиков. Благодаря сочетанию данных и мобильных технологий WeBank предоставляет быстрые и легкодоступные услуги розничным потребителям и малым предприятиям, которые часто игнорируются другими банками Китая. С этой целью WeBank и Tencent совместно создали сервисы eKYC, основанные на технологии распознавания лиц.

Для оценки кредитоспособности клиентов WeBank использует альтернативные источники данных. Учитываются разнообразные операции потенциальных заемщиков, в числе которых арендная плата, платежи за коммунальные услуги, выплата налогов, покупки в Интернете и др. Специалисты цифрового банка построили модели, которые позволяют определять клиентов с самым высоким риском. WeBank установил более 100 000 параметров риска в разных сферах деятельности и разработал более 600 моделей риска⁹.

⁸ WeBank: The Most Advanced Digital Bank in the World. <https://thefinancialbrand-com/banking-podcasts/webank-digital-fintech-china-banking-transformed-podcast-henry-ma> (дата обращения: 12.06.2023).

⁹ 当好数字银行排头兵 打造商业可持续数字普惠金融路径 (Быть хорошим лидером цифрового банкинга, чтобы предложить инклюзивные финансовые услуги для бизнеса). <https://m-gxfin-com/article/finance/yh/default/2023-03-03/5949910.html> (дата обращения: 18.06.2023).

Встраивание финансовых продуктов в социальные платформы резко снижает стоимость привлечения клиентов для WeBank. WeBank также использует целевой маркетинг на основе анализа поведенческих и транзакционных данных для повышения конверсии. Благодаря онлайн-бизнес-модели сокращаются затраты на офисы и банкоматы. Процесс одобрения кредита полностью основан на искусственном интеллекте без участия человека. ИИ также используется для обслуживания клиентов. WeBank получает более миллиона запросов в день, и 98% из них обрабатывается чат-ботом (технология RPA).

Средняя стоимость обслуживания одного счета клиента WeBank в год составляет всего 3,6 юаней (0,5 долл. США) по сравнению с 20–100 юанями (3–15 долл. США) в год для традиционных банков. Собственная цифровая платформа, которую внедрил банк, обходится на 20–95% дешевле, чем традиционные банковские ИТ-решения. С момента запуска система WeBank работает в режиме 24x7 без перерывов и около половины кредитов выдается в нерабочее время¹⁰.

WeBank использует удаленные продажи, автоматизированные транзакции и исключительно онлайн-сервисы в качестве своей операционной модели. В настоящее время основные продукты WeBank включают потребительские кредиты для пользователей WeChat и кошельков QQ, платформенные финансовые продукты, запущенные в сотрудничестве с другими интернет-платформами, и продукты по управлению капиталом кооперативных финансовых учреждений через приложение WeBank.

WeBank проводит предварительный андеррайтинг потенциальных клиентов еще до подачи заявки на кредит. Этот процесс дает первую оценку кредитоспособности потенциальных клиентов. В зависимости от полученных результатов клиенту предлагаются варианты финансовых продуктов. Если потенциальный клиент решает подать заявку на получение кредита, о заявителе собирается больше данных с других технических платформ, и эта информация используется для создания вычислительной модели ИИ для достижения точного показателя кредитоспособности заявителя.

Первым продуктом, который WeBank запустил в 2015 г., был возобновляемый потребительский микрокредит на платформе *Weiwedai*. Это первый кредитный продукт в Китае, при котором весь процесс от подачи заявки до выдачи кредита реализуется в режиме онлайн. Клиентам нужно только ввести свое имя, идентификационный номер и номер телефона для получения кредитной линии –

¹⁰ 微众银行，腾讯牵头发起，金融机构与互联网平台的连接者 (WeBank, возглавляемый Tencent, это связующее звено между финансовыми учреждениями и интернет-платформами). <https://www-weiyangx-com/261098.html> (дата обращения: 09.06.2023).

без залога, гарантий, бумажных документов, комиссий за обработку и посредничество.

Кредитные продукты подразделяются на три вида: «Микрофинансирование», «Микрокредит на покупку автомобиля» и «Микрокредиты для домашних хозяйств». Продукт «Микрофинансирование» позволяет занять до 200 тыс. юаней. По состоянию на конец 2022 г. такой кредит получили более 60 млн заемщиков. «Микрокредиты для домашних хозяйств» предоставляют клиентам возможность брать кредит на сумму до 500 тыс. юаней для предпринимательской деятельности. В 2022 г. этой услугой воспользовались более 300 тыс. заемщиков. «Микрокредит на покупку автомобиля» банк предоставляет покупателям транспортных средств. В 2022 г. данный продукт был нацелен на развитие «зеленого» финансирования, продвижение кредитования новых энергетических транспортных средств и сотрудничество с Tesla, Ideal и Smart. Банк наладил общее кредитное сотрудничество с более чем с 30 автопроизводителями, охватывающее свыше 6 400 магазинов по всей стране.

Платформа Weiweidai содействует возрождению сельских районов и ускорению модернизации сельского хозяйства. Она реализует проекты по предоставлению микрокредитов в отдельных регионах, а налоги платятся в местные бюджеты. Банк оказывает поддержку фермерам для развития сельского хозяйства с использованием местного сырья, что способствует реализации стратегии устойчивого развития.

Платформа Weiweidai быстро стала популярной после своего запуска, что способствовало стремительному росту производительности компании. В настоящее время она охватывает около 600 городов в 31 провинции. Клиенты, подающие заявку на одобрение кредита, могут получить результат менее чем за 5 секунд, а зачисление средств на счет займет менее одной минуты. Сегодня WeBank может обслуживать 200 малых предприятий в минуту. Ежедневная процентная ставка по кредиту составляет от 0,02% до 0,05%. За пользование кредитом платятся проценты – никакой другой платы не взимается¹¹.

В 2015 г. WeBank запустил собственное приложение, которое предлагает депозиты, инвестиции и услуги по управлению активами. В 2019 г. WeBank также начал выдавать кредиты через видеоприложение Tencent. Приложение имеет дружественный интерфейс и понятные настройки на панели, которая содержит три раздела: «Счет», «Богатство», «Капитал». После завершения входа в систему WeBank запоминает имя и затем поддерживает быстрый вход через пароли или отпечатки паль-

¹¹ 微粒贷 (Микрозайм). <https://baike-baidu-com/item/%E5%BE%AE%E7%B2%92%E8%B4%B7/17576220> (дата обращения: 15.06.2023).

цев в зависимости от выбора клиента. Онлайн-обслуживание клиентов оснащено списком часто задаваемых вопросов.

В интерфейсе «Богатство» настройки четко классифицированы, включают банковские депозиты, управление капиталом, фонды, страхование и другие продукты. В приложении WeBank есть депозитные сертификаты, смарт-депозиты и срочные депозиты. Срочные депозиты начинаются от 50 юаней, проценты рассчитываются в прилагаемом файле. Смарт-депозиты также начинаются от 50 юаней, но имеют многоуровневую и дифференцированную систему процентных ставок, их можно вносить и снимать в любое время. Депозитные сертификаты предполагают внесение более крупной суммы (от 200 000 юаней), проценты выплачиваются каждый месяц¹².

Таким образом, основная стратегия роста, которую использовал WeBank, – внедрение финансовых услуг на технологических платформах с высоким трафиком и вовлеченностью. Предварительный андеррайтинг и одобрение кредита на основе модели искусственного интеллекта обеспечивают молниеносное исполнение заявок.

Клиентами WeBank часто становятся социально уязвимые категории населения. Это люди, которые не имеют постоянной работы, молодые специалисты, мигранты, пенсионеры, матери-одиночки, малообеспеченные граждане и др. У этих людей мало шансов получить кредиты в традиционных банках, что ограничивает их доступ к финансовым услугам. WeBank создал адаптированные для этих категорий клиентов финансовые продукты: краткосрочные кредиты, платежи на основе приложений, варианты недорогих цифровых инвестиций и др. Также клиентами WeBank являются предприятия малого бизнеса без кредитной истории, стартапы и др. Для каждого сегмента заемщиков есть комфортные кредитные предложения.

WeBank уделяет пристальное внимание потребностям особых групп клиентов и использует технологии для предоставления удобных финансовых услуг для лиц с ограниченными возможностями. Банк выпустил приложение WeBank 4.0, которое поддерживает безбарьерные информационные сервисы. В систему встроены жестовые взаимодействия для слабослышащих людей, а также голосовые подсказки на экране для клиентов с ослабленным зрением, с целью беспрепятственного предоставления услуг, включая открытие счета, перевод средств, инвестиции и др.

В 2016 г. была создана служба поддержки клиентов, состоящая из профессиональных специалистов по языку жестов, для клиентов с нарушениями слуха и речи. Они проверяют идентификацию клиен-

¹² 微众银行产品体系完善用户体验好 (Продуктовая система WeBank). <https://finance.sina.cn/zg/2019-08-29/zg-ihyctitn2744880.d.html?vt=4> (дата обращения: 5.07.2023).

тов и подтверждают их намерение заимствовать с помощью удаленного видео на языке жестов, а также помогают совершать желаемые финансовые операции. Большинство таких клиентов прислали банку благодарственные письма. WeBank также запустил версию приложения для пожилых клиентов, чтобы соответствовать их пользовательским предпочтениям¹³.

Платформенный бизнес WeBank

WeBank формирует модель рыночных связей между заемщиками и различными организациями через интернет-платформы. Помимо использования собственных средств WeBank привлекает ресурсы кооперативных банков для совместного финансирования кредитополучателей и выплачивает им часть процентных доходов. В настоящее время WeBank сотрудничает с более чем с 55 банками для ведения совместного кредитного бизнеса. Этот метод позволяет WeBank преодолеть трудности, связанные с нехваткой капитала.

По такой же схеме строятся взаимоотношения с другими участниками финансового рынка. WeBank предоставляет каналы консигнации для фондов, страховых компаний и других организаций. Через платформу WeBank продает клиентам продукты для управления активами, страховые полисы и др. Затем две стороны делят доход от продаж. Такая модель особенно выгодна для компаний со слабым техническим оснащением. WeBank использует собственные технические преимущества, такие как сервисы SaaS WePower для интеграции предприятий, удаленную аутентификацию личности, роботизированное обслуживание клиентов и др.

WeBank использует три типа платформ для сотрудничества. В частности, он работает с *кредитными платформами* с целью разработки целевых финансовых продуктов в соответствии с потребностями клиентов. Клиенты платформы инициируют заявки на кредит через портал программного обеспечения партнеров. В этом процессе совместная интернет-платформа делится данными и каналами сбыта с WeBank, а WeBank предоставляет клиентам различные услуги.

WeBank также сотрудничает с *платформами электронной коммерции* в Интернете, чтобы встроить банковские кредитные продукты в сценарии совместного потребления. Первым продуктом стал «Half Pay» для подержанных автомобилей, запущенный совместно WeBank и торговой компанией Uxin. «Half Pay» – это потребительский кредит на транспортное средство, адаптированный для покупателей плат-

¹³ 微众银行微粒贷无障碍化改造项 (Проект безбарьерной трансформации WeBank). <https://w.webank.com/mbwebsite/manuscript/mediaNews1.html> (дата обращения: 5.07.2023).

формы Uxin Used Car. Клиенты покупают автомобили на платформе Uxin Used Car и вносят первоначальный взнос в размере 30–50% от общей стоимости машины в соответствии с результатами их кредитной проверки. Срок погашения 2–3 года. По истечении срока действия договора покупатель автомобиля может приобрести его в собственность, но может не платить остаток и вернуть транспортное средство продавцу.

WeBank развивает сотрудничество и с платформами по управлению капиталом. Банк предлагает брокерские услуги, страхование и другие виды финансовых услуг. Он сотрудничает с 57 фондами, 19 компаниями по управлению активами банков, 8 трастовыми компаниями, 9 страховыми компаниями и другими финансовыми учреждениями, предлагая более 1 700 продуктов с различными финансовыми условиями¹⁴. Для полного удовлетворения потребностей клиентов предлагается ряд дополнительных услуг, включая услуги по планированию пожертвованных средств, бонусные баллы и др.

WeBank активно поддерживает стратегию партнерства с другими организациями, в числе которых университеты, промышленные компании, фонды и другие заинтересованные организации (см. табл. 2).

Таблица 2

Стратегические партнеры WeBank (выборочно)

Партнеры	Стратегия сотрудничества
Tencent Cloud	Совместно разрабатывают отраслевые стандарты и создают коммерческие приложения. Создали лабораторию инноваций Fintech
Институт искусственного интеллекта Mila-Quebec	Сотрудничество между организациями в области искусственного интеллекта
Китайский фонд развития слуховой медицины	Создание безбарьерной среды для лиц с нарушениями слуха
Гонконгский университет науки и технологий	Открытие совместной банковской лаборатории и исследовательских центров
Университет Шэньчжэня	Создание первого института финансовых технологий в Китае
Научно-исследовательский институт цифровых валют Народного банка Китая	Запуск сети трансграничных платежей на основе блокчейна (B-Cross)
China Mobile	Программы рассрочки на приобретение мобильных телефонов

¹⁴ 微众银行 (WeBank). <https://www.webank.com> (дата обращения: 15.08.2023).

Партнеры	Стратегия сотрудничества
Ziroom Apartment, Danke Apartment	Совместные программы по приобретению квартир
Uxin, Meili Auto Finance, Cango, Tesla, Ideal, Smart, АИТО	Программы рассрочки на приобретение автомобилей
Zhaopin	Сотрудничество в области кадровых услуг для микро-, малых и средних предприятий: найм талантливой молодежи, обучение в сфере цифровых технологий и др.
People's Daily Online	Открытие выставочного центра инклюзивных финансов: 3D-анимация, мультимедийные спецэффекты, передовые технологии, высококачественный профессиональный контент в иммерсивном пространстве, многогранные экраны и др.

Источник: составлено автором по: <https://www.webbank.com/business-brand-partners> (WebBank Brand Partners. <https://www.webbank.com/business-brand-partners> (дата обращения: 15.08.2023).

Кросс-функциональная командная работа сотрудников WeBank

WeBank поддерживает организационную структуру, которая позволяет избежать сложных уровней управления и дублирования функций между отделами. Банк фокусируется на кросс-функциональной командной работе с целью построения эффективного цикла разработки продуктов, когда сотрудники из разных функциональных подразделений объединяются для решения конкретной задачи.

Условия работы, которые предоставляет WeBank для своих сотрудников:

1. *Безопасность*: сотрудники проходят через экраны распознавания лиц при входе в помещения. Если проникает посторонний или неизвестный человек, камеры видеонаблюдения распознают лицо и подают сигнал тревоги.

2. *Возможности карьерного роста*: WeBank уделяет большое внимание развитию навыков с помощью персонализированных образовательных программ. Он сотрудничает с известными университетами для обучения своих сотрудников, в том числе и навыкам лидерства. В 2022 г. было проведено более 480 обучающих семинаров и запущено более 150 онлайн-курсов.

3. *Высокотехнологичная рабочая среда*: на стенах банка расположены компьютерные мониторы, отображающие важную информацию в режиме реального времени: количество заявок на открытие счета, процент одобренных кредитов, денежные потоки и др. Таким образом стены отображают высокотехнологичную экосистему WeBank.

4. *Благоприятная экологичная среда*. Новая штаб-квартира WeBank включает в себя удобные рабочие пространства, террасы и пышные сады для создания здоровой, благоприятной рабочей атмосферы.

5. *Поддержка искусственного интеллекта*: WeBank не имеет физических филиалов. Боты обрабатывают практически все (98%) запросы и жалобы клиентов, что значительно облегчает работу сотрудников.

6. *Высокая социальная ответственность и широкие каналы коммуникации*. В банке созданы платформы для общения сотрудников и обмена мнениями. Сформирована горячая линия для профессиональных медицинских консультаций и психологической помощи.

Обеспечение кибербезопасности

WeBank проводит активную работу по борьбе с киберпреступностью, формирует многоканальную систему предотвращения мошенничества, повышает эффективность борьбы за счет совместного контроля со стороны полиции и предприятий. WeBank создал систему обеспечения сетевой безопасности и систему защиты данных, внедрил комплексные меры обнаружения злоумышленников и устранения угроз безопасности. В банке создан центр экстренного реагирования на киберугрозы и инциденты.

В приложении WeBank во время проверки предложено несколько методов идентификации пользователей. Среди них проверка лица является наиболее безопасным методом. WeBank и Youtu, первоклассная команда по исследованиям и разработкам в области машинного обучения под управлением Tencent, объединились для создания режима жесткой проверки. Она включает в себя не только сканирование лица в нескольких точках, но и сравнительный анализ на основе базы данных высокого разрешения отдела безопасности. Такая система удаленной проверки позволяет эффективно защищаться от подделок с помощью фото, видео и даже 3D-масок.

Благодаря этой системе вероятность «ошибочной идентификации» значительно снижается до 1 случая на 10 000. В настоящее время в приложении WeBank такой усиленный контроль распознавания лица в основном используется для рискованных операций, таких как открытие счета, изменение номера мобильного телефона, сброс пароля транзакции, привязка банковских карт других банков и др. Для проверки используются также и биометрические методы, такие как отпе-

чатки пальцев и жестовые пароли¹⁵. Кроме того, WeBank сотрудничает с партнерами для подавления кибератак в магазинах приложений и поисковых платформах.

WeBank проводит периодические собственные исследования поведения пользователей, которое оценивается по четырем аспектам: сбережения, расходы, кредитование и страхование. Такого рода опросы позволяют отслеживать тенденции изменения финансовых предпочтений потребителей и своевременно на них реагировать, модернизируя финансовые продукты.

Устойчивая инклюзивная финансовая модель, разработанная WeBank, получила широкое признание во всем мире. Делегации стран – партнеров Китая в союзе БРИКС неоднократно посещали страну с целью имплементации китайского опыта. Страны ЕАЭС могли бы использовать уникальный опыт WeBank в построении независимой от зарубежных поставщиков распределенной архитектуры банка и по внедрению технологических финансовых инноваций.

Выводы

1. Цифровым банкам для инклюзивного финансирования нелегко добиться прибыльности, так как эти организации обычно сосредоточиваются на модели масштабирования с применением минимальных комиссий для наращивания клиентской базы. Однако созданный в 2014 г. первый цифровой банк Китая – WeBank – всего за два года смог выйти на прибыльную работу. Основное конкурентное преимущество WeBank заключается в его связи с платформами учредителя – холдинга Tencent. Используя масштаб приложений WeChat и QQ, небанк смог быстро привлечь клиентов и нарастить объемы финансовых услуг. Создание такой модели цифрового банка с использованием потенциала социальных сетей имеет большие перспективы на пространстве ЕАЭС.

2. WeBank стал крупнейшим цифровым банком в мире, использующим технологии «ABCD» (искусственный интеллект, блокчейн, облачные технологии и большие данные) для предоставления финансовых услуг. WeBank предлагает множество современных сервисов через архитектуру банковской платформы, которая включает в себя облако, базы данных с открытым исходным кодом, мощную встроенную аналитику и др. В распределенной системе работает более 20 000 отдельных серверов, которые заменяют друг друга в случае сбоя про-

¹⁵ 讲安全, 微众银行是认真的 (Когда дело доходит до безопасности, WeBank серьезен). https://finance-ce-cn /rolling/201701/12/t20170112_19564806.shtml (дата обращения: 17.08.2023).

грамм, что обеспечивает стабильность и надежность работы банка. Такой подход позволяет цифровому банку повысить операционную эффективность, сократить расходы и ускорить масштабирование.

3. Затраты являются ключевым фактором, определяющим успех цифрового банка. В отличие от обычных банков, использующих архитектуру сервисов IBM, Oracle и EMC (IOE), базовая система WeBank построена в новой распределенной архитектуре. WeBank предоставляет инновационные интернет-услуги в облаке, в результате чего затраты на управление счетом снизились на 80%, а энергопотребление – на 25%. Традиционные банки вынуждены вкладывать значительные средства в создание собственных центров обработки информации. Облачный центр обработки данных Tencent Cloud предоставляет услуги WeBank в режиме оплаты по мере использования. Как показала многолетняя практика, он может без сбоев обслуживать сотни миллионов пользователей. Такая распределенная базовая система обеспечивает высокую производительность при низких затратах, способствует оцифровке финансовых услуг.

4. Китайский WeBank изначально был нацелен на предоставление качественных инклюзивных финансовых услуг и выполнение социальной миссии. Основными клиентами цифрового банка являются социально уязвимые категории населения и представители малого и среднего предпринимательства. Типичными заемщиками WeBank являются фирмы, в которых работает около 10 человек. Значительное количество компаний-заявителей не имеют кредитной истории и получают свой первый кредит в WeBank. Комфортные условия в банке созданы и для лиц с ограниченными возможностями. Все эти сегменты клиентов часто не попадают в сферу внимания традиционных банков, но имеют большой потенциал для наращивания клиентской базы. Такой подход мог бы быть использован и в странах ЕАЭС для стимулирования предпринимательства и выполнения задач устойчивого развития.

5. Продуктовая линейка WeBank базируется на небольших и недорогих микрокредитах. Это позволяет банку зарабатывать прибыль за счет высокого спроса и роста клиентской базы. Сокращение расходов достигается за счет экономии затрат на привлечение клиентов, офисную инфраструктуру и персонал по обслуживанию заемщиков. WeBank в значительной степени автоматизировал процессы оценки и выдачи кредитов, мониторинга рисков и обслуживания клиентов. В то же время банк несет значительные затраты на финансовые инновации и ИТ-специалистов с целью повышения производительности труда. Ежегодно банк инвестирует около 10% годового дохода в разработку передовых технологий, что впоследствии окупается. Так, с внедренной технологией RPA один человек может выполнить тот же объем работы, что ранее выполняли несколько десятков сотрудников.

Происходит своеобразный процесс перетока рабочей силы в сферу цифровых финансовых технологий, что повышает эффективность работы банка.

6. Для успешного функционирования в индустрии онлайн-кредитования важным аспектом является управление цифровыми рисками. Помимо использования традиционной информации о заемщиках WeBank собирает социальные, транзакционные и поведенческие данные на платформах Tencent для моделирования оценки кредитоспособности клиентов. WeBank использует различные алгоритмы, системы показателей и внутренние рейтинги, методы логистической регрессии и машинного обучения для создания серии цифровых моделей управления финансовыми рисками. В итоге формируется база данных клиентов с высоким риском. В результате такого подхода доля необслуживаемых кредитов WeBank ниже среднего показателя по отрасли.

7. Развитие цифровых банков невозможно без соблюдения мер по кибербезопасности и обеспечения конфиденциальности данных. Все финансовые услуги требуют проверки личности по данным пользователей. Это основной фактор, сдерживающий перенос банковского бизнеса в сферу онлайн. WeBank тесно сотрудничает с Tencent в области удаленной биометрической идентификации. Благодаря ведущей в мире технологии распознавания лиц соблюдается высокая точность определения клиентов при удаленной проверке личности. WeBank имеет многоуровневую систему защиты от кибератак, которая позволяет быстро пресечь поведение злоумышленников и отсеивать атакующий трафик. Такой подход позволяет клиентам WeBank пользоваться безопасными финансовыми услугами.

8. Партнерские отношения особенно важны для необанков в плане масштабирования их операций. WeBank формирует экосистему партнерства заинтересованных сторон, занимающихся реализацией проектов с соблюдением экологических, социальных и управленческих стандартов (ESG), при участии правительства, бизнес-сообщества и широкой общественности. WeBank постоянно расширяет программы сотрудничества с кредитными платформами, площадками электронной коммерции и автоматизированными информационными системами по управлению капиталом. Объединение ресурсов с кооперативными банками позволяет увеличивать объем средств для последующих финансовых операций и получать существенную прибыль. Разработанные совместно с другими предприятиями приложения экосистемы с открытым исходным кодом WeBank Blockchain помогают стимулировать цифровизацию промышленности, служат развитию реальной экономики и способствуют реализации стратегии устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sarma M.* Index of financial inclusion – A measure of financial sector inclusiveness // Berlin Working Papers on Money, Finance, Trade and Development. 2012. No. 07.
2. *Beck T., Lin C., Ma Y.* Why do firms evade taxes? The role of information sharing and financial sector outreach // The Journal of Finance. 2014. № 69. Pp. 763–817.
3. *Kasperczyk M., Schnabl P.* How Safe are Money Market Funds? // The Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 128. Iss. 3. Pp. 1073–1122.
4. *Zogning F.* Financial inclusion, inclusive entrepreneurship, and alternative financing options // Journal of Small Business & Entrepreneurship. 2023. Vol. 35. Iss. 1. Pp. 8–13.
5. *Trung D., Quynh L.* The effect of financial inclusion on bank stability: Evidence from ASEAN // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 1–14.
6. *Ahamed M., Ho S., Mallick S., Matousek R.* Inclusive banking, financial regulation and bank performance: Cross-country evidence // Journal of Banking & Finance. 2021. Vol. 124(1). Pp. 1–50.
7. *Hasanul B., M Kabir H., Hassan B.* Bank Efficiency and Fintech-based Inclusive Finance: Evidence from Dual Banking System // Journal of Islamic Monetary Economics and Finance. 2023. Vol. 9. Pp. 1–16.
8. *Dupas P., Robinson J.* Savings constraints and microenterprise development: Evidence from a field experiment in Kenya // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 5(1). Pp. 163–192.
9. *Brune L. Giné X., Goldberg J., Yang D.* Commitments to save: A field experiment in rural Malawi // Policy Research Working Paper 5748, The World Bank, 2017.
10. *Brickley J., Linck J., Smith Jr.* Boundaries of the firm: evidence from the banking industry // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 70. Iss. 3. Pp. 351–383.
11. *Аббасов А.М., Мамедов З.Ф., Алиев С.А.* Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы. Экономика и управление. 2019. № 6. С. 81–89.
12. *Власова Ю.А., Герзелиева Ж.И.* Блокчейн-технологии в банковском бизнесе: направления развития // Банковское дело. 2023. № 4. С. 48–55.
13. *Иванов В.В., Левин М.П.* Цифровая трансформация управления банковской организацией для формирования продуктовых линеек // Банковские услуги. 2023. № 3. С. 33–38.
14. *Магомаева Л.Р., Разина О.М.* Анализ основных направлений развития цифровых технологий в банковской системе // Банковские услуги. 2023. № 2. С. 2–9.
15. *Windasari N., Kusumawati N., Larasati N., Amelia R.* Digital-only banking experience: Insights from gen Y and gen Z // Journal of Innovation & Knowledge. 2022. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 1–10.
16. *Liu Y., Fan T., Chen T., Xu Q., Yang Q.* FATE: An industrial grade platform for collaborative learning with data protection // Journal of Machine Learning Research. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 10320–10325.

REFERENCES

1. *Sarma M.* Index of financial inclusion – A measure of financial sector inclusiveness // Berlin Working Papers on Money, Finance, Trade and Development. 2012. No. 07.
2. *Beck T., Lin C., Ma Y.* Why do firms evade taxes? The role of information sharing and financial sector outreach // The Journal of Finance. 2014. № 69. Pp. 763–817.
3. *Kacperczyk M., Schnabl, P.* How Safe are Money Market Funds? // The Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 128. Iss. 3. Pp.1073–1122.
4. *Zogning F.* Financial inclusion, inclusive entrepreneurship, and alternative financing options // Journal of Small Business & Entrepreneurship. 2023. Vol. 35. Iss. 1. Pp. 8–13.
5. *Trung D., Quynh L.* The effect of financial inclusion on bank stability: Evidence from ASEAN // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 1–14.
6. *Ahamed M., Ho S., Mallick S., Matousek R.* Inclusive banking, financial regulation and bank performance: Cross-country evidence // Journal of Banking & Finance. 2021. Vol. 124(1). Pp. 1–50.
7. *Hasanul B., M Kabir H., Hassan B.* Bank Efficiency and Fintech-based Inclusive Finance: Evidence from Dual Banking System // Journal of Islamic Monetary Economics and Finance. 2023. Vol. 9. Pp. 1–16.
8. *Dupas P., Robinson J.* Savings constraints and microenterprise development: Evidence from a field experiment in Kenya // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 5(1). Pp. 163–192.
9. *Brune L. Giné X., Goldberg J., Yang D.* Commitments to save: A field experiment in rural Malawi // Policy Research Working Paper 5748, The World Bank, 2017.
10. *Brickley J., Linck J., Smith Jr.* Boundaries of the firm: evidence from the banking industry // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 70. Iss. 3. Pp. 351–383.
11. *Abbasov A.M., Mamedov Z.F., Aliiev S.A.* Digitalization of the Banking Sector: New Challenges and Prospects // Economics and Management. 2019. № 6. Pp. 81–89. (In Russ.)
12. *Vlasova Y.A., Gerzelieva Zh.I.* Blockchain technologies in banking business: directions of development // Banking. 2023. No. 4. Pp. 48–55 (In Russ.).
13. *Ivanov V.V., Levin M.P.* Digital transformation of management of a banking organization for the formation of product lines // Banking services. 2023. No. 3. Pp. 33–38 (In Russ.).
14. *Magomaeva L.R., Razina O.M.* Analysis of the main directions of development of digital technologies in the banking system // Banking services. 2023. No. 2. Pp. 2–9 (In Russ.).
15. *Windasari N., Kusumawati N., Larasati N., Amelia R.* Digital-only banking experience: Insights from gen Y and gen Z // Journal of Innovation & Knowledge. 2022. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 1–10.
16. *Liu Y., Fan T., Chen T., Xu Q., Yang Q.* FATE: An industrial grade platform for collaborative learning with data protection // Journal of Machine Learning Research. Vol. 22. Iss. 1. P. 10320–10325.

Дата поступления рукописи: 31.08.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попкова Анна Станиславовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом мониторинга социально-экономического развития Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь
Levsann@tut.by

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Popkova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department for Monitoring of Socio-Economic Development, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Levsann@tut.by

DIGITAL FINANCIAL INCLUSION BANK: CHINA'S EXPERIENCE

The article discusses the experience of WeBank, China's digital financial inclusion bank recognized as the best digital bank in the world. The indicators of WeBank's successful activity over the past five years are analyzed. It is revealed that the main clients of WeBank are socially vulnerable groups, small and medium-sized enterprises. The main success factors of WeBank have been identified and studied. They include digital innovation in customer service, development of the platform business model, social media integration, significant cost reduction, quick and affordable credit products, enhanced security measures, cross-functional teamwork of employees, and regular research into user behavior. It is proposed to implement the Chinese digital banking experience in the Eurasian Economic Union member states.

Keywords: *digital bank, inclusive financing, digital financial technologies.*

JEL: E51, G21, M14, L31.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.Ю. ЧЕРНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

А.Г. ПЫЛИН

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Использование санкционной политики в конкурентной борьбе за рынки сбыта, а также в качестве рычага для давления на правительства стран, подпавших под санкции, явилось стимулом для развития торговли России с дружественными и нейтральными странами, к перенаправлению торговых потоков по новым логистическим маршрутам и формированию новых цепочек поставок. В статье рассматривается влияние западных санкций на экономику стран Центральной Азии и на их интеграционные взаимодействия с Россией. Резкое снижение объемов экспорта из стран Запада в Россию сопровождается существенным ростом экспорта из этих государств в страны Центральной Азии, что особенно заметно в отношении подсанкционных товаров. Сохранение нейтрального статуса в санкционной войне США и их союзников против России позволило странам Центральной Азии существенно улучшить свои макроэкономические показатели, нарастив товарооборот с Россией, в том числе за счет посреднической торговли. Несмотря на риторику официальных лиц о соблюдении санкционного режима, страны Центральной Азии стали выполнять функции транзитных операторов между Россией и третьими странами, а также оказывать существенную помощь российской экономике в преодолении негативных последствий введения санкций. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что антироссийские санкции побуждают Россию и страны Центральной Азии находить новые пути развития региональной неформальной интеграции в целях решения ключевых проблем экономического развития, что не исключает позиции этих стран следовать своим национальным интересам.

Ключевые слова: *страны Центральной Азии, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Россия, санкции, экономический рост, посредническая торговля, параллельный импорт, торговые потоки, транспортно-логистические маршруты.*

УДК: 339.9

EDN: HGLFKY

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_136_151

Введение

США и страны Запада открыто заявили о своих целях уменьшить зависимость экономик стран Центральной Азии от России и полностью отделить данный регион от торгово-экономических отношений с РФ. За последние три десятилетия США предоставили Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану более 9 млрд долл. в виде прямой помощи¹, что свидетельствует об усилении соперничества Запада с Россией и Китаем в Центрально-Азиатском регионе.

За отказ от сотрудничества с Россией странам Центральной Азии будут направлены через USAID около 200 млн долл. в дополнение к обещанным ранее 25 млн долл.², что представляет собой «лишь верхушку айсберга финансовой помощи США региону»³.

Страны Центральной Азии всегда играли важную роль во внешнеэкономических связях, а также в вопросах безопасности России. Сохранившиеся тесные экономические связи этих стран с Россией предопределили их нейтралитет в санкционной войне Запада против Российской Федерации [1]. Нейтральная позиция стран Центральной Азии по отношению к антироссийским санкциям оказала существенное влияние на экономический рост этих стран в 2022 г., в немалой степени за счет оказания ими посреднических услуг в торговле России с третьими странами. Хотя все страны в большей или меньшей степени ощутили влияние антироссийских санкций на свои экономики и находятся под угрозой введения вторичных санкций, что вынуждает их проводить осторожную и взвешенную внешнеэкономическую политику и соблюдать баланс, они наращивают и интенсифицируют торгово-экономические отношения с Российской Федерацией, способствуя развитию региональной интеграции.

Целью настоящей статьи являются анализ влияния геополитической борьбы на экономический курс стран Центральной Азии и оценка их роли в преодолении негативного влияния санкций на экономику России.

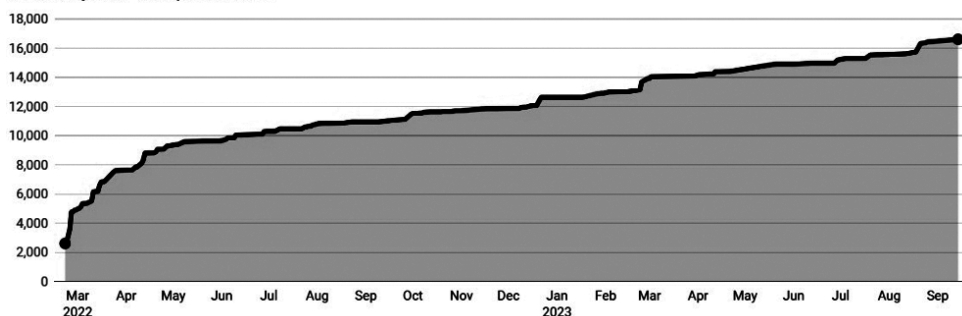
¹ United States wants to step up its rivalry with China and Russia for geopolitical sway in Central Asia. <https://www.newscentralasia.net/2022/09/16/united-states-wants-to-step-up-its-rivalry-with-china-and-russia-for-geopolitical-sway-in-central-asia/>

² US strives to tune up Central Asia for anti-Russian sanctions. <https://www.newscentralasia.net/2022/09/30/us-strives-to-tune-up-central-asia-for-anti-russian-sanctions/>

³ Hoagland R.E. Commentary: U.S. Policy in Central Asia Needs to Be Visible. <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/commentary-us-policy-in-central-asia-needs-to-be-visible>

Санкции как инструмент геополитической борьбы

В основе санкционной политики западных стран в отношении России лежит целевая установка на ослабление, вплоть до полного разрушения российской экономики, на политическое сдерживание развития Российской Федерации и смену не только ее внешней, но и внутренней политики [2]. Санкции против России ввели правительства 38 развитых стран и их союзников. Санкционное давление на российскую экономику нарастает с февраля 2022 г. Так, за период с 22 февраля 2022 г. по 18 сентября 2023 г. западными странами было введено около 15,2 тыс. антироссийских санкций (см. рис. 1), а их общее количество составляет 17,9 тыс., что значительно больше числа санкционных ограничений против других стран.

Примечание. Включает санкции Австралии, Канады, ЕС, Франции, Швейцарии, Великобритании и США.

Источник: составлено авторами по: данные Castellum.AI.

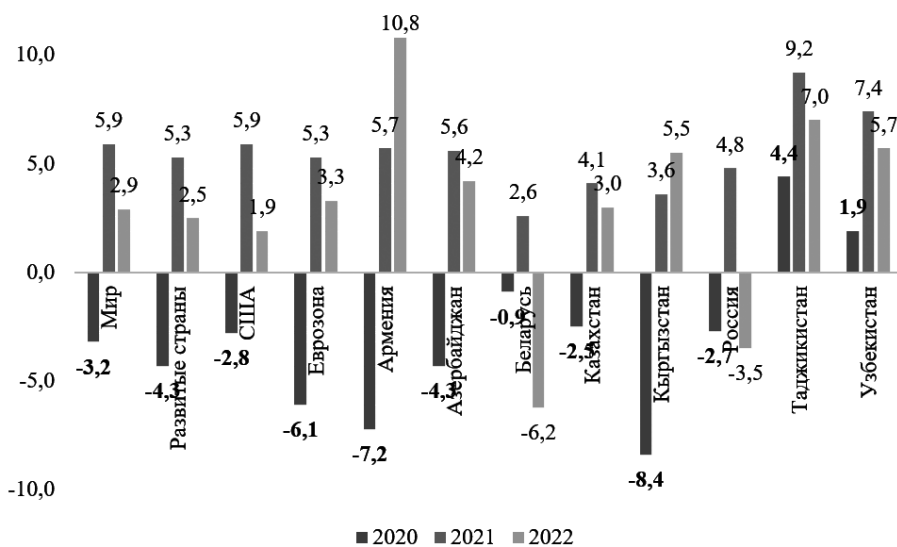
Рис. 1. Динамика общего количества санкций против России с 22 февраля 2022 г. по 18 сентября 2023 г.

В отличие от других подсанкционных стран (Иран, Сирия, Северная Корея, Беларусь, Венесуэла, Мьянма), Россия существенно отличается размерами своей экономики и масштабами присутствия на мировых товарных рынках, являясь 11-й по величине экономикой мира и крупнейшим экспортером топливно-сырьевых товаров. Российская экономика гораздо более интегрирована в мировую, и среди стран с развитой экономикой только США, Канада и Австралия занимают сопоставимое место на мировых рынках энергетики, сельского хозяйства и металлов⁴, в результате чего антироссийские санкции имеют гораздо больший глобальный экономический эффект.

⁴ Mulder N. The Sanctions Weapon. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/the-sanctions-weapon-mulder>

Анализ экономического развития стран Центральной Азии в 2022–2023 гг.

Тесные торгово-экономические и миграционные связи стран Центральной Азии с Россией во многом предопределили их отношение к антироссийским санкциям [1]. Так, к середине октября 2023 г. ни одна из этих стран не присоединилась к санкционной политике Запада. Более того, нейтральный статус позволил им получать значительные экономические выгоды от сотрудничества с Россией. Экономический рост в странах Центральной Азии в 2022 г. существенно превысил не только среднемировые показатели, но и темпы роста развитых стран (см. рис. 2).

Источник: составлено авторами по: [3].

Рис. 2. Темп прироста ВВП стран СНГ, в % к предыдущему году

Значимым источником денежных доходов этих стран стала посредническая торговля, особенно во II полугодии 2022 г., когда сформировались новые цепочки поставок. Наибольший прирост стоимостных объемов товарного экспорта в РФ отмечался в Кыргызстане и Узбекистане. Так, по итогам 2022 г. кыргызстанский экспорт в Россию достиг рекордные 964 млн долл., что в 2,3 раза превысило аналогичные показатели предыдущего года⁵. В то же время экспорт из Узбекистана в Россию вырос на 48,4% и достиг 3,1 млрд долл.⁶

⁵ Расчеты по данным ITC Trade Map // <https://www.trademap.org>

⁶ Расчеты по данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан.

Кроме того, росту ВВП способствовал приток капитала и рабочей силы из России (особенно в Казахстан), рост денежных переводов из России, где работает большое количество трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а также продажа собственных товаров (нефти и газа), спрос на которые резко возрос после снижения поставок энергоносителей из России.

По данным Oxford Economics, в сентябре 2022 г. в Казахстан уехали около 200 тыс. россиян. Объем средств на банковских депозитах граждан РФ в Казахстане за год вырос более чем в четыре раза и составил 1,4 млрд долл.⁷

Релокация российских, белорусских и украинских граждан в страны ЦА и перевод туда своего бизнеса стимулируют деловую активность в Центрально-Азиатском регионе и способствуют росту экономики стран ЦА.

Дополнительным драйвером роста экономик стран ЦА стал туризм. Это способствовало развитию гостиничного бизнеса и всей сферы гостеприимства и общественного питания⁸.

В 2023 г. в странах ЦА ожидается умеренное замедление экономического роста по мере постепенной нормализации миграции, притока финансовых средств и торговли с Россией. При этом высокие показатели транзитной торговли, иммиграции и туризма продолжают способствовать экономическому росту в регионе⁹.

Республика Казахстан

Прирост реального ВВП Казахстана в 2022 г., обеспеченный положительной динамикой развития реального сектора экономики, составил 3,2% за счет строительства, сельского хозяйства, информации и связи, торговли, транспорта и складирования, обрабатывающей промышленности. Во всех отраслях отмечен рост инвестиций в основной капитал.

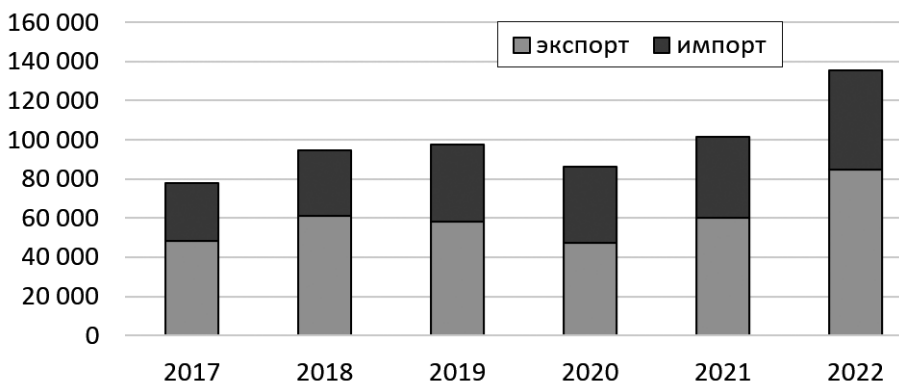
В то же время релокация бизнеса российских компаний, а также иностранных компаний из России, на практике не приняла ожидаемого массового характера и демонстрирует скромный количественный и качественный результат. Многие компании ограничились переносом представительства, офиса или только части производственных мощностей, выпускающих продукцию для экспорта в западные страны.

⁷ Деготькова И., Гальчева А., Ткачев И. Релокация в пользу бедных. <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/11/02/636100019a79475298d4b97b>

⁸ Usov A. Central Asia shows strong resilience to geopolitical turmoil. <https://www.ebrd.com/news/2022/central-asia-shows-great-resilience-to-geopolitical-turmoil-.html>

⁹ Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия. Повышение стойкости и содействие устойчивому росту. Вашингтон. МВФ. Октябрь 2023 года. С. 9–10.

Рост внешнеторгового оборота Казахстана в 2022 г. был обусловлен прежде всего увеличением на 40,2% стоимостных объемов экспорта, а также ростом на 23,0% импортных поставок, в результате чего товарооборот составил 135,5 млрд долл. (см. рис. 3).

Источник: составлено авторами по: данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Рис. 3. Динамика внешней торговли товарами Казахстана в 2017-2022 гг., млн долл.

При этом состав основных торговых партнеров не претерпел изменений, но их доли в экспорте и импорте Казахстана изменились. Так, при росте казахстанского экспорта в Россию на 29,5% в стоимостном выражении, доля России в экспорте Казахстана сократилась с 11,6% до 10,7%, а импорт – с 42,5% до 35,1%, увеличившись всего на 1,6% в стоимостном выражении (см. табл. 1). Снижение доли российского импорта связано, прежде всего, с сокращением финансовых операций из-за отключения России от SWIFT.

Таблица 1

Доли крупнейших стран – внешнеторговых партнеров Казахстана, %

2021 г.				2022 г.			
экспорт		импорт		экспорт		импорт	
Китай	16,2	Россия	42,5	Китай	15,4	Россия	35,1
Италия	14,7	Китай	19,9	Италия	16,4	Китай	21,9
Россия	11,6	Германия	4,4	Россия	10,7	Германия	4,4
Нидерланды	7,3	США	3,3	Нидерланды	6,5	США	3,7
Турция	4,9	Турция	2,8	Турция	5,6	Турция	3,1

Источник: составлено авторами по: данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

В 2021 г. экспорт России в Казахстан на 26,8% состоял из машин, оборудования и транспортных средств, на 16,6% – из металлов и изделий из них, 15,4% в российском экспорте занимала продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 15,2%, минеральные продукты – 11,1%, древесина – 4,5%¹⁰. Кроме этих товаров Россия экспортирует продукцию текстильной и обувной промышленности, а также драгоценные металлы.

Казахстанский экспорт в Россию в 2021 г. на 36,3% состоял из минеральных продуктов и на 34,2% из металлов и изделий из них. Еще 13,3% приходилось на продукцию химической промышленности. Доля продовольствия и сельскохозяйственного сырья занимала всего 7,7%, машин и оборудования – 6,7%¹¹.

Несмотря на некоторые изменения структуры товарооборота между странами, Казахстан остается крупнейшим экспортным рынком для российской экономики¹² и наряду с Китаем, Турцией и Индией входит в число стран - основных торговых партнеров России в 2022 г.¹³. Следует отметить, что в связи с прекращением весной 2022 г. публикаций в открытом доступе статистических данных по внешней торговле России все оценки являются приближенными.

Косвенным подтверждением растущего товарооборота с Казахстаном и с другими странами через Казахстан является рост грузооборота и развитие транспортной логистики Казахстана с Россией. Например, объем экспортных грузов по Транскаспийскому международному транспортному маршруту вырос на 83%.

Казахстан, несмотря на заверения официальных лиц строго соблюдать западные санкции и осуществлять торговое взаимодействие с Россией с учетом требований санкционного режима, развивает интеграционное взаимодействие с РФ, стал эффективным торговым посредником и играет роль транзитного оператора между ЕС и Россией и другими странами. Так, за десять месяцев 2022 г. казахстанские компании экспортировали в Россию электронику и мобильные телефоны на сумму более 575 млн долл., что в 18 раз больше, чем за аналогичный период 2021 года¹⁴, что, несомненно, оказало помощь российским производителям, лишившимся поставок импортных комплектующих

¹⁰ Расчеты по данным ITC Trade Map.

¹¹ Там же.

¹² INFOline: Казахстан – самое популярное направление экспорта продуктов питания из России в 2022–2023 гг. <https://www.retail.ru/news/infoline-kazakhstan-samoe-populyarnoe-napravlenie-eksporta-produktov-pitaniya-iz-6-aprelya-2023-227585/>

¹³ Ткачев И. Тектонический сдвиг: как изменилась внешняя торговля России в 2022 году. <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2023/63a449789a7947778972b81>

¹⁴ Burna-Asefi S. N. Just Passing Through: Kazakhstan's Parallel Trade Predicament. <https://thediplomat.com/2023/02/just-passing-through-kazakhstans-parallel-trade-predicament/>

из третьих стран. В результате в 2022 г. стоимостной объем поставок машин, оборудования и транспортных средств из Казахстана в Россию вырос в 4,5 раза и достиг 2,1 млрд долл.¹⁵

Можно привести и еще один из множества других примеров, а именно экспорт древесины из стран Центральной Азии в Европу. В 2022 г. Казахстан и Кыргызстан – страны, не имеющие древесины даже для собственных нужд и импортирующие ее из России, кратно увеличили экспорт древесины (Казахстан – в 74 раза, Кыргызстан – в 18 тыс. раз) в страны ЕС¹⁶.

Основным риском для экспортеров стран ЦА являются вторичные санкции. Поэтому Казахстан, как и другие страны Центральной Азии, вынужден соблюдать баланс интересов и лавировать между Россией, Китаем, ЕС, а также прислушиваться к американской риторике из ООН.

Так, с 1 апреля 2023 г. Казахстан ввел онлайн-систему отслеживания поставляемых и вывозимых из страны товаров, которая значительно осложнила поставки товаров параллельного импорта в Россию и вынудила российских перевозчиков с санкционными товарами объезжать Казахстан¹⁷. Следует отметить, что перенаправление транспортно-логистических маршрутов из-за наценок, которые устанавливают компании - партнеры по импорту, обернулось для российских предприятий-импортеров ростом издержек, достигавших в отдельных случаях 15–20%¹⁸.

В то же время Казахстан продолжает развивать транспортные коридоры, связывающие Россию с торговыми партнерами из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока. В конце апреля 2023 г. между транспортно-логистическими компаниями Казахстана, России и Туркменистана подписан меморандум о создании совместного предприятия – единого логистического оператора на восточном маршруте международного транспортного коридора Север – Юг¹⁹.

¹⁵ Расчеты по данным ITC Trade Map.

¹⁶ Абдулманов Э. Экспорт древесины из РК увеличился на 74%, ее везли в ЕС через Белоруссию по поддельным документам. <https://bizmedia.kz/2022/12/22/eksport-drevesiny-iz-rk-uvelichilsya-na-74/>

¹⁷ Грузоперевозчики РФ с товарами параллельного импорта начали объезжать Казахстан. <https://iz.ru/1507540/2023-05-03/gruzoperevozchiki-rf-s-tovarami-parallelnogo-importa-nachali-obezzhat-kazakhstan>

¹⁸ Ткачев И., Виноградова Е. Страны бывшего СССР нарастили поставки в Россию на фоне санкций. <https://www.rbc.ru/economics/14/09/2022/632060399a7947752abc4f5>

¹⁹ Казахстан, Россия и Туркмения создадут совместное предприятие для развития перевозок. <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/kazakhstan-rossiya-i-turkmeniya-sozhdadut-sovmestnoe-predpriyatie-dlya-razvitiya-perevozok/>

О намерении Казахстана стать логистическим хабом Евразии в новой экономической реальности свидетельствуют планы строительства пяти приграничных торгово-логистических комплексов на границе с Кыргызстаном, с Узбекистаном, с Россией (Центр трансграничной торговли «Евразия») и с Китаем, а также трансграничного хаба «Каспийский узел» для логистической увязки приграничных хабов с казахстанскими портами Актау и Курык²⁰. Строительство приграничных хабов призвано удовлетворить кратно возросшие потребности растущего торгово-экономического взаимодействия в регионе. На сегодняшний день мощность существующей транспортно-логистической системы не может удовлетворить эти потребности.

Казахстаном намечены меры по дальнейшей модернизации железнодорожной инфраструктуры, обновлению подвижного состава, расширению торгового флота и мощностей морских портов Актау и Курык. Кроме того, для дальнейшего развития Транскаспийского международного транспортного коридора готовится соглашение между Казахстаном и Китаем об упрощении таможенных процедур и о предоставлении гарантий по объемам перевозок²¹.

В Астане начал работать крупнейший в стране фулфилмент-центр компании Ozon²², включающий полный цикл оформления онлайн-заказов и ориентированный в значительной степени не столько на внутренний рынок Казахстана, сколько на российский рынок²³.

Республика Узбекистан

Как явствует из приведенной ниже диаграммы (см. рис. 4), внешнеторговый оборот Узбекистана по итогам 2022 г. превысил 50,0 млрд долл., что выше аналогичного показателя 2018 г. на 49,8% и является самым высоким за всю историю страны.

Наибольший объем внешнеторгового оборота Узбекистана в 2022 г. зафиксирован с Россией (18,6%), КНР (17,8%), Казахстаном (9,2%), Турцией (6,4%), Ю. Кореей (4,7%), Кыргызстаном (2,5%) и Германией (2,3%). Россия является вторым по значимости импортером Узбекистана, лишь немного уступая Китаю, и первым крупнейшим направ-

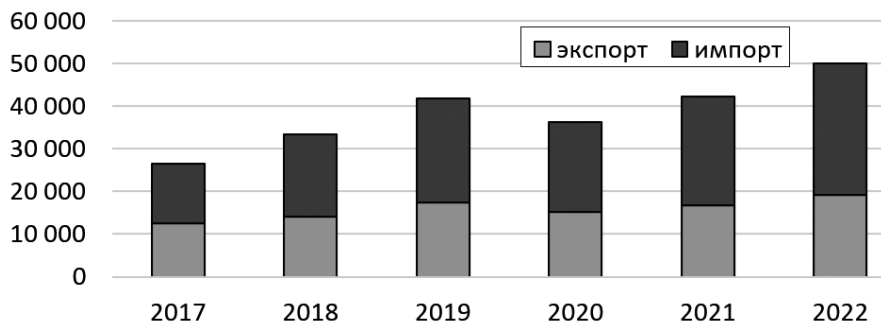
²⁰ Пять приграничных хабов построят в Казахстане к 2026 г. <https://ru.sputnik.kz/20230209/pyat-prigranichnykh-khabov-postroyat-v-kazakhstane-k-2026-godu-31926414.html>

²¹ Government discusses Trans-Caspian International Transport Route development. https://en.inform.kz/news/government-discusses-trans-caspian-international-transport-route-development_a4042188.

²² В Казахстане теперь больше Ozon. https://logirus.ru/news/warehouses/v_kazakhstane_teper_bolshe_ozon.html

²³ Ozon создал крупнейший логистический комплекс в Казахстане. <https://ria.ru/20230315/ozon-1858039478.html>

лением экспорта. В 2021 г. крупнейшим экспортным направлением был Китай (см. табл. 2). Двусторонняя торговля России и Узбекистана, по итогам 2022 г., выросла на 23,6%, в том числе за счет экспорта текстиля и сельскохозяйственной продукции.

Источник: составлено авторами по: данные Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан.

Рис. 4. Динамика внешней торговли товарами и услугами Узбекистана в 2017–2022 г., млн долл.

Таблица 2

Доли крупнейших стран - внешнеторговых партнеров Узбекистана, %

2021 г.				2022 г.			
экспорт		импорт		экспорт		импорт	
Китай	15,2	Россия	21,4	Россия	15,9	Китай	20,9
Россия	12,4	Китай	19,3	Китай	13	Россия	20,2
Турция	10,2	Казахстан	10,8	Турция	7,8	Казахстан	10,6
Казахстан	7,1	Ю. Корея	7,2	Казахстан	7,1	Ю. Корея	7,5
Кыргызстан	4,8	Турция	6,7	Кыргызстан	5,1	Турция	5,6

Источник: составлено авторами по: данные Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

Россия является основным экспортным рынком плодоовощной продукции (42,5% от всего объема экспорта фруктов, овощей и продуктов их переработки) и текстильной продукции (39,8% от всего объема экспорта). Также она импортирует в Узбекистан металлы и изделия из них, машины и транспортное оборудование, продовольственные товары. По результатам 2022 г. Россия занимает 42,3% в импорте промышленных товаров и 6,5% – в импорте машин и транспортных средств [4]. В 2021 г. доли России в импорте продовольственных товаров и машин и транспортных средств составляли 39,7% и 10,8% соответственно [5].

Азербайджанская Республика

В отличие от Казахстана и Узбекистана во внешней торговле Азербайджана Россия играет гораздо менее значимую роль. Так, по данным за 2021 г. азербайджанский экспорт в Россию составлял всего 4,1% (см. табл. 3), а доля Азербайджана во внешнеторговом обороте России в 2021 г. составила менее 0,5%. Азербайджанский экспорт более чем на $\frac{2}{3}$ состоит из продовольственных товаров (преимущественно овощей, фруктов и продуктов их переработки) и почти на $\frac{1}{3}$ – из продукции химической промышленности. В азербайджанском импорте, наоборот, Россия является крупнейшим импортером с долей более 17% и импортирует зерновые (14% от всего объема поставок), древесину (11,5%), электрооборудование (10,3%), черные металлы и изделия из них (5%), ядерные реакторы и оборудование для них (4,8%), масла растительного и животного происхождения (4,8%).

Таблица 3

Доли крупнейших стран – внешнеторговых партнеров Азербайджана в 2021 г., %

Экспорт		Импорт	
Италия	41,6	Россия	17,7
Турция	12,7	Турция	15,8
Россия	4,1	Китай	14,0
Израиль	4,0	Германия	5,4
Хорватия	3,4	США	3,8

Источник: составлено авторами по: данные The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do?vw_cd=MT_ATTITLE# (дата обращения: 29.04.2023).

Рост товарооборота между Россией и Азербайджаном на 23,9% в 2022 г. обусловлен увеличением российского экспорта (на 31,8%)²⁴. Тенденция роста российского экспорта при сокращении азербайджанского импорта продолжилась в I квартале 2023 г., когда экспорт азербайджанской продукции в Россию вырос на 68,2%. При этом доля России в азербайджанском экспорте сократилась с 4,1% (2021 г.) до 3,37% (I квартал 2023 г.), а Россия в списке крупнейших импортеров азербайджанской продукции переместилась с третьего места на девятое²⁵.

²⁴ Расчеты по данным ITC Trade Map.

²⁵ Товарооборот России и Азербайджана в I квартале вырос почти в 1,7 раза. <https://www.interfax.ru/business/896083>.

Роль стран Центральной Азии в преодолении негативного влияния санкций на экономику России

Идея использовать санкции как оружие в конкурентной борьбе и как рычаг давления на правительства других стран не является новым явлением – это неоднократно применялось в течение последнего столетия. Страны и компании, подпавшие под санкции, в таких случаях переключали свои торговые взаимоотношения на дружественные страны, а торговые потоки направляли по новым логистическим маршрутам.

Так, введение Саудовской Аравией и ОАЭ продовольственного эмбарго в отношении Катара в 2017 г. подтолкнуло эту страну к осуществлению революции в национальной продовольственной политике и быстрому формированию новых цепочек поставок, к установлению новых торговых связей и политических партнерств. Одной из первых стран, предложивших помощь Катару сразу после введения эмбарго, была Турция, а затем также Иран и Иордания. Кроме того, продовольственное эмбарго в отношении Катара способствовало развитию его торговли с такими странами, как Германия, Индия, Китай, Казахстан, стимулировало организацию диверсифицированных маршрутов поставок продовольствия и развитие собственного агропродовольственного сектора [6].

Санкции против Ирана привели к тому, что две трети иранского экспорта были перенаправлены в страны, не поддерживавшие санкции. Фирмы-экспортеры перенаправили экспортные потоки в политически невраждебные страны. Однако эффект был неоднозначным и зависел от характеристик компании-экспортера (крупные экспортеры имели больше возможностей перенаправить свой экспорт), от продукта (основные и однородные товары легче перенаправлялись в другие страны) и от страны назначения (страны, в которых экспортер уже присутствует, с большей вероятностью становятся пунктами перенаправления экспорта) [7].

Анализ выполнения Россией и странами Центральной Азии санкционного режима, проведенный Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) по статистическим данным стран-экспортеров (ЕС, Великобритания, США, Китай, Турция), показал результаты, сходные с теми, которые были получены при анализе влияния санкций на Катар и Иран.

Так, резкое снижение объемов экспорта из ЕС и Великобритании в Россию сопровождается существенным ростом экспорта из Европы в страны Центральной Азии (Армению, Грузию, Казахстан и Кыргызстан). Эти изменения особенно заметны в отношении подсанкционных товаров (+30%), на долю которых до специальной военной операции

(СВО) приходилась большая часть экспорта. Аналогичная картина обнаружена в отношении товаров из США: падение экспорта подсанкционных товаров в Россию после начала СВО и введения санкций сопровождалось ростом экспорта в страны Центральной Азии. В частности, экспорт из ЕС, Великобритании и США в Армению и Кыргызстан увеличился на 86% по сравнению со средними показателями за 2017–2019 гг.

Кроме того, через страны Центральной Азии и Грузию увеличились поставки китайских товаров, полностью или частично подпадающих под санкции (+ 8–15%), по сравнению с поставками других товаров [8].

Мониторинг выполнения Россией санкционного режима, проводимый аналитическими службами зарубежных компаний, показывает, что в Россию через хабы дружественных и нейтральных стран с апреля по октябрь 2022 г. было поставлено продукции электронной промышленности на сумму не менее 2,6 млрд долл., из которых свыше 770 млн долл. – продукция западных стран, что свидетельствует, по мнению этих аналитических служб, о формировании различных схем сокрытия параллельного импорта²⁶. Например, при перенаправлении торговых потоков через страны Центральной Азии для сокрытия параллельного импорта используется неправильная классификация товаров, когда товар, подпавший под санкции, заменяется на аналогичный товар, не включенный в санкционный список. Дополнительный экспорт товаров, аналогичных подсанкционным, из ЕС в страны Центральной Азии, по оценке ЕБРР, увеличился на 15%, экспорт товаров, аналогичных подсанкционным, из Турции в Россию увеличился на 35% [8].

Заключение

Нейтральный статус стран Центральной Азии по отношению к санкциям против России позволил этим странам получить существенные экономические выгоды. Экономический рост в странах Центральной Азии в 2022 г., который превысил не только среднемировые показатели, но и темпы роста развитых стран, в значительной степени обусловлен посреднической торговлей с Россией, о чем свидетельствует существенный рост товарооборота и сохранение роли России как основного торгового партнера.

Росту ВВП стран Центральной Азии способствовало значительное увеличение денежных переводов из России в связи с миграцией части

²⁶ Ткачев И. Тектонический сдвиг: как изменилась внешняя торговля России в 2022 году. <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2023/63a449789a7947778972b81>

россиян и релокацией ими своего бизнеса, а также развитие туризма из России, стимулировавшего развитие отраслей гостеприимства.

Для нефтедобывающих стран региона источником роста доходов также стал рост экспорта нефти после снижения поставок энергоносителей из России в ЕС.

Страны Центральной Азии, прежде всего Казахстан, который стремится стать логистическим хабом Евразии, активно развивают транспортные коридоры, модернизируют транспортную инфраструктуру, не справляющуюся с кратно возросшими потребностями растущего торгового сотрудничества как между странами Центральной Азии и Россией, так и России с третьими странами.

Таким образом, антироссийские санкции и все более обостряющиеся отношения РФ с США и ЕС побуждают Россию и страны Центральной Азии находить новые пути развития региональной интеграции в целях решения ключевых проблем экономического развития, что не исключает следования этих стран своим национальным интересам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022.
2. *Неймарк М.А.* Кризисная геополитика: опыт и перспективы мягкой силы России: монография / М.А. Неймарк; Дип. Академия МИД России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. С. 10.
3. *Global Economic Prospects // World Bank.* January 2023. Washington, DC: World Bank. doi:10.1586/978-1-4648-1906-3.
4. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за январь–декабрь 2021 года // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан, 2022.
5. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за январь–декабрь 2022 года // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан, 2023.
6. *Koch N.* Food as a weapon? The geopolitics of food and the Qatar–Gulf rift // *Security Dialogue.* 2021. № 52. Pp. 118–134.
7. *Haidar J. I.* Sanctions and export deflection: Evidence from Iran // *Economic Policy.* 2017. № 32(90). Pp. 319–355.
8. *Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A.* The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // *European Bank for Reconstruction and Development (EBRD).* 2023. Working Paper No. 276. Prepared in February 2023.

REFERENCES

1. Russian “neighbourhood belt” in the conditions of the sanctions war: Scientific report / Ed. L.B. Vardomsky (responsible editor), I.A. Korgun, N.V. Kulikova, A.G. Pylina. M.: Institute of Economics RAS, 2022. (In Russ.).
2. *Neimark M.A.* Crisis geopolitics: experience and prospects of Russian soft power: monograph / M.A. Neimark; Dip. Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. M.: Publishing and trading corporation “Dashkov and K”, 2023. P. 10. (In Russ.).
3. Global Economic Prospects // World Bank. January 2023. Washington, DC: World Bank. doi:10.1586/978-1-4648-1906-3.
4. Socio-economic situation of the Republic of Uzbekistan for January-December 2021 // Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. 2022. (In Russ.).
5. Socio-economic situation of the Republic of Uzbekistan for January-December 2022 // Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. 2023. (In Russ.).
6. *Koch N.* Food as a weapon? The geopolitics of food and the Qatar–Gulf rift // Security Dialogue. 2021. № 52. Pp. 118–134.
7. *Haidar J.I.* Sanctions and export deflection: Evidence from Iran // Economic Policy. 2017. № 32(90). Pp. 319–355.
8. *Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A.* The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2023. Working Paper No. 276. Prepared in February 2023.

Дата поступления рукописи: 30.08.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернова Вероника Юрьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1979-3624
artem-pylin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Veronika Yu. Chernova – Dr. Sci. (Econ.), leading researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

Artem G. Pylin – Cand. Sci. (Econ.), leading researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1979-3624
artem-pylin@yandex.ru

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS ON THE ECONOMIC POLICIES AND INTEGRATION PROCESSES OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

The use of sanctions policy to compete for sales markets and to exert pressure on the governments of countries subject to sanctions has stimulated Russia to develop trade with friendly and neutral countries, to redirect the trade flows along new logistics routes and to form new supply chains. The article examines the impact of Western sanctions on the economies of the Central Asian countries and on their integration with Russia. A sharp decline in exports from Western countries to Russia is accompanied by a significant increase in exports from these countries to the countries of Central Asia, which is especially noticeable in relation to sanctioned goods. Maintaining a neutral status in the sanctions war of the United States and its allies against Russia allowed the countries of Central Asia to significantly improve their macroeconomic performance by increasing trade with Russia, including through intermediary trade. Despite official statements about the observance of the sanctions regime, the countries of Central Asia began to act as transit operators between Russia and third countries and to significantly assist the Russian economy in overcoming the negative consequences of sanctions. The study has led to the conclusion that anti-Russian sanctions encourage Russia and the countries of Central Asia to find new ways to develop regional integration in order to solve key problems of economic development, which does not prevent these countries from following their national interests.

Keywords: *Central Asian countries, Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, Russia, sanctions, economic growth, intermediary trade, parallel imports, trade flows, transport and logistics routes.*

JEL: F15, O57, P27.

З.А. ДАДАБАЕВА

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИКАСПИЙСКИХ СТРАН В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уникальный закрытый водоем – Каспийское море – является не только местом обитания эндемиков, но и богато такими экономически важными ресурсами, как нефть, рыба, песок, рекреационные ресурсы, а также пригодно для судоходства. В статье анализируется негативное влияние интенсивной экономической деятельности в прикаспийских странах на экологию данного региона. Благодаря усилиям международного сообщества по защите окружающей среды и позиции местных экологов руководящие органы прикаспийских стран осознали необходимость учитывать экологические проблемы в ходе дальнейшей экономической интеграции, не снижая при этом интенсивность хозяйственной деятельности экономических субъектов стран данного региона. В данном исследовании предпринята попытка показать роль межгосударственного сотрудничества в решении экологических проблем и значение принятой Тегеранской конвенции.

Ключевые слова: *Каспийское море, экологические проблемы, климатические изменения, Тегеранская конвенция, антропогенные факторы, сотрудничество прикаспийских государств, последствия нефтедобычи.*

УДК: 330.3, 339.9

EDN: KNRZFL

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_152_165

Введение

Территорию Прикаспия в настоящее время занимают пять активно развивающихся государств: Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан, имеющие собственные национальные интересы по использованию морских богатств и обустройству прилегающих к Каспийскому морю земель. При этом в конце XX в. приоритетом служили экономическая целесообразность и активное хозяйственное развитие, которое практически не сочеталось с соблюдением международных экологических норм.

В XXI в. ситуация постепенно начала меняться. Регулирование экономических и экологических вопросов, осуществлявшееся двумя государствами – СССР и Ираном – до 90-х годов XX в., сменилось поиском новых форматов взаимодействия в 2000-х годах, когда появились проблемы правового разделения прибрежных и шельфовых территорий между Ираном и возникшими новыми постсоветскими независимыми государствами.

Интенсивное освоение природных богатств Каспийского моря и различные природные катаклизмы (периодическое обмеление уровня моря, снижение биоразнообразия фауны, уменьшение количества промысловых рыб и др.) сильно повлияли на окружающую среду. Эксперты подчеркивают, что: «...экосистема Каспия характеризуется исчезновением планктона и зообентоса. В самое ближайшее время это повлияет не только на уменьшение биоразнообразия рыбы, но и на социально-экономическое состояние рыболовства в Каспийском регионе» [1, с. 2]. Положение ухудшается из-за попадания в воду нефти, что затрудняет испарение воды, нарушая тем самым взаимосвязь между воздухом и водой.

Природные и антропогенные факторы

Каспийский регион значительно пострадал от непродуманного размещения промышленных предприятий и нефтедобывающих вышек в уязвимых местах Каспийского моря. Активная человеческая деятельность и неконтролируемое размещение свалок бытовых и промышленных отходов в конечном итоге привели к ухудшению природного состояния этого уникального водоема. Наблюдается его загрязнение вследствие интенсивной разведки и добычи нефти. Ситуацию усугубляют сточные воды и мусор, образующиеся в результате хозяйственной деятельности и приносимые впадающими в Каспийское море реками.

Избыточный промышленный вылов рыбы и морепродуктов и усилившееся браконьерство привели к существенному уменьшению их популяции. Кроме того, как отмечают специалисты, в Каспийское море на днищах морских и речных судов завозятся различные чужеродные организмы, что приводит к нарушению экологического баланса фауны и фитопланктона.

Помимо этого, периодически наблюдается снижение уровня воды и обмеление Каспия. Как утверждают эксперты, диапазон колебания составляет 10 м, но «каждые 200–300 лет вода вновь возвращается»¹.

¹ Обмеление Каспия: экологическая проблема или естественное «дыхание» моря? <https://mir24.tv/articles/16526658/obmelenie-kaspiya-ekologicheskaya-problema-ili-estestvennoe-dyhanie-morya>.

Исследователь Каспийского моря профессор Н. Аладин считает, что такие изменения уровня воды – вполне нормальный процесс: «Каспий всегда менял, меняет и будет менять свои очертания»², и это не должно привести к полному высыханию моря³, чего опасаются европейские исследователи и защитники природы. Тем не менее риски разрушения экосистемы очень велики – такие колебания нарушают нормальную жизнедеятельность морских обитателей. Кроме того, они влияют на экономические показатели прибрежных регионов, сказываются на социальном уровне жизни населения прикаспийских стран.

Наполнение замкнутого Каспийского моря сильно зависит от речных стоков и атмосферных осадков. Так, по наблюдениям ученых, с 2006 г. по 2021 г. количество испарений в должной мере не компенсируется атмосферными осадками и стоками рек.

Особую роль играет уникальная закрытость Каспийского моря, которая одновременно «служит индикатором увлажнения Восточно-Европейской равнины, большую часть которой занимает бассейн реки Волга, а также других, масштабных изменений климата» [2, с. 38]. Влияние человека на изменение климата, несомненно, отражается на социально-экономическом развитии всех стран прикаспийского региона. Уже сейчас ощущаются негативные последствия климатических изменений, обусловленных процессом индустриализации и увеличением числа нефтедобывающих платформ. Экосистемы крайне чувствительны к таким трансформациям окружающей среды.

Выбросы парниковых газов в странах региона являются еще одним фактором, значительно влияющим на изменение климата. Выбросы CO₂ на душу населения составляли в 2019 г. в Туркменистане и Российской Федерации почти одинаковое значение – 11,8 т, в Казахстане – 11,46 т, Иране – 7,8 т; меньше всего в Азербайджане – 3,54 т⁴.

Отрицательное воздействие на окружающую природную среду катастрофически сказалось на всем характере региона: произошло не только изменение климата, но и береговое опустынивание, что весьма существенно отразилось на людях, населяющих прикаспийские страны. Появились новые болезни, возникли генетические изменения, увеличилась смертность. По данным ВОЗ⁵, наиболее высокий

² Там же.

³ Через сколько лет высохнет Каспийское море? Актуальное интервью «Москва-Баку». Портал «Москва-Баку» 10.06.2022. <https://www.ocean.ru/index.php/novosti-left/smi-o-deyatelnosti-instituta/item/2517-cherez-skolko-let-vysokhnet-kaspijskoe-more-aktualnoe-intervyu-moskva-baku>

⁴ The Global economy/ Business and economic data for 200 countries. <https://ru.theglobal-economy.com/economies/>

⁵ По этому показателю данные собираются крайне медленно; наиболее актуальная информация, которую удалось найти, относится к 2016 г.

уровень смертности от загрязнения бытового и атмосферного воздуха, стандартизированный по возрасту на 100 тыс. населения, отмечался в Туркменистане (79,3), который находился на 79 месте рейтинга из 179 включенных в него стран, далее 93-ю строчку занимал Азербайджан (63,9), на 96-й позиции находился Казахстан (62,7), Россия (49,4) занимала 115 место, Иран (50) находился в гораздо лучшем положении из всех пяти стран, занимая 112-ю позицию. Для справки: на первом месте по уровню смертности от экологических проблем в рейтинге 2016 г. находилась Республика Сьерра-Леоне (324,1), на последнем, 179 месте – Канада (7)⁶.

Экологические риски становятся объектом пристального внимания руководителей пяти стран, но финансовая выгода от экономической деятельности пока еще сохраняется в качестве главного приоритета социально-экономической политики. Наличие запасов нефти, возможности рыболовства и добыча морепродуктов, судоходство и рекреационные ресурсы весьма выгодны для развития экономик стран прикаспийского региона. Доходы от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов вносят весьма существенный вклад в экономику прикаспийских стран. Так, в 2021 г. доля топливно-энергетических товаров в общем объеме экспорта стран региона колебалась от 53,4% (Иран) до 88,4% (Азербайджан) [4, с. 64].

Влияние нефтедобычи на окружающую среду Каспийского моря

Три из пяти прикаспийских государств активно занимаются добычей нефти на своих территориях. В СССР, в 80-е годы XX в., основной поиск нефти и ее добыча осуществлялись в наиболее перспективном пространстве между Азербайджаном и Туркменией. «Большинство ранее открытых нефтяных месторождений было сосредоточено именно здесь» [3, с. 72]. Но после распада Союза и открытия новых месторождений началась энергичная добыча в северных и северо-западных районах. Ситуацию усложнило неконтролируемое и, по сути, хищническое освоение морских ресурсов Каспия, что увеличило риски не только его загрязнения, но и угрожало существованию и самого моря, и населения прибрежных районов.

По оценкам ученых, наиболее крупные открытые и эксплуатируемые нефтяные месторождения Каспийского моря расположены в Казахстане (Тенгиз, Карачаганак, Кашаган), в Азербайджане (Шах-Дениз), на границе Азербайджана и Туркмении (Азери-Чираг-

⁶ Рейтинг стран по уровню смертности от экологических проблем. <https://nonews.co/directory/lists/countries/mortality-rate-pollution>.

Гюнешли). Что касается России, то, исходя из доклада генерального директора ООО «Лукойл-Нижневожскнефть» Н. Ляшко, «В российском секторе Каспийского моря компанией “Лукойл” открыта целая нефтегазоносная провинция. На баланс поставлено 11 месторождений с суммарными начальными извлекаемыми запасами порядка 1,8 млрд т условного топлива. Инвестиции в «Каспийский проект» уже превысили 480 млрд руб.»⁷.

С обретением прикаспийскими странами независимости в 1990-е годы прошлого столетия стала увеличиваться, особенно в 2000-е годы, добыча нефти Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном (см. табл. 1). Ее рост, в совокупности с появлением новых шельфовых проектов, привел к угрозе исчезновения многих каспийских видов эндемиков (нерпы, разновидностей кильки, сельди, белорыбицы, пуголовки и т. д.).

Таблица 1

Динамика добычи нефти, середина 1990-х–2022 гг. (млн т)

Страна	1996	2000	2010	2018	2020	2021	2022
Азербайджан	9,1	14,1	51,3	39,2	35,0	35,3	33,3
Казахстан	23,0	35,3	79,7	90,4	85,7	85,9	84,1
Туркменистан	4,4	7,3	11,1	12,5	10,4	11,6	11,6

Источник: составлено автором по: BP Statistical Review of World Energy, 2022.

«По данным океанологов, за последние 50 лет морская популяция Каспийского моря в целом уменьшилась почти на 50%, а популяции глубоководных рыб – на 72%» [5, с. 24]. Загрязнения тяжелыми металлами, химикатами и продуктами, образующимися после добычи и/или в результате разлива нефти, отражаются на здоровье не только морских обитателей, но местного населения. В Каспийском регионе проживает более 14 млн человек (6,5 млн в Иране, 4,3 млн в России, 2,2 млн в Азербайджане, 1,2 млн в Казахстане и 0,5 млн в Туркменистане)⁸. Практически вся их обычная жизнь тесно связана с морем и зависит от состояния береговой зоны, в связи с чем обеспечение экологической безопасности является необходимым условием снижения потенциальных социальных рисков для жизнедеятельности людей данного региона.

⁷ Лукойл планирует начать добычу на месторождении Грайфера на Каспии в 2023 году. <https://tass.ru/ekonomika/15099963>

⁸ Регион Каспийского моря. <https://tehranconvention.org/ru/tc#:~:text=%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE>

Экологические инициативы стран и возможности взаимодействия

Понимая опасность нарастающего негативного влияния на экологическую обстановку в регионе, страны выдвинули ряд инициатив для минимизации рисков дальнейшего ухудшения ситуации. При этом учитывался тот факт, что Каспий страдает не только от добычи нефти, аварийных сбросов, но и от последствий жизнедеятельности людей, в том числе от бытового мусора, который поступает вместе с реками, впадающими в море. К сожалению, больше всего мусора приносит река Волга, на 80% питающая Каспий своей водой.

Таким образом, хрупкая и чувствительная экосистема каспийского региона оказывается в уязвимом положении, и в решении этой проблемы в равной степени должны быть заинтересованы все пять стран. В 90-е годы XX в. из-за внутренних национальных проблем и процесса трансформации экономики не все новые независимые государства имели финансовые возможности и желание заниматься экологией региона. На первом плане для прикаспийских стран были проблемы экономического характера. Решали их с помощью увеличения добычи нефти, привлекая ресурсы иностранных компаний. В частности, Азербайджан и Казахстан активизировали добычу нефти в своей части Каспийского моря, что неизбежно привело к ухудшению экологической ситуации.

Иран, добывающий меньше всего нефти в Каспийском море, предпринял первую официальную инициативу по решению экологических проблем в данном регионе. В 1992 г. он предложил создать региональную организацию среди прикаспийских стран для защиты окружающей среды [6]. Но из-за продолжающейся добычи и отсутствия необходимых финансов, новых технологий и институциональных механизмов, необходимых для решения экологических проблем, инициатива сотрудничества не выходила за рамки обсуждения до принятия «Алматинской декларации»⁹. В ней прибрежные государства выразили готовность к конструктивному сотрудничеству по экологическим вопросам, по сохранению окружающей среды и обратились за финансовой и технической помощью к международному сообществу¹⁰.

⁹ Алматинская декларация, г. Алматы, 28 сентября 1997 г. <http://www.cawater-info.net/library/rus/almaty.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁰ Global Environment Facility. 1998. Addressing Transboundary Environmental Issues in the Caspian Environment Programme. Project Brief. Washington: Global Environment Facility. <https://www.thegef.org/project/addressing-transboundary-environmental-issues-caspian-environment-programme-phase-i>

Северная часть моря, которая при СССР считалась малоперспективной для разработок и находилась под охраной государства, после распада Союза подверглась значительному загрязнению. Этому способствовали, в частности, разработка нефтегазоконденсатного месторождения им. В. Филановского, открытие и эксплуатация новых нефтяных месторождений Тенгиз и Кашаган в Казахстане и др. В настоящее время интенсивная добыча сохраняется. Только в Казахстане, в 2022 г. на Тенгизском месторождении было добыто 29,2 млн т нефти, на Карачаганакском месторождении добыча составила 11,3 млн т, на Кашагане объем добычи нефти составил 12,7 млн т [7, с. 1].

Помимо разведки и добычи нефти и газа, серьезный ущерб экологии Каспия, как справедливо отмечают эксперты, наносит интенсивный вылов рыбы прикаспийскими государствами. «Исчезновение СССР с политической карты мира, повлекло за собой разрушение налаженной системы защиты и воспроизводства ценных рыбных пород, что обусловило резкую деградацию каспийского биоразнообразия» [8, с. 127]. Неконтролируемое строительство гидроэлектростанций на реках, впадающих в Каспий, также привело к уменьшению рыб и ареалов их обитания [9, с. 89]. Seriously сократили популяцию рыб многочисленные плотины, которые сооружались для обеспечения потребностей сельского хозяйства. Только на реках Волге и Каме сооружено одиннадцать водохранилищ, активно действуют двенадцать гидроэлектростанций. Как отмечают российские ученые, «Каскады плотин существенно изменили динамику речного стока в низовьях рек. Произошло резкое сокращение весеннего паводка (объема воды и продолжительности) и столь же резкое увеличение зимнего паводка по тем же показателям» [10, с. 139].

Постепенно страны пришли к пониманию, что только коллективно можно справиться с проблемами загрязнения моря, с браконьерством, и заняться восстановлением биологических видов Каспия.

В 2003 г. прикаспийские страны подписали рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря – «Тегеранскую конвенцию»¹¹. Она стала практически первым юридическим документом, одобренным всеми каспийскими государствами, а ее реализация началась в 2006 г. В ней были собраны все совместные запросы стран по сохранению и защите окружающей среды, флоры и фауны Каспия. Заложены механизмы работы институтов, обеспечивающих ее реализацию. Тегеранская конвенция включает правила мониторинга и оценки окружающей среды, положения о рациональном использовании ресурсов Каспия, с применением научных разработок и исследований. Прикаспийские страны в рамках Тегеранской конвен-

¹¹ Тегеранская Конвенция. <https://tehranconvention.org/ru/tc/text-convention>

ции обязались решать поставленные задачи как самостоятельно, так и совместно с соседями, привлекая также профильные международные организации. Считается, что именно финансирование со стороны международного сообщества помогло странам прийти к консенсусу в борьбе с загрязнением Каспийского моря.

Помимо коллективной ответственности за состояние биосферы водоема в Конвенции отмечается необходимость усиления межстрановых отношений и гармонизации законодательств в природоохранной области, что повышает статус экологических вопросов.

Именно Тегеранская конвенция стала результатом работы в рамках Каспийской Экологической Программы (КЭП). КЭП была создана в 1998 г. совместно странами-партнерами, при участии Европейского союза и Глобального экологического фонда (ГЭФ) для обеспечения экологической защиты Каспийского моря, создания благоприятных условий для жизни прибрежного населения. Программа осуществляла деятельность по различным природоохранным направлениям, вырабатывала транснациональные планы действий по предотвращению экологических угроз каспийскому региону.

В последующие годы прикаспийские государства продолжили формировать общую экологическую платформу совместных действий по защите окружающей среды. В 2011 г. был подписан «Актауский протокол» о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, который ратифицировали все страны.

В 2012 г. всеми странами подписан «Московский протокол» по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и осуществляемых видов деятельности на берегу.

В 2014 г. страны приняли «Ашхабадский протокол» о сохранении биологического разнообразия. Его ратифицировали Иран (2014 г.), Туркменистан (2015 г.), Азербайджан (2014 г.) Казахстан (2021 г.), ожидается его ратификация Россией¹².

Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте в 2018 г. подписали все пять стран.

Еще один, пятый Протокол направлен на создание механизма по мониторингу, оценке и обмену экологической информацией и находится в стадии создания. Для его формирования был разработан Проект «Каспийский центр экологической информации» (КЦЭИ). «КЦЭИ был учрежден в 2012 г. и официально запущен на 4-й сессии Конференции Сторон (КС-4) Тегеранской конвенции в Москве в том же году»¹³.

¹² Протоколы к Тегеранской Конвенции. <https://tehranconvention.org/ru/tc/protocols>.

¹³ Проекты в поддержку Тегеранской конвенции | CEIC Portal (tehranconvention.org) // <https://tehranconvention.org/ru/tc/projects>.

Его внедряли в два этапа – с 2010 по 2012 г. и с 2017 по 2019 г. Проект был реализован ГРИД-Арендал под эгидой временного Секретариата Тегеранской конвенции при финансовом содействии BP Exploration (Caspian Sea) Limited и ее ассоциированных партнеров по проекту.

Эксперты отмечают, что сотрудничество в решении экологических проблем и дискуссионных вопросов природоохранного характера в рамках КЭП и Тегеранской конвенции оказало решающее влияние на подписание странами Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [11; 12] – основного юридического документа, регулирующего отношения прикаспийских государств.

Институциональные механизмы экологической защиты: актуальные проблемы и нерешенные вопросы

Тегеранская конвенция – весьма важный и практически единственный документ, в котором обозначены механизмы сотрудничества прикаспийских стран в природоохранной области. При этом он часто и справедливо подвергается критике за декларативный и инертный характер работы, правовую неопределенность обязанностей участников, за недостаточность механизмов наказания виновных в загрязнении, а также за «отсутствие реального прогресса в кардинальном улучшении экологической ситуации» [8, с. 127–128].

Существенным недостатком экологического взаимодействия стран является отсутствие системы «регулярного мониторинга состояния окружающей среды водоема, качества воды, уровня вредных веществ и отложений» [13]. Получение объективной информации об экологическом состоянии носит локальный характер. Прибрежным странам необходимо вывести такую работу на наднациональный уровень и проводить совместный мониторинг различного вида загрязнений и возможных последствий реализации новых проектов.

Предварительное согласование гораздо выгоднее странам, чем возможные издержки и экологические последствия для всего водоема, к которым могут привести односторонне осуществляемые странами инфраструктурные проекты.

В частности, к подобным проектам можно отнести планы по углублению дна Каспийского моря, что может иметь непредсказуемые последствия. Например, запланированные работы рядом с Кашаганом будет проводить компания North Caspian Operating Company N.V. (NCOC), которая собирается углубить дно Каспийского моря на территории Казахстана. Как отмечают эксперты, «компания намерена снять 18,5 млн м² грунта – это очень большой объем работ. Такое вмешательство в экосистему может крайне негативно повлиять на флору и фауну. Рыбе, возможно, придется нырять глубже, чтобы найти себе пропита-

ние. Также это может привести к загрязнению воды в той части, где будут проводить углубительные работы»¹⁴. Работы по углублению дна Каспийского моря проводились и в Советском Союзе, однако они имели незначительный и краткосрочный эффект, а решить проблемы Каспия так и не удалось.

В прикаспийских странах понимают, что обмеление Каспия может принести гораздо больше негативных последствий для их экономики, и экологическая повестка при этом отходит, к сожалению, на второй план. Из-за обмеления Каспийского моря и, как следствие, из-за снижения объема грузоперевозок порт Оля в Астраханской области закрыл четыре из 14 терминалов. Для увеличения возможности прохода судов различного класса уже разработана программа по углублению дна.

Говоря о прикаспийском регионе в контексте изменения климата, ухудшения экологической обстановки и т. д., нельзя не отметить возможное влияние экологических изменений на социально-политическую стабильность и безопасность в данном регионе. Опыт экологического сотрудничества пяти стран и принятие Тегеранской конвенции сыграли значительную роль в обсуждении вопросов региональной безопасности, что нашло свое отражение в Конвенции о правовом статусе Каспия, закрепившем взаимодействие стран по экологическим вопросам в качестве одного из основных требований Конвенции.

Вместе с тем существующая экологическая программа не приводит к экономической интеграции стран, но она предоставляет возможность для диалога, переговоров и укрепления доверия. Принятые протоколы устанавливают границы и ограничения для строительства будущих трубопроводов. В то же время, по мнению А. Байрамова, существуют еще препятствия, которые нужно преодолеть. Например, это политика Туркменистана в отношении транспортировки газа и строительства трубопроводов (покупатель берет на себя риски от туркменской границы), а также желание Азербайджана быть единственным поставщиком трубопроводного газа в Европу – сейчас он активно вкладывает деньги в строительство Южного газового коридора. «Баку присоединится к ТКГ (Транскаспийский газопровод), когда его мощности по природному газу уменьшатся и ему потребуется одна или несколько третьих сторон для заполнения трубопровода» [11, р. 508].

Экономические рычаги, которыми обладает международное сообщество в лице международных организаций, сыгравших важную роль в экологическом объединении прикаспийских стран, являются важными факторами, подтолкнувшими правительства прибрежных

¹⁴ Эксперты: к концу XXI в. север Каспия испарится, а Волга станет серией озер // <https://ecologyofrussia.ru/volga/>

государств к трансграничному сотрудничеству. Международные организации продолжают оказывать существенное влияние на политику прикаспийских государств в сфере экологии, руководству которых необходимо учитывать это при принятии, в том числе и экономических решений.

Выводы

На фоне ускоряющегося в последние десятилетия экономического развития стран Каспийского региона, усиления транзитной роли Каспия, современных сложных геополитических проблем, существующая экологическая платформа является основой для объединения прибрежных стран при решении ими конкретных экологических вопросов. Она опирается при этом на общие для региона функциональные цели и подходы.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, в регионе остаются нерешенными проблемы загрязнения Каспийского моря сточными водами, нефтью, а также вопросы браконьерства, неконтролируемого рыболовства, снижения уровня воды. На национальном уровне и под патронажем международных организаций странами региона принимаются меры на местном уровне, но проблемы приграничного масштаба в таком случае не решаются.

Не умаляя значение Тегеранской конвенции, следует подчеркнуть, что отсутствие комплексного подхода, а также общей заинтересованности стран в решении экологических вопросов, вызывает справедливую критику некоторых исследователей [14], в особенности конвенционно-протокольный тип Конвенции. Это снижает эффективность реализации мер экологической защиты в разных областях. Помимо длительной процедуры утверждения Протоколов, на работу влияет и то, что из пяти Протоколов подписаны и ратифицированы всеми пятью странами только два. Существующие органы (Департамент охраны окружающей среды прибрежных морей и др.) не имеют всей полноты полномочий и не смогли остановить экологический кризис, утрату биоразнообразия и остановить загрязнение нефтью Каспия.

Требуется общий план по кодификации экологических стандартов, быстрое реагирование стран на климатические изменения, проведение совместных научных разработок и создание условий для их внедрения, решение юридических вопросов, минимизация политического влияния. Каспийское «Море нуждается в централизованном институциональном механизме. Доступ к экологической безопасности в Каспийском регионе требует принципиального управления, регионального сотрудничества прикаспийских стран и принятия на себя экологической ответственности. Каждое государство должно

играть более эффективную роль в защите окружающей среды в соответствии со своим ущербом окружающей среде и своими возможностями и полномочиями, предпринимая в этом отношении принципиальные шаги» [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оруджалиева З.* Каспий на пороге катастрофы: жители прибрежных стран могут остаться без рыбы. <https://az.sputniknews.ru/20210826/Kaspiy-na-poroge-katastrofy-zhiteli-pribrezhnykh-stran-mogut-ostatsya-bez-ryby-427780428.html>.
2. Доклад временного секретариата Тегеранской конвенции по состоянию окружающей среды Каспийского моря. // Каспийское море: состояние окружающей среды. 2019. Grid Arenda, 2020.
3. *Осадчий А.* Большая нефть Каспия. <https://www.nkj.ru/archive/articles/5119/>.
4. *Пылин А.Г.* Особенности торгово-экономического взаимодействия стран Каспийского региона в новой геоэкономической реальности // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2 (22). С. 60–71.
5. *Тасмагамбетова А.* Если не спасти уникальный эндемик Каспия сегодня, завтра будет уже поздно». <https://www.vokrugsveta.ru/articles/esli-ne-spasti-unikalnyi-endemik-kaspiya-segodnya-zavtra-budet-uzhe-pozdno-id864314/>.
6. *Blum D.* Beyond Reciprocity: Governance and Cooperation around the Caspian Sea. In *Environmental Peacemaking* /Edited by K. Conca, and G. Dabelko. 2002. P. 161–190.
7. *Касымова А.* Казахстан добыл 84,2 млн тонн нефти в 2022 году. https://www.inform.kz/ru/kazahstan-dobyl-84-2-mln-tonn-nefti-v-2022-godu_a4022339#:~:text=%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%90,100%25%20%D0%BA%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%83%202022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.
8. *Рожков И.С.* Механизмы многостороннего взаимодействия прикаспийских государств на современном этапе // Дис. ... к. полит. н. М., 2022 г.
9. *Металлов Г.Ф., Гераскин П.П., Аксёнов В.П., Левина О.А.* Многолетний мониторинг физиологического состояния основных видов каспийских осетровых рыб // Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство. 2016. № 1. С. 88–98.
10. *Рубан Г.И., Ходоревская Р.П., Шатуновский М.И.* О влиянии строительства плотин в Волго-Каспийском бассейне на состояние популяций осетровых и о мерах по сохранению их численности // Вопросы рыболовства. 2018. Т. 19. № 2. С. 139–148.
11. *Vayratov A.* The reality of environmental cooperation and the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. № 4. Pp. 500–519. DOI: 10.1080/02634937.2020.1815653.
12. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. <http://kremlin.ru/supplement/5328>.
13. *Мамедов Э.* Важной задачей Прикаспия является переход на экономики инновационного характера. casp-geo.ru/elshad-mamedov-vazhnoj-zadachej-prikaspiya-yavlyaetsya-perehod-na-ekonomiki-innovatsionnogo-haraktera/.
14. *Nejat S.A., Hermidas D. Bavand, Farshchi P.* Environmental challenges in the Caspian Sea and international responsibility of its littoral states. https://cjes.guilan.ac.ir/article_2953.html.

REFERENCES

1. *Orudzhaliyeva Z.* The Caspian is on the verge of disaster: residents of coastal countries may be left without fish // рыбы // <https://az.sputniknews.ru/20210826/Kaspiy-na-poroge-katastrofy-zhiteli-pribrezhnykh-stran-mogut-ostatsya-bez-ryby-427780428.html>. (In Russ.).
2. Report of the Interim Secretariat of the Tehran Convention on the State of the Environment of the Caspian Sea Caspian Sea State of the Environment 2019. Norway: Grid Arenda, 2020. (In Russ.).
3. *Osadchy A.* Big oil of the Caspian // <https://www.nkj.ru/archive/articles/5119/>. (In Russ.).
4. *Pylin A.G.* Features of trade and economic interaction between the Caspian region countries in the new geo-economic reality. – *Geoeconomics of Energetics*. 2023. № 2 (22). P. 60–71. (In Russ.).
5. *Tasmagambetova A.* If the unique endemic of the Caspian Sea is not saved today, it will be too late tomorrow" // <https://www.vokrugsveta.ru/articles/esli-ne-spasti-unikalnyi-endemik-kaspiya-segodnya-zavtra-budet-uzhe-pozdno-id864314/>. (In Russ.).
6. *Blum D.* Beyond Reciprocity: Governance and Cooperation around the Caspian Sea. In *Environmental Peacemaking* /Edited by K. Conca, and G. Dabelko. 2002. P. 161–190.
7. *Kasymova A.* Kazakhstan produced 84.2 million tons of oil in 2022. https://www.inform.kz/ru/kazahstan-dobyl-84-2-mln-tonn-nefti-v-2022-godu_a4022339#:~:text=%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%90,100%25%20%D0%BA%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%83%202022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0. (In Russ.).
8. *Rozhkov I.S.* Mechanisms of multilateral interaction of the Caspian states at the present stage // Dis. ... Ph.D. M., 2022. (In Russ.).
9. *Metallov G.F., Geraskin P.P., Aksenov V.P., Levina O.A.* Long-term monitoring of the physiological state of the main species of Caspian sturgeons // *Bulletin of ASTU. Series: Fisheries*. 2016. No. 1. Pp. 88–98. (In Russ.).
10. *Ruban G.I., Khodorevskaya R.P., Shatunovsky M.I.* On the impact of the construction of dams in the Volga-Caspian basin on the state of sturgeon populations and on measures to preserve their numbers // 2018. *Fishing issues*. V.19. No. 2. Pp. 139–148. (In Russ.).
11. *Bayramov A.* The reality of environmental cooperation and the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. № 4. P. 500–519. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1815653>.
12. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea <http://kremlin.ru/supplement/5328>. (In Russ.).
13. *Mamedov E.* An important task of the Caspian Sea is the transition to an innovative economy // <http://casp-geo.ru/elshad-mamedov-vazhnoj-zadachej-prikaspiya-yavlyayetsya-perехod-na-ekonomiki-innovatsionnogo-haraktera/>. (In Russ.).
14. *Nejat S.A., Hermidas D. Bavand, Farshchi P.* Environmental challenges in the Caspian Sea and international responsibility of its littoral states // https://cjes.guilan.ac.ir/article_2953.html.

Дата поступления рукописи: 23.06.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дадабаева Зарина Абдурахмановна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2454-3259
zarinad.17.06@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zarina A. Dadabayeva – Doctor of Political Sciences, leading researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2454-3259
zarinad.17.06@list.ru

COOPERATION OF THE CASPIAN COUNTRIES IN THE ENVIRONMENTAL SPHERE: PROBLEMS AND PROSPECTS

The Caspian Sea, a unique enclosed body of water, is not only home to endemics, but is also navigable and rich in important economic resources such as oil, fish, sand, and recreational resources. The author analyzes a negative impact the intensive economic activity in the Caspian countries has on the ecology of the region. Thanks to international and local environmentalists, the governments of the Caspian countries have realized the need to take environmental issues into account in the process of further economic integration, without reducing the intensity of economic activity in the countries of the region. In this study, the author attempts to show the significance of the adopted Tehran Convention and the role of interstate cooperation in solving environmental problems.

Keywords: *Caspian Sea, ecological problems, climate change, Tehran Convention, anthropogenic factors, cooperation of the Caspian states, consequences of oil production.*

JEL: F02, F15, F53 F64, F63.

БОНГ ЧХОЛЬ КИМ

кандидат юридических наук,
профессор Университета иностранных языков Хангук

И.А. КОРГУН

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВУСТОРОННИХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ
И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ¹**

В статье рассматриваются некоторые аспекты правовых основ сотрудничества между Республикой Корея (РК) и Европейским союзом (ЕС). Основная идея заключается в том, что в условиях современной глобализации на отношения между сторонами оказывают влияние не только прямые договоры, заключенные ими, но и договоры, принятые международным сообществом, прежде всего международными организациями. Большое внимание уделяется Рамочному соглашению между РК и ЕС по урегулированию кризисов. По мнению авторов, данное соглашение в структуре договорно-правовой базы представляет особый интерес с точки зрения расширения сфер двусторонних отношений между РК и ЕС и выходу их за пределы традиционных сфер сотрудничества. Авторы обращают внимание на то, что в случае Республики Корея весьма отчетливо проявляется «нормативная сила» ЕС, являющаяся частью международной его идентичности в контексте генерирования и установления новых нормативных правил, и приводят примеры, как РК адаптировала внутреннее законодательство под действие заключенных торговых соглашений с ЕС. В статье подробно анализируются три соглашения, которые создают правовую инфраструктуру сотрудничества между сторонами, а также базис для выстраивания взаимоотношений. К ним относятся Рамочное соглашение о сотрудничестве РК-ЕС (в версии от 2010 г.), Соглашение о свободной торговле РК-ЕС (2011), Соглашение, устанавливающее порядок участия РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов (2016). Эти соглашения существенно расширили рамки сотрудничества между партнерами за пределы традиционных сфер экономики и культуры.

Ключевые слова: *двустороннее сотрудничество, правовое регулирование сотрудничества, Республика Корея, Европейский союз, Соглашение о свободной торговле.*

УДК: 339.9

EDN: QVCSIOJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_166_180

¹ И. Коргун выражает благодарность за стипендию Корейского фонда для полевых исследований 2023 г., полученную в качестве поддержки для проведения данного исследования.

I. Введение

В 2023 г. Республика Корея (РК) и Европейский союз (ЕС) отмечают 60-летнюю годовщину установления дипломатических отношений. За прошедшие десятилетия обеими сторонами была создана обширная договорно-правовая база, позволяющая сотрудничать по широкому кругу двусторонних, региональных и международных вопросов. Сотрудничество это может осуществляться как на национальном уровне (отношения отдельных европейских стран с РК), так и на наднационально-национальном (в случае если субъектом отношений выступает ЕС) и на международном уровне (в случае кооперации в рамках международных организаций – ВТО, ООН, ОЭСР и пр.). Существующие договоры создают стабильную и предсказуемую правовую инфраструктуру, которая наряду с правилами, определяющими порядок сотрудничества по экономическим и прочим вопросам, позволяет оперативно реагировать на новые вызовы международной среды и принимать превентивные меры на такие угрозы, как терроризм или распространение ядерного оружия, либо реагировать на изменения в социально-экономической сфере, вызванные цифровизацией.

В данной статье авторы рассматривают некоторые аспекты правовых основ сотрудничества между РК и ЕС. Основная идея заключается в том, что в условиях современной глобализации на отношения между сторонами оказывают влияние не только прямые договоры, заключенные ими, но и договоры, принятые международным сообществом, прежде всего международными организациями. Большое внимание уделяется Рамочному соглашению о сотрудничестве РК-ЕС и Соглашению о порядке участия РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов. По мнению авторов, данные соглашения в структуре договорно-правовой базы представляют особый интерес в связи с расширением сфер двусторонних отношений между РК и ЕС и выходу их за пределы традиционных сфер сотрудничества. Авторы обращают внимание на то, что в случае РК весьма отчетливо проявляется «нормативная сила» ЕС, являющаяся частью международной идентичности в контексте генерирования и установления новых нормативных правил. В статью приводятся примеры, как РК адаптировала внутреннее законодательство под действие заключенных с ЕС торговых соглашений.

Среди многообразия принятых РК и ЕС правовых документов три из них имеют особую значимость, а именно, Соглашение о свободной торговле между РК и ЕС (далее – ССТ РК-ЕС); Рамочное соглашение о сотрудничестве РК-ЕС (в версии от 2010 г.) (далее РС) и Соглашение, устанавливающее порядок участия РК в специальных операциях ЕС по урегулированию кризисов. Данные три

соглашения формируют всю правовую инфраструктуру сотрудничества между сторонами и создают базис для выстраивания взаимоотношений. Так, ССТ РК-ЕС является фундаментальным документом, регулирующим торгово-экономические отношения между партнерами. Более того, как будет показано в статье, это соглашение создало международный прецедент в части включения вопросов устойчивого развития в тексты торговых договоров, а РС значительно повысило статус отношений между сторонами до уровня стратегического партнерства. Наконец, соглашение по участию РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов создало новое поле для сотрудничества между партнерами за пределами традиционных сфер экономики и культуры.

Эти три соглашения оказывают большее воздействие на отношения между партнерами по сравнению с международными нормами, закрепленными в документах ВТО или ООН. Однако в некоторых случаях, когда вопросы выходят за рамки двусторонних и затрагивают вопросы международных отношений, могут применяться международные договоры. Наиболее ярким примером здесь являются торговые споры в ВТО. Таким образом, трехуровневая правовая инфраструктура отношений между РК и ЕС является примером усложнения системы регулирования двусторонних отношений, которая в современных условиях должна гибко реагировать на возникающие вызовы и происходящие изменения.

II. Трехуровневая правовая инфраструктура в отношениях РК-ЕС

Договоры, регулирующие отношения между РК и ЕС, условно можно представить в виде трехуровневой системы. Эта система состоит из многосторонних договоров, договоров ЕС-РК и двусторонних договоров между РК и отдельными странами ЕС.

Многосторонний уровень представлен договорами ВТО, ООН и других международных организаций. Многосторонние договоры, участниками которых являются РК и ЕС, позволяют применять их для регулирования вопросов двусторонних отношений. В этом случае действие двусторонних правовых документов может основываться на принципах, заложенных в международных актах, либо более конкретно определять правовые обязательства сторон в вопросах, касающихся взаимных отношений.

Международные договоры и иные правовые документы, участниками которых являются многие страны, соотносятся с двусторонними международными договорами исходя из юридического принципа «общего и специального закона». Согласно данному принципу, если

«специальные законы» не имеют других правил, отличных от общего закона, то они могут быть применены для решения конкретной проблемы вместо «общих законов». Следовательно, страны, являющиеся субъектами отношений в рамках «специального закона», в определенных случаях могут руководствоваться положениями специального закона, а не общего.

Стороны также могут руководствоваться нормативными документами ООН в соответствующих областях двусторонних отношений. Здесь можно привести в качестве примера борьбу с терроризмом и проблему беженцев, весьма актуальных для ЕС, а также уже упоминавшиеся проблемы безопасности на Корейском полуострове и соблюдения прав человека в Северной Корее. Страны – члены ООН могут использовать правила ООН для решения подобных деликатных вопросов во многих областях двусторонних отношений.

Некоторые законы могут содержать дополнительные положения, разрешающие применение «специального закона». Показательным примером являются отсылки на порядок действия соглашений о свободной торговле в части их соответствия правилам ВТО. Договоры ВТО определяют порядок действия Соглашений о свободной торговле (ССТ), следующими тремя положениями: статья XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ); так называемая разрешающая оговорка; Статья V Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) [1]. Когда член ВТО заключает Соглашение о свободной торговле, посредством которого он предоставляет одной из стран – членов ВТО более благоприятные условия торговли по сравнению с условиями для других стран – членов ВТО, то он, по сути, отходит от принципа недискриминации, определенного в статье I ГАТТ, а также ряда других правил. Положения о порядке действия ССТ снимают данное противоречие. Таким образом, Корея и ЕС, два партнера по ССТ и одновременно члены ВТО, могут взаимно предоставлять более благоприятные торговые условия в рамках Соглашения о свободной торговле РК-ЕС, нежели это закреплено в универсальных принципах ВТО [2].

Три вышеупомянутых наиболее значимых договора, заключенных РК и ЕС, применяются для регулирования как традиционных сфер взаимоотношений, так и отношений по относительно новым вопросам.

Рамочное соглашение носит достаточно общий характер. В нем содержатся общие положения о сотрудничестве, оно обеспечивает основу для укрепления сотрудничества и диалога в различных областях. Так, стороны обязуются на взаимной основе сотрудничать и обмениваться мнениями на региональных и международных форумах, участвовать в работе различных организаций, в том числе Орга-

низации Объединенных Наций (ООН), Международной Организации Труда (МОТ), Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), ВТО, Форума «Азия–Европа» (АСЕМ) и Регионального форума АСЕАН. Соглашение также способствует сотрудничеству в секторах, жизненно важных для экономического роста, таких как наука и технологии, инновации, образование и окружающая среда [3]. В 2010 г. в данный документ были внесены поправки, которые повысили статус взаимоотношений до уровня стратегического партнерства. Данный документ состоит из 10 секций, 53 статей и технического подправила. В нем рассматривается широкий спектр международных проблем, включая нераспространение оружия массового поражения, права человека, сотрудничество в борьбе с терроризмом, изменение климата, энергетическую безопасность и помощь в целях развития.

ССТ и Соглашение об участии РК в специальных операциях ЕС, наоборот, весьма детализированы, определяют принципы сотрудничества в конкретных областях, права и обязанности сторон. Более подробно речь о двух данных соглашениях и их особенностях пойдет в следующей части статьи.

РК и любая страна – член ЕС также могут заключать двусторонние соглашения в целях детализации отдельных актуальных вопросов взаимного сотрудничества. Эти договоры могут предоставлять льготы только странам – партнерам по соглашению. Например, между РК и Чешской Республикой был подписан ряд договоров (табл. 1), которые устанавливают особые отношения между двумя государствами [4].

Данные договоры являются примером того, как одна из стран – членов ЕС развивает и расширяет сотрудничество с РК в различных областях и создает для этого договорно-правовую базу. Подобные двусторонние договоры служат взаимным интересам сторон и позволяют гибко учитывать приоритеты в развитии сотрудничества каждого из партнеров². При этом данные двусторонние соглашения гармонизированы с общеевропейским регулированием и не должны противоречить ему [5].

² Эти договоры между странами могут охватывать те сферы сотрудничества, которые не регулируются ССТ или Рамочным соглашением о сотрудничестве.

Таблица 1

Некоторые договоры между Республикой Корея и Чешской Республикой

Название договора	Год подписания соглашения
Соглашение между Правительством Чешской и Словацкой Федеративной Республики и Правительством Республики Корея об авиационном обслуживании	1990 г.
Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Чешской и Словацкой Федеративной Республики и Правительством Республики Корея	1990 г.
Соглашение между Правительством Чешской и Словацкой Федеративной Республики и Правительством Республики Корея о привлечении и взаимной защите инвестиций	1992 г.
Конвенция между Чешской и Словацкой Федеративной Республикой и Республикой Корея об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы	1992 г.
Соглашение между Правительством Чешской Республики и Правительством Республики Корея об отказе от виз	1994 г.
Соглашение между Правительством Чешской Республики и Правительством Республики Корея о культурном сотрудничестве	1994 г.
Соглашение между Правительством Чешской Республики и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области науки и технологий	1995 г.
Соглашение между правительством Чешской Республики и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии	2001 г.
Соглашение между Министерством образования, молодежи и спорта Чешской Республики и Министерством культуры и туризма Республики Корея о сотрудничестве в области молодежи на 2003–2005 годы	2003 г.
Соглашение между Министерством информатики Чешской Республики и Министерством информации и связи Республики Корея о сотрудничестве в области информационных и коммуникационных технологий	2004 г.
Соглашение между Министерством промышленности и торговли Чешской Республики и Министерством иностранных дел и торговли Республики Корея об экономическом сотрудничестве	2009 г.
Соглашение между Чешской Республикой и Республикой Корея о программе рабочих отпусков	2011 г.

Источник: составлено авторами.

III. Место ССТ и Соглашения, устанавливающего порядок участия РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов, в правовой инфраструктуре отношений РК и ЕС и их особенности

Соглашение о свободной торговле между Республикой Корея и ЕС, подписанное в 2010 г., стало фундаментальным правовым инструментом для обеспечения благоприятных условий двустороннего экономического партнерства. Данное соглашение является первым крупным торговым соглашением ЕС, заключенным после принятия стратегии «Глобальная Европа». Кроме того, ССТ с РК стало первым договором подобного рода, заключенным со страной в Восточной Азии, а также первой торговой сделкой ЕС со страной Азии. Экономическое сотрудничество между двумя партнерами на основе ССТ улучшилось во многих отношениях. Текст ССТ между РК и ЕС состоит из 15 глав, нескольких приложений и дополнений, трех протоколов и четырех договоров [6].

Несмотря на то что действие ССТ распространяется преимущественно на торгово-экономические отношения, его особенностью является то, что оно напрямую затрагивает неэкономические сферы отношений между партнерами. Прежде всего здесь стоит упомянуть о наличии в тексте соглашения Протокола о Культурном сотрудничестве в качестве его составной и неотъемлемой части. Данный протокол призван обеспечить защиту и поощрение разнообразия форм культурного самовыражения в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО. С одной стороны, он восполняет то, что в Рамочном соглашении от 1996 г., которое действовало на момент обсуждения текста ССТ и еще не было обновлено (это произошло только в 2010 г., когда ССТ уже было подписано), практически не затрагивались вопросы культурного взаимодействия – это выходило за рамки сугубо экономического сотрудничества.

С другой стороны, данный протокол все же позволяет РК обходить внутренние ограничения ЕС при импорте культурного контента. Речь, прежде всего, идет об экранных квотах, которые ограничивают время показа иностранных фильмов в европейских кинотеатрах некоторыми странами (например, Францией). Согласно протоколу, если съемки корейского кино проходили на территории стран ЕС, либо в съемках принимали участие европейские актеры, либо съемка осуществлялась в том числе за счет средств европейских фондов, тогда квоты пересматриваются и корейское кино становится доступно для более широкого проката на территории стран ЕС.

Статья 12 Протокола об Определении происхождения продукции и методах административного сотрудничества в ССТ между Кореей

и ЕС предусматривает особый режим для продукции, произведенной на территории Кэсонского Промышленного Комплекса (КПК) в Северной Корее. Приложение IV Протокола содержит подробную информацию о Комитете по зонам переработки вне таможенной территории. Согласно данному положению, в ведении Комитета находятся вопросы определения критериев зон переработки вне таможенной территории, подобных Кэсонскому промышленному комплексу, и особого режима для подобных зон в рамках ССТ.

Еще одним новшеством ССТ РК-ЕС стало наличие так называемой 13-й главы, в которой обсуждаются вопросы устойчивого развития. До заключения ССТ РК-ЕС вопросы устойчивого развития не включались в подобные соглашения ни ЕС, ни РК, ни другими странами, и оно создало своеобразный прецедент, поскольку ЕС стал включать данную главу в свои соглашения с другими азиатскими странами, например, с Вьетнамом. Также ССТ между РК и Великобританией (вступившее в силу в 2021 г.) получило схожую структуру и наполнение. Нужно отметить, что понятие «устойчивость» в ССТ РК-ЕС трактуется довольно широко в виду того, что сюда включается соблюдение прав трудящихся, а также прав человека.

Соглашение, устанавливающее порядок участия РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов, также известное как «Рамочное соглашение об участии, направленное на содействие будущему участию Кореи в операциях в рамках общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО)», было подписано в Сеуле в мае 2014 г. Оно предусматривает приглашение третьей стороны принять участие в операциях ЕС по урегулированию кризисов, а также устанавливает статус корейского личного состава, который будет направлен в командные пункты в случае реализации операции ОПБО. Этот двусторонний закон вступил в силу в декабре 2016 г. после ратификации каждой из сторон.

Документ соглашения состоит всего из 4 разделов, содержащих 16 статей. Раздел I содержит 4 статьи: «Решения, касающиеся участия», «Рамки», «Статус личного состава и вооруженных сил Республики Корея» и «Секретная информация» – в качестве общих положений. Они обеспечивают основные направления сотрудничества в этой области. В соответствии с положениями этого раздела Стороны соглашаются обмениваться информацией и решениями относительно приглашении к участию, вкладе каждой из сторон, а также о стоимости работ.

Разделы II и III представляют собой правила гражданских и военных видов операций ЕС по урегулированию кризисов. Раздел II посвящен участию в гражданских операциях ЕС по урегулированию кризисов. Статья 5 содержит правила по вопросу «Личного состава, прикомандированного к гражданским операциям ЕС по урегулированию

кризисов», а статья 6 устанавливает правила по вопросу «Субординации» и «Вклада в бюджет операции».

Раздел III (статьи с 9 по 12) посвящен правилам участия в операциях ЕС по урегулированию военных кризисов, а основная структура статей очень похожа на предыдущий раздел. Согласно положениям этих разделов, ЕС контролирует состав, командированный Кореей для участия в операциях ЕС по урегулированию кризисов. Корейское правительство назначает Контактный пункт национального контингента (НКП – для гражданских операций ЕС по урегулированию кризисов) и Старшего военного представителя (СВП – для операций ЕС по урегулированию военного кризисов), которые будут представлять свой национальный контингент в операциях.

Раздел IV представляет собой пакет заключительных положений. Здесь статья 13 посвящена «Мероприятиям по осуществлению Соглашения», статья 14 – вопросу «Несоответствия (нон-комплаенс)», статья 15 – «Урегулированию споров». Статья 16 предусматривает регулирование «Вступления в силу Соглашения, сроки и прекращение действия».

Данное соглашение создало новую область сотрудничества между партнерами на фоне того, что азиатские и европейские регионы сталкиваются со схожими проблемами в области безопасности. Так, для Европы актуальна проблема терроризма, от которой страдают многие страны – члены ЕС. Хотя изначально проблема терроризма не входила в общеевропейские цели, она стала катализатором обсуждения проблемы общеевропейской безопасности. В Восточной Азии вопрос безопасности всегда стоял довольно остро, что обуславливалось, с одной стороны, неурегулированностью проблемы ядерной программы КНДР, а с другой – наличием многочисленных территориальных споров между странами региона. Принимая во внимание важность вопросов безопасности для Европы и Восточной Азии, они становятся полем для сотрудничества, и отмеченный договор между РК и ЕС является подтверждением этому.

Таким образом, ССТ и Соглашение об участии РК в операциях по урегулированию кризисов оформили отношения между РК и ЕС в области экономики и безопасности, создав соответствующее правовое поле, а также существенно расширили границы двустороннего сотрудничества на новые области.

IV. Влияние договоров между РК и ЕС на национальное законодательство в РК и их новые сферы действия

В силу того, что действия ССТ РК-ЕС и Соглашения об участии РК в операциях по урегулированию кризисов распространились на относительно новые для двух сторон сферы сотрудничества, они стимули-

ровали некоторые изменения национальных законов в целях выполнения условий данных договоров и, соответственно, обеспечения более плодотворного и тесного сотрудничества сторон. Например, на фоне подписания ССТ в РК были приняты поправки в Таможенный Кодекс и Закон о расследовании несправедливых международных торговых практик и компенсационных мерах в промышленности (Закон о компенсаторных мерах в торговле). В них содержатся несколько специальных статей, например, статьи 22-3³, 22-4⁴, 22-5⁵ и 22-6⁶ в Законе о компенсаторных мерах в торговле, которые определяют порядок установления компенсации ущерба, возникшего вследствие действия ССТ. Помимо этого были приняты специальные законы, касающиеся ССТ, в частности «Закон об особых случаях применения Таможенного Кодекса для реализации Соглашений о свободной торговле». Несколько законов касаются реорганизации и поддержки отечественных отраслей промышленности. Приняты «Специальный закон о помощи фермерам, рыбакам и т. д., необходимость в которой возникла после заключения Соглашений о свободной торговле» и «Закон о помощи для адаптации к изменениям в торговле, возникшим вследствие действия Соглашений о свободной торговле». Последний состоит из 24 статей, которые в основном регламентируют поддержку предприятий, которые хотели бы провести реорганизацию бизнеса из-за изменений, возникших на фоне применения ССТ [7].

Вопросы изменения внутреннего законодательства по результатам переговоров по ССТ и их выполнения широко обсуждались в корейском обществе [8]. В 2011 г. был учрежден Закон о процедуре заключения и выполнения торговых договоров. Согласно данному закону, трудности, возникающие в процессе реализации ССТ, могут быть разрешены посредством активной роли Национальной Ассамблеи Южной Кореи, а также посредством взаимодействий между законодательной и административной ветвями власти.

Всего на протяжении 2008–2012 гг. правительством Республики Корея были внесены поправки в более чем 150 законодательных актов с целью приведения их в соответствие с принципами международного права, а также в связи с подписанием ССТ с ЕС и также с США. Это является примером своеобразной «интернационали-

³ Защитные меры по соглашениям о свободной торговле с иностранными государствами.

⁴ Сокращение реализации защитных мер в отношении партнеров по ССТ.

⁵ Меры поддержки торгового ущерба по увеличению импорта специальных товаров после заключения соглашения о свободной торговле.

⁶ Сотрудничество с иностранными государствами после ССТ.

зации» внутренних законов [9], когда они изменяются под воздействием внешних факторов.

Таким образом, действующие сегодня соглашения между РК и ЕС регулируют широкий круг вопросов, выходящих за рамки их прямого назначения. Рамочное соглашение, ССТ и Соглашение об участии РК в операциях по урегулированию кризисов могут обеспечить синергетический эффект в вопросах поддержания мира и региональной безопасности. Эти вопросы являются серьезной проблемой на Корейском полуострове и шире – в регионе Северо-Восточной Азии. В этом контексте международные законы могут быть полезными инструментами в их разрешении.

Согласно разделу II Рамочного соглашения о сотрудничестве между РК и ЕС, стороны будут вести диалог о сотрудничестве по таким политическим вопросам, как «Противодействие распространению оружия массового поражения» и «Стрелковое оружие и легкие вооружения». Цель этих действий – содействовать мирному решению международных или региональных конфликтов и укреплению роли ООН и других международных организаций⁷. Операции ЕС по общей политике безопасности и обороны (ОПБО) могут осуществляться на территории третьих стран по решению высшего органа ЕС, включая Северо-Восточную Азию. Это соглашение может иметь определенное практическое значение в вопросе поддержания мира на Корейском полуострове. Также определение специальных режимов в рамках ССТ может иметь эффект снятия политического напряжения в регионе, так как это в целом способствует развитию сотрудничества [10].

Соглашения между РК и ЕС могут быть использованы при решении новых важных проблем, к которым в условиях XXI в. относятся права человека и помощь социально-экономическому развитию. Раздел V Соглашения о Сотрудничестве посвящен проблеме устойчивого развития. В соответствии с международными правилами и, прежде всего, с Целями Устойчивого Развития (ЦУР) ООН, стороны определяют мероприятия, необходимые для достижения данных целей, в соответствии с правилами Рамочного соглашения. Конечно, некоторые положения Соглашения ЕС об операциях по кризисному регулированию также могут быть использованы в качестве косвенных способов достижения этой цели. Так, правила ССТ бывают связаны с вопросами прав человека или даже с вопросами развития. Например, многие соглашения о свободной торговле содержат положения о занятости и условиях

⁷ Кроме того, положения о «Наиболее серьезных преступлениях, вызывающих обеспокоенность международного сообщества» и «Сотрудничестве в борьбе с терроризмом» также могут быть полезны для установления общей политики по поддержанию мира в этом регионе.

труда. При этом последние могут выступать предметом международных разбирательств, как это имело место в случае с Кэсонским промышленным комплексом. Деятельность КПК в условиях глобализации должна удовлетворять международным трудовым и экологическим стандартам⁸. Для укрепления торговых отношений между Республикой Корея и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) существенное значение имеет улучшение условий труда северокорейских рабочих [11]. Здесь европейский стандарт условий труда и прав человека может служить в качестве ориентира.

В последнее время проблема развития является одной из наиболее обсуждаемых в РК. Официальная помощь в целях развития (ОПР) предоставляется развивающимся странам международными организациями или развитыми странами в виде кредитов, технической помощи и т. д. РК относительно недавно стала предоставлять подобную помощь, поэтому ее опыт в качестве донора и осведомленность о проектах развития ограничены [12]. При этом европейский опыт в этой области может оказать положительное влияние на корейские программы в области помощи по развитию⁹.

Наряду с позитивными изменениями, которым способствовали соглашения РК с ЕС, возникли и определенные сложности. В частности, что посредством ССТ Европейский Союз создал рычаг влияния на корейское правительство в некоторых вопросах. Так, в корейском обществе большой резонанс вызвал случай, когда ЕС инициировал разбирательство в отношении в РК за то, что страна не присоединилась к некоторым договором Международной организации труда, как она обещала сделать на момент обсуждения ССТ. Для РК этот вопрос всегда был довольно чувствительным в силу реализации уже упоминавшегося проекта Кэсонского торгового комплекса на территории КНДР, где были заняты северокорейские рабочие. И хотя по условиям ССТ в отношении РК не могут быть применены санкции за несоблюдение данной договоренности, угроза разбирательства и возможные компенсаторные меры против корейского промышленного сектора заставили правительство в 2021 г. ратифицировать Конвенцию 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» (the Convention concerning Forced or Compulsory Labour No. 29), Конвенцию 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» (the

⁸ Если корейские соглашения о свободной торговле помогут улучшить трудовое законодательство в КПК, то они будут полезными и для поиска некоторых решений в сфере труда или проблем прав человека в Северной Корее.

⁹ ЕС установил «европейский стиль» в административной, судебной и даже в области прав человека и развития на основе многих соглашений и законов о сотрудничестве, таких, например, как Лиссабонский договор 2007 г.

Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention No. 87), и Конвенция 98 «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» (the Right to Organise and Collective Bargaining Convention No. 98). В итоге под давлением РК была вынуждена присоединиться к международным договорам, но одновременно данная ситуация заставила осознать возможности ЕС в использовании своей «нормативной силы», основанной на «мягкой силе» европейских ценностей [13].

Данный прецедент заставляет южнокорейские власти довольно осторожно подходить к обсуждению возможности перезаключения ССТ, на чем настаивает ЕС, либо заключения нового ССТ в области цифровой торговли.

V. Заключение

В 2023 г. отмечается 60-летие установления дипломатических отношений между ЕС и Республикой Корея. Эти взаимоотношения благодаря созданной нормативно-правовой базе позволили решить широкий спектр вопросов, касающихся социально-экономического развития РК. В течение нескольких последних десятилетий РК и ЕС приняли три базовых соглашения: Рамочное соглашение о сотрудничестве, ССТ и Соглашение, устанавливающее порядок участия РК в операциях ЕС по урегулированию кризисов. Они устанавливают всеобъемлющий характер сотрудничества, которое сегодня выходит за пределы сотрудничества в сфере экономики и культуры, долгое время доминировавшего в двустороннем диалоге. При этом Соглашение о свободной торговле имеет особое значение еще и потому, что оно оказало существенное влияние на изменение внутреннего законодательства РК, которое после принятия ССТ было адаптировано под новые международные стандарты. Также это соглашение включало главу об устойчивом развитии.

Постоянное расширение сфер двустороннего сотрудничества заставляет РК и ЕС искать способы их регулирования посредством договоров. Изменение международной среды и возникновение новых актуальных вопросов, таких как экономическая безопасность и цепочки поставок, развитие цифровых технологий, изменение климата и энергетика, кибербезопасность и пр., будет обуславливать расширение нормативно-правовой базы сотрудничества. В то же время, принимая во внимание тот факт, что ЕС обладает большей «нормативной силой» в международном пространстве и может оказывать на РК нежелательное давление, корейское правительство в будущем весьма осторожно и более тщательно будет подходить к своим обязательствам в договорах с европейскими партнерами. В этом случае двусторонний формат взаимодействия, который активно использу-

ется и сегодня в сотрудничестве с некоторыми странами – членами ЕС, может быть предпочтительнее.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Park Sung-Hoon*. Regionalism, Open Regionalism and Article XXIV GATT: Conflict and Harmony. In: Snyder, Francis (ed.) *Regional and Global Regulation of International Trade*, Hart Publishing, Oxford. 2002. P. 275.
2. *Winters L. Alan*. Preferential Trading Agreements: Friend or Foe? In: Bagwell, Kyle W., Mavroidis, Petros C. (Eds.) *Preferential Trade Agreements-A Law and Economics Analysis*, Cambridge University Press. 2011. P. 7.
3. *Kim Bong-Chul, Shin Eui-Chan, Park Kyung-Eun*. Establishing EU Norms as a Global Actor: Application of New Concepts in FTAs // *Journal of Global Business and Trade*. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 75–89. <http://dx.doi.org/10.20294/jgbt.2023.19.1.75>
4. *Kim Bongchul*. The Legal Tools for the Economic Cooperation between Korea and the Czech Republic. In: Moon Jaewan, Tomasek Michal (eds.). *Law Crossing Eurasia: From Korea to the Czech Republic*, Science & New Media. Passau-Berlin-Prague. 2015. Pp. 194–195.
5. *Eeckhout Piet*. The EU and its Member States in the WTO. In: Bartels, Lorand, Ortino, Federico (eds.). *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System*. Oxford University Press, Oxford, 2006. P. 463.
6. *Šedová Edita, Müller David*. European Union-Korea Free Trade Agreement. In: *Czech yearbook of Public and Private International Law*. Vol. 3. Czech Society of International Law. 2002. P. 264.
7. *Kim Ho, Yoon Seok-Man*. The Effects of Korean Trade-Related Laws on East Asian Developing Countries: Focusing on Sustainable Development Issues during the COVID-19 Outbreak // *Journal of International Trade & Commerce*. 2020. Vol. 16. No. 6. Pp. 247–258. <http://dx.doi.org/10.16980/jitc.16.6.202012.247>
8. *Park Chang-Hyun*. The Role of the National Assembly in the Process of Trade Negotiation. Korea Legislation Research Institute. 2008. Pp. 177–178.
9. *Bongchul Kim*. The changes of Korean Domestic Laws with the FTA system // *Chonbuk Law Review*. Vol. 44, May 2015. Pp. 424–427.
10. *Bongchul Kim and Ho Kim*. Analysis and Proposals to the Laws in the Kaesong Industrial Complex: For Better Regulations under New Environments on the Korean Peninsula // *Korea Journal*. Vol. 54. No. 4. 2014. P. 95.
11. *Lefkowitz Jay*. Freedom for all Koreans // *The Wall Street Journal*. April 28, 2006. <https://www.wsj.com/articles/SB114617333924237945> (accessed: 23.09.2023).
12. *Lee Tae Joo*. Korea Joins the Big League with a Donor-centric Approach. In: Wilks, Alex. (Ed.), *Aid and Development Effectiveness: Towards Human Rights, Social Justice and Democracy, Reality of Aid 2010*. IBON Books. Philippines. 2010. P. 234.
13. *Bong-Chul Kim, Eui-Chan Shin, Kyung-Eun Park*. Establishing EU Norms as a Global Actor: Application of New Concepts in FTAs // *Journal of Global Business and Trade*. Vol. 19. No. 1 (February 2023). P. 7–589. <http://dx.doi.org/10.20294/jgbt.2023.19.1.75>

Дата поступления рукописи: 19.09.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ким Бонг Чхоль – кандидат юридических наук, профессор Университета иностранных языков Хангук, Сеул, Республика Корея
bong625@hufs.ac.kr

Коргун Ирина Александровна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bongchul Kim – Ph.D in Law (King’s College London), Professor, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea
bong625@hufs.ac.kr

Irina A. Korgun – Ph.D. (Economics), Lead Research Fellow, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

LEGAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND THE EUROPEAN UNION

The Korea-EU relation has developed based on multilateral and bilateral legal infrastructures. Among the international legal document, the three bilateral agreements between Korea and EU provide the foundational basis for the bilateral relations. First agreement is the Korea-EU FTA which effectively became a legal tool creating favorable environment for development of the economic relations between the parties. Second is Korea-EU Framework Agreement, amended in 2010. It proclaimed a strategic partnership between Korea and the EU elevating the status of cooperation. Third is the Agreement establishing a framework for the participation of Korea in EU crisis management operations. This agreement created a new cooperation field between the partners.

The documents described above represent international legal infrastructures that directly regulate Korea-EU cooperation activities and in this they differ from multilateral documents such as the WTO or the UN laws which can provide rules for certain areas of bilateral cooperation but are not directly related to Korea-EU relations. International laws are cohesively becoming important in areas beyond trade relations and in future may change the paradigm of their bilateral dialogue. Although the two partners may have some challenges and different views of the laws and their application, they main purpose is to provide significant new engines in boosting cooperation between the partners.

Keywords: *bilateral relations, Korea, EU, international law, FTA.*

JEL: F50, K33.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

А.М. МАТЕВОСОВА

студент бакалавриата экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, старший лаборант Центра исследований
международной макроэкономики и внешнеэкономических связей
ФГБУН Институт экономики РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ НА ОСНОВЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

В 2022 г. российская экономика столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением со стороны коллективного Запада. В таких условиях правительству и ЦБ РФ необходимо осуществлять постоянный мониторинг экономической ситуации в нашей стране для принятия своевременных и эффективных мер. В решении данной задачи может помочь высокочастотный индикатор инфляционных ожиданий на основе больших данных. В работе рассматриваются недостатки существующих подходов к оценке инфляционных ожиданий населения, ставящие под сомнение возможность их применения в условиях санкций. На основе построенных высокочастотных индикаторов инфляционных ожиданий, санкционной обеспокоенности и упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий проанализировано влияние санкций на инфляционные ожидания российского населения. Данный способ оценки инфляционных ожиданий на основе больших данных подтвердил свою эффективность в условиях санкций и доказал влияние санкций на формирование инфляционных ожиданий российского населения.

Ключевые слова: санкции, инфляционные ожидания, высокочастотный индикатор, инфляция.

УДК: 330.47, 330.43, 336.748.12, 341.655

EDN: ZBJKRC

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_181_200

Введение

Важную роль при оценке последствий санкций играет не только их прямое влияние на российскую экономику посредством законодательных ограничений, но и восприятие санкций населением России в условиях высокой степени неопределенности. Для принятия эффективных мер по преодолению влияния антироссийских санкций на эко-

номику нашей страны и на инфляционные ожидания населения регулирующим органам РФ необходимо не только контролировать текущую экономическую ситуацию в России, но и оценивать перспективы развития национальной экономики в условиях проводимой недружественными государствами Запада и США санкционной политики для предотвращения последствий вводимых санкций. В решении данной задачи правительству и ЦБ РФ может помочь высокочастотный индикатор инфляционных ожиданий.

Инфляционные ожидания представляют собой один из важнейших показателей, отражающих текущее состояние экономики и влияющих на экономическую конъюнктуру в последующие периоды. Экономические агенты принимают решения на основе своих ожиданий относительно динамики цен в будущем, определяя, таким образом, объемы производства и инвестиций, потребления и сбережений. Инфляционные ожидания играют значимую роль в формировании составляющих основного макроэкономического тождества, спроса и предложения, а также цен в экономике. Инфляционные ожидания – важный фактор, влияющий не только на уровень инфляции и реальные экономические показатели, но и являющийся ориентиром для ЦБ при проведении денежно-кредитной политики и таргетирования инфляции.

Основная проблема использования показателя инфляционных ожиданий при анализе экономической ситуации – корректность и частота его измерения. Однако в условиях санкционного давления на российскую экономику необходим постоянный контроль за инфляционными ожиданиями населения, который позволил бы регулятору принимать своевременные решения. В настоящее время Банк России в основном опирается на низкочастотные и недостаточно репрезентативные инструменты при оценке инфляционных ожиданий (более подробно см. п. 1.1).

В данном исследовании рассматривается альтернативный способ измерения инфляционных ожиданий российского населения в условиях санкций с помощью высокочастотного индикатора инфляционных ожиданий на основе больших данных. Этот способ позволяет преодолеть недостатки применяемых способов оценки инфляционных ожиданий, что отражает его новизну и актуальность.

Целью работы является исследование влияния санкций на инфляционные ожидания российского населения на основе больших данных. Объектом исследования выступают инфляционные ожидания российского населения за сентябрь 2021 – декабрь 2022 г. Предметом исследования является формирование инфляционных ожиданий в ответ на санкционное давление.

Для достижения поставленной цели в работе поставлены и решены следующие задачи:

1. Проанализированы существующие подходы к измерению инфляционных ожиданий, выделены их преимущества и недостатки, а также рассмотрена их применимость при измерении инфляционных ожиданий в России в условиях санкций.

2. Построен высокочастотный индикатор инфляционных ожиданий российского населения на основе текстовой обработки комментариев в сети Интернет по методологии, предложенной И.О. Голощаповой [1].

3. Построены индикаторы упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий и санкционной обеспокоенности, на основе которых подтверждено влияние санкций на объект исследования; выявлены основные факторы, формирующие инфляционные ожидания населения.

1.1. Анализ существующих подходов к оценке инфляционных ожиданий и их применимости в условиях санкций¹

В настоящее время самый распространенный способ оценки инфляционных ожиданий опирается на результаты социологических опросов. Данный подход впервые был реализован Мичиганским университетом США во второй половине XX в., а сейчас он используется центральными банками во многих странах мира, в том числе и Банком России. Начиная с 2009 г. Фонд «Общественное мнение» (далее – ФОМ) проводит ежемесячные опросы населения по заказу Банка России с целью выявления инфляционных ожиданий и потребительских настроений российского населения. Важными преимуществами данного подхода являются репрезентативность выборки населения, а также возможность измерения инфляционных ожиданий, как на краткосрочном, так и на среднесрочном горизонте, согласно методике Банка России. С помощью опросов возможно оценивать не только инфляционные ожидания населения, но также инфляционные ожидания фирм и аналитиков на основе отдельных опросов, которые также проводятся Банком России. Но данный подход имеет ряд существенных недостатков:

1. *Чувствительность результатов к формулировке вопросов, к особенностям выборки и условиям проведения опроса.* Результаты социологических опросов подвержены эффекту фрейминга.

2. *Проблема квантификации и неустойчивости к способам расчета.* Для выявления инфляционных ожиданий в анкетах используются как качественные, так и количественные вопросы. Но оба типа вопросов

¹ В статье применен авторский способ нумерации параграфов.

имеют свои недостатки. Многие респонденты испытывают затруднения при ответе на количественные вопросы об оценке будущей инфляции либо же склонны систематически завышать значения как наблюдаемой, так и ожидаемой инфляции. Второй тип вопросов решает проблему систематического завышения, так как основывается на сравнении ожидаемой респондентом инфляции с наблюдаемой им и не требует от него количественных оценок. Но использование результатов такого вопроса в итоговых расчетах осложняется проблемой квантификации. В своих расчетах Банк России применяет вероятностный метод квантификации [9], недостатком которого является наличие априорного распределения ожиданий.

3. *Большие организационные издержки.* Опросы проводятся по месту жительства в режиме личного интервью. Поддержание репрезентативности выборки и корректности полученных данных в рамках этого подхода требует больших финансовых затрат.

4. *Низкая частотность измерения инфляционных ожиданий.* Сбор и обработка данных для расчета индикатора занимают длительное время, что делает практически невозможным публикацию результатов чаще одного раза в месяц и ведет к появлению временных лагов. Это является существенным недостатком данного способа измерения инфляционных ожиданий, так как не позволяет регулятору своевременно реагировать на изменение показателя, что критично в рамках проведения политики инфляционного таргетирования и текущей ситуации.

Низкая частотность делает проблематичным анализ влияния различных факторов на инфляционные ожидания, так как невозможно уловить распределение большого числа происходящих событий/новостей во времени внутри одного месяца, и в результате этого сложно выделить вклад каждого отдельного события. В текущих условиях постоянного давления на российскую экономику и введения все новых пакетов санкций необходимо своевременное реагирование регулирующих органов на происходящие изменения, а также дезагрегирование влияния потока новостей на инфляционные ожидания, что делает данный недостаток критичным для применения этого метода.

В отличие от подхода, базирующегося на опросах населения, второй, достаточно распространенный способ оценки инфляционных ожиданий, основанный на биржевых показателях, не обладает существенным недостатком первого подхода – низкой частотностью. Первый способ реализации биржевого подхода по оценке инфляционных ожиданий участников финансового рынка используется Европейским центральным банком и заключается в применении инфляционных свопов. Альтернативный способ применения биржевого подхода основан на оценке вмененной инфляции. Расчет вмененной инфляции

основан на разнице между номинальной и реальной кривой доходности [10]. В основном для этих целей используются облигации федерального займа. Успешным примером использования такого подхода служит исследование М.И. Жемкова, О.С. Кузнецовой [3], в котором рассматривается разница между номинальной и индексируемой на инфляцию доходностями облигаций федерального займа. Несмотря на такое важное преимущество данного подхода, как возможность высокочастотной оценки инфляционных ожиданий в режиме реального времени с низкими издержками, он имеет ряд существенных недостатков:

1. *Данный подход не отражает ожидания обычного населения и фирм, не являющихся участниками финансового рынка.* Также на результаты оценок влияют предпочтения инвесторов.

2. *Необходимость исключения влияния рисков и системных сдвигов в конъюнктуре финансового рынка при расчете инфляционных ожиданий.* В настоящее время выявление чистого вклада инфляционных ожиданий осложнено турбулентностью на финансовых рынках. Приостановка торгов на фондовой бирже весной 2022 г., ограничения для нерезидентов и изменение структуры торгуемых финансовых активов в результате введения санкций привели к существенному перераспределению рисков и изменению поведения инвесторов. Структурные изменения на финансовом рынке и возросшая неопределенность приводят к некорректности применения биржевого подхода для оценки инфляционных ожиданий и не позволяют проследить влияние санкций на них.

Существенные в условиях санкционного давления недостатки наиболее распространенных подходов по оценке инфляционных ожиданий ведут к необходимости поиска новых способов оценки инфляционных ожиданий, не обладающих недостатками первых двух подходов. Такими способами являются методики оценки инфляционных ожиданий на основе анализа больших данных. Эти подходы обладают следующими ключевыми преимуществами: высокой частотностью расчетов в режиме реального времени при сохранении низких издержек осуществления расчетов, а также возможностью выявления внешних факторов, влияющих на динамику инфляционных ожиданий. Репрезентативность в подходах на основе анализа больших данных обеспечивается широким использованием населением сети Интернет.

Таким образом, можно отметить следующие преимущества использования методов оценки инфляционных ожиданий на основе больших данных сети Интернет:

1. *Высокая частотность и возможность получения результатов в режиме реального времени;*
2. *Низкие издержки осуществления расчетов;*

3. Репрезентативность в результате широкого охвата аудитории;
4. Возможность пересчета показателей в случае корректировки правил.

Обоснованность использования данных сети Интернет объясняется значительным влиянием экономических новостей на формирование инфляционных ожиданий населения [8].

Характерно, что серьезным толчком к проведению исследований в этой области послужил мировой экономической кризис, начавшийся в 2008 г. Кризис требовал получения оперативной информации об экономических показателях для своевременной реакции регулятора и тем самым выявил недостатки существующих подходов к оценке некоторых экономических показателей. Низкая частотность измерения таких показателей, как безработица, экономическая активность и различные виды ожиданий экономических агентов, не позволяла своевременно реагировать на изменения данных показателей и проводить эффективную стабилизационную политику в силу большого внутреннего лага. Эта проблема вынудила искать способы высокочастотной оценки данных показателей.

Первые исследования в области высокочастотных измерений экономических показателей на основе данных сети Интернет были опубликованы в 2009–2010 гг., в них на основе данных запросов в поисковой системе Google оценивался текущий уровень безработицы [7; 13] или экономической активности [12]. Одним из первых примеров использования больших данных при оценке инфляционных ожиданий является исследование Гузман [14], основанное на статистике поисковых запросов слова «инфляция» по данным Google Trends.

Высокая частотность в совокупности с хорошей точностью данного метода подтверждают эффективность и перспективность методов на основе больших данных для оценки инфляционных ожиданий. Частота поисковых запросов в браузере отражает степень заинтересованности населения проблемой инфляции, но только косвенным образом показывает степень обсуждаемости данного явления среди населения. Поэтому следующим этапом развития исследований в области использования больших данных для оценки инфляционных ожиданий являются работы на основе анализа данных популярных социальных сетей и комментариев интернет-пользователей. Уже есть примеры реализации данных подходов в различных странах мира: Аргентине [6], Италии [5] с использованием данных распространенной в тех регионах мира социальной сети Twitter.

Одной из первых российских публикаций в этой области является работа И.О. Голощаповой и М.Л. Андреева [2]. В своей диссертации [1] И.О. Голощапова предложила общую методику построения высокочастотных индикаторов экономических ожиданий населения для разных областей экономических ожиданий на основе анализа

больших объемов текстовых данных. Сама методика основана на подсчете числа комментариев, релевантных заданной области экономических ожиданий населения среди всех комментариев к новостям по заданной тематике. Таким образом, методика учитывает не только обсуждаемость конкретной темы в результате анализа комментариев, но также корректирует полученные результаты на медиа-ожидания. Более подробно методология И.О. Голощаповой будет рассмотрена в параграфе 1.2 при построении высокочастотного индикатора инфляционных ожиданий. Также в работе И.О. Голощаповой предложен алгоритм выявления факторов, с которыми население связывает изменения экономических ожиданий. Он будет применен автором в параграфе 2.2 при построении высокочастотных индикаторов упоминаемости факторов в контексте инфляционных ожиданий. Эта методика позволяет в режиме реального времени выявлять причины наблюдаемых изменений экономических ожиданий населения и может помочь регулятору своевременно принимать необходимые меры для предотвращения нежелательных колебаний экономических показателей.

Методология, описанная И.О. Голощаповой в исследовании, была успешно апробирована ею посредством построения соответствующего индикатора инфляционных ожиданий российского населения с января 2014 по февраль 2018 г. Проведенное автором статьи исследование также подтверждает эффективность данной методологии на основе рассмотрения инфляционных ожиданий российского населения за период с сентября 2021 г. по конец 2022 г. в условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику.

1.2. Построение высокочастотного индикатора инфляционных ожиданий

В данной статье автором построен высокочастотный индикатор инфляционных ожиданий по методологии И.О. Голощаповой, которая была описана ею в диссертации [1] и апробирована в проекте «Big Data Indicators».

Методика построения индикатора включает в себя несколько основных этапов.

На первом этапе необходимо составить репрезентативную выборку СМИ и источников, содержащих комментарии населения к новостным материалам этих СМИ. Второй этап включает отбор новостей, соответствующих тематике инфляции. На третьем этапе отбираются комментарии к заданному на предыдущем этапе тематическому набору новостей, содержащие упоминания об инфляции. Отбор новостей и комментариев релевантных тематике инфляционных ожиданий осуществляется с помощью регулярных выраже-

ний. Четвертый этап включает непосредственный расчет временного ряда индикатора инфляционных ожиданий на основе полученных на предыдущих этапах данных. Индикатор инфляционных ожиданий в определенный период времени рассчитывается как отношение числа тематических комментариев, отобранных на этапе 3, к числу тематических новостных постов, отобранных на этапе 2, за данный промежуток времени. Стоит подчеркнуть, что тематические комментарии, отобранные на этапе 3, относятся только к выделенным на втором этапе постам. Рассчитанный индикатор отражает интенсивность инфляционных ожиданий и аппроксимирует инфляционные ожидания населения.

Отметим, что на интенсивность обсуждения темы инфляции российским населением влияют как непосредственно инфляционные ожидания населения, так и частота публикаций новостных статей СМИ на данную тему. Поэтому деление на количество постов, релевантных тематике инфляции, необходимо для нивелирования эффекта искусственной популяризации темы со стороны СМИ и выделения вклада инфляционных ожиданий населения.

Переходя к применению данной методики, на первом этапе была составлена выборка из 10 крупных российских СМИ, публикующих экономические новости (см. рис. 1).

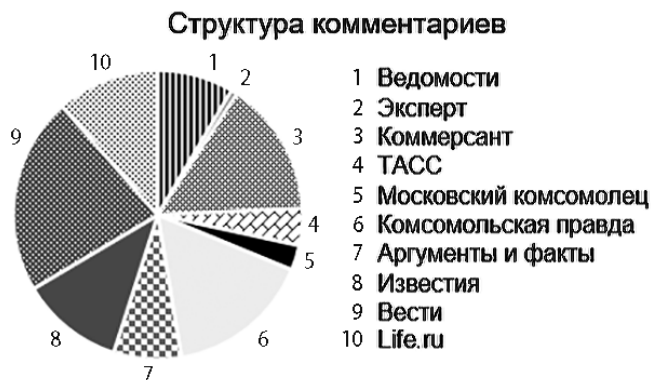

Источник: расчеты автора.

Рис. 1. Распределение отобранных постов социальной сети ВКонтакте по новостным источникам

В качестве источника для сбора комментариев к статьям СМИ были выбраны официальные страницы этих СМИ в социальной сети ВКонтакте, которая является одним из основных ресурсов для обсуждения новостей российским населением. На втором этапе были выделены посты, соответствующие тематике инфляции и опубликованные данными СМИ на официальных страницах в сети ВКонтакте. Отбор про-

исходил по принципу наличия в тексте постов ключевых слов с основной «инфляци». Всего было отобрано 2323 новостных постов, их распределение по новостным источникам представлено на рис. 1. Затем были собраны комментарии к выделенным постам. Всего было собрано 19 700 комментариев за период с сентября 2021 по декабрь 2022 г. Структура распределения комментариев на официальных страницах ВКонтакте выбранных СМИ представлена на рис. 2. Все данные о постах и комментариях были собраны с помощью написанной автором программы на Python², использующей библиотеку request и методы vk api.

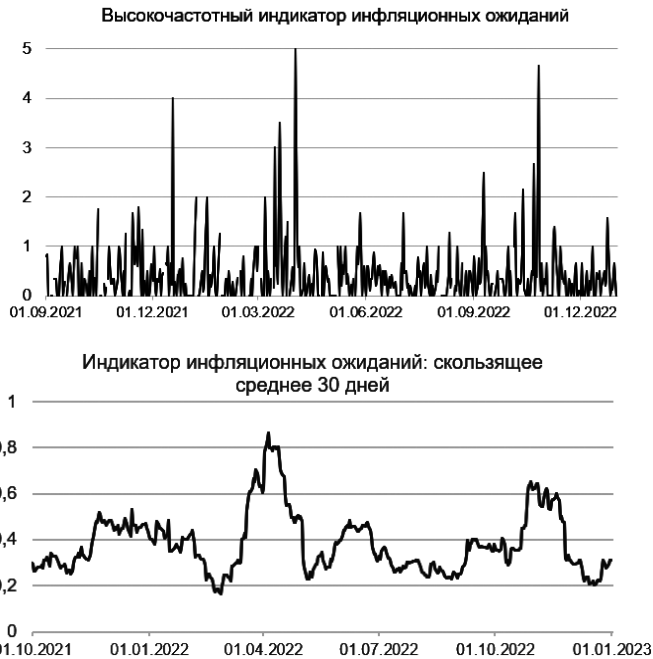

Источник: расчеты автора.

Рис. 2. Распределение комментариев к отобранным постам социальной сети ВКонтакте по новостным источникам

На третьем этапе среди собранных комментариев к тематическим постам на основе правил отбора с использованием регулярных выражений были выделены комментарии, упоминающие инфляционные ожидания. Правило основано на отборе комментариев, содержащих упоминание инфляции или цен совместно со словами, обозначающими рост: [«инфляц»|«цен»] & [«выс»|«выш»|«рост»|«раст»]. Устойчивость полученного индикатора инфляционных ожиданий к правилам отбора комментариев была подтверждена в исследовании И.О. Голощаповой [1]. Затем с помощью написанной автором на Python программы произведен расчет Big Data индикатора инфляционных ожиданий с ежедневной частотностью за период с сентября 2021 по декабрь 2022 г. Полученный индикатор аппроксимирует инфляционные ожидания российского населения. Его график представлен на рис. 3.

² Написанный код для сбора данных и построения индикаторов вместе с собранными данными размещены в репозитории: <https://github.com/AMatevosova/Modeling-the-impact-of-sanctions-on-inflation-expectations>

Источник: расчеты автора.

Рис. 3. Индикатор инфляционных ожиданий российского населения с ежедневной частотностью за период с сентября 2021 по декабрь 2022 г.

1.3. Проверка релевантности построенного индикатора инфляционных ожиданий

Для оценки релевантности построенного индикатора цели измерения инфляционных ожиданий сравним его динамику с динамикой индикаторов-аналогов. Полученный высокочастотный индикатор плохо сопоставим с индикаторами инфляционных ожиданий, рассчитываемыми на основе биржевых показателей, так как он в большей степени отражает инфляционные ожидания широких слоев населения, в то время как индикаторы на основе биржевого подхода направлены на выявление ожиданий участников финансового рынка. Конечно, их соотнесение может сказать об общих тенденциях инфляционных ожиданий в российской экономике, но плохо подходит для проверки релевантности высокочастотного индикатора на основе больших данных.

Подходящим для проверки релевантности индикатором-аналогом, несмотря на описанные в параграфе 1.1 недостатки, служат инфляционные ожидания, измеренные на основе опросов населения. Для сопоставления показателей возьмем медианный индикатор инфляционных ожиданий ФОМ. Этот индикатор так же, как и индикатор, построенный

на основе больших данных, выявляет инфляционные ожидания населения, поэтому подходит для оценки релевантности искомого индикатора. В силу того, что индикатор ФОМ публикуется с ежемесячной частотой, рассчитанный высокочастотный индикатор инфляционных ожиданий необходимо агрегировать до месячных показателей с помощью усреднения ежедневных показателей в течение месяца.

Источник: рассчитано автором по данным Банка России.

Рис. 4. График динамики Big Data индикатора и индикатора инфляционных ожиданий на основе опросов ФОМ

Как видно из рис. 4, в период с сентября 2021 г. по январь 2022 г. построенный автором индикатор хорошо сопоставим с индикатором инфляционных ожиданий ФОМ и в своей динамике опережает индикатор-аналог на один месяц. Однако в феврале 2022 г. Big Data индикатор не демонстрирует опережающего роста и продолжает свое падение. В марте 2022 г. оба индикатора совместно достигают своего глобального максимума за исследуемый период. Резкий рост инфляционных ожиданий населения в марте обусловлен масштабными изменениями в российской экономике на фоне беспрецедентного санкционного давления, вызвавшего резкий рост неопределенности. В этот период появились опасения со стороны населения относительно исчезновения части товаров в результате санкционных ограничений и разрыва логистических цепочек, что привело к возникновению ажиотажного спроса и к увеличению инфляционных ожиданий. Отсутствие опережающего роста Big Data индикатора в феврале связано с тем, что кардинальные изменения в российской экономике начали наблюдаться только в конце февраля и были непредсказуемы на протяжении большей части месяца. Феномен «черного лебедя», проявившийся в конце февраля, привел к резкому увеличению значений обоих индикаторов инфляционных ожиданий в марте. Но уже в апреле оба индикатора

начинают стремительное падение, которое замедляется в мае и приводит к относительной стабилизации индикаторов на уровне ниже докризисных значений в последующие 3 месяца на фоне адаптации российской экономики к новым условиям. В сентябре–октябре наблюдается рост индикаторов, и они совместно достигают максимума в октябре, что связано с усилением геополитической напряженности, вызвавшим новую волну неопределенности. Как видно из графика, Big Data индикатор сильнее отреагировал на новую волну роста инфляционных ожиданий, чем индикатор на основе опросов. В ноябре–декабре 2022 г. оба индикатора вновь показали схожую динамику, снизившись до летних уровней. Таким образом, Big Data индикатор достигает пиковых значений в марте и октябре 2022 г. совместно с индикатором ФОМ, в промежутках демонстрируя динамику, опережающую или отстающую от индикатора-аналога не более чем на 1 месяц.

Выявленная с помощью визуального анализа графиков взаимосвязь динамики двух индикаторов подтверждается и статистически. Как видно из табл. 1, наибольшая корреляция достигается в предположении о синхронной динамике индикаторов. В этом случае наблюдается статистически значимая на уровне 1% корреляция, которая составляет 63,4%.

Таблица 1

Корреляция с учетом различных лагов между временными рядами Big Data индикатора инфляционных ожиданий и индикатора на основе опросов ФОМ

	Лаг, мес.						
	-3	-2	-1	0	1	2	3
Корреляция Big Data индикатора с индикатором ФОМ	-0,002	-0,185	-0,191	0,634	0,426	0,049	-0,027

Источник: рассчитано автором по данным Банка России.

Полученные результаты согласовываются с выводами визуального анализа, демонстрируя значительную связь между индикаторами и подтверждая релевантность Big Data индикатора цели измерения инфляционных ожиданий.

2.1. Формирование инфляционных ожиданий населения

В экономической науке существуют две базовые теории, объясняющие формирование инфляционных ожиданий: концепция адаптивных ожиданий и концепция рациональных ожиданий. Однако в настоящее время эмпирические результаты все больше подтверж-

дают наличие смешанного характера формирования инфляционных ожиданий, в том числе на российских данных. Концепция рациональных ожиданий предполагает их формирование на основе всей доступной информации и учитывает влияние различных факторов. Но наличие информационного арбитража ведет к частичному нарушению рациональности ожиданий населения.

В исследовании Кэрролла [11] на основе анализа эмпирических данных выявлено, что формирование инфляционных ожиданий широких слоев населения в значительной мере происходит под воздействием мнений экспертов, представленных в СМИ. В работе Ларсена [15] на основе анализа больших объемов данных с использованием методов машинного обучения подтверждается влияние новостей СМИ на инфляционные ожидания. Исходя из концепции рациональной невнимательности, на российских данных была предпринята попытка рассмотрения негативных новостей в предположении, что население обращает на них особое внимание. В результате было подтверждено влияние негативных новостей на формирование инфляционных ожиданий российского населения [4]. В связи с этим можно отметить, что в современном мире формирование инфляционных ожиданий населения во многом происходит через призму новостей и мнений экспертов, ожидания которых хорошо описываются концепцией рациональных ожиданий. Таким образом, на инфляционные ожидания российского населения оказывает влияние целая совокупность факторов.

2.2. Определение факторов, с которыми население связывает инфляционные ожидания

Предполагается, что население связывает инфляционные ожидания с факторами, упоминаемыми интернет-пользователями в текстах комментариев совместно с ожиданиями роста цен. Опираясь на экономическую теорию, проведя выборочный анализ текстов тематических комментариев, а также учитывая результаты ответов респондентов на открытый вопрос ФОМ: «Почему Вы думаете, что цены вырастут сильно?», был составлен список факторов, потенциально влияющих на инфляционные ожидания российского населения в исследуемый период. Этот список включает следующие семь факторов: санкции, цены на энергоресурсы, валютный курс, денежно-кредитную политику, доходы, налоги и тарифы, неопределенность. В данном параграфе будет проверена гипотеза о потенциальном вкладе этих семи факторов в формирование инфляционных ожиданий российского населения. Для проверки этой гипотезы была построена система из семи индикаторов относительной упоминаемости потенциаль-

ных факторов в контексте инфляционных ожиданий по методике И.О. Голощаповой [1].

Индикатор упоминаемости фактора в контексте инфляционных ожиданий рассчитывается как отношение числа тематических комментариев, содержащих упоминание данного фактора к сумме числа выделенных факторов, содержащихся в комментарии, по всем тематическим комментариям за данный промежуток времени. То есть каждый комментарий участвует в сумме из знаменателя столько раз, сколько различных потенциальных факторов, влияющих на инфляционные ожидания, содержится в нем. Согласно методологии, один и тот же комментарий может быть отнесен к различным факторам. Наличие упоминания фактора в комментарии определяется с использованием регулярных выражений на основе индивидуальных правил, составленных для каждого фактора, потенциально влияющего на инфляционные ожидания (см. табл. 2).

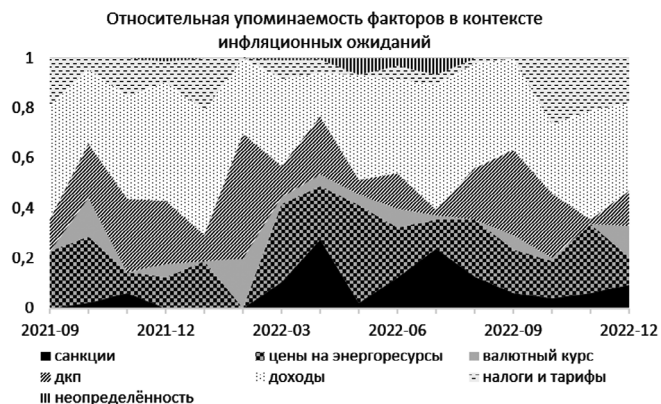
Таблица 2

Перечень факторов, влияющих на инфляционные ожидания, и правил отбора тематических комментариев

Фактор	Правило отбора
Санкции	[«санкц»]
Цены на энергоресурсы	[«нефт» «газ» «опек» «баррель»]
Валютный курс	[«курс» «укреп» «ослаб»] & [«валют» «рубл» «евро» «доллар»]
Денежно-кредитная политика	[«ключ» «ставк» «цб» «рефинанс» «репо» «дкп» «денежно-кредитн» «центробанк»]
Доходы	[«заработ» «зарп» «зп» «з/п» «пенс» «доход»]
Налоги и тарифы	[«налог» «ндс» «ндфл» «тариф»]
Неопределенность	[«неопред» «непонят» «нестабильн» «неуверен» «неизв» «непредск» «неустойч» «неясн»]

Источник: составлено автором.

На основе сформированных правил отбора была построена система из семи высокочастотных индикаторов относительной упоминаемости выделенных факторов в контексте инфляционных ожиданий. Результаты расчетов отражены на графике (см. рис. 5), из которого видно, что все семь выделенных факторов вносят значимый вклад в формирование инфляционных ожиданий российского населения в исследуемый период, что подтверждает сформулированную гипотезу.

Источник: расчеты автора.

Рис. 5. Факторы, с которыми население связывает инфляционные ожидания

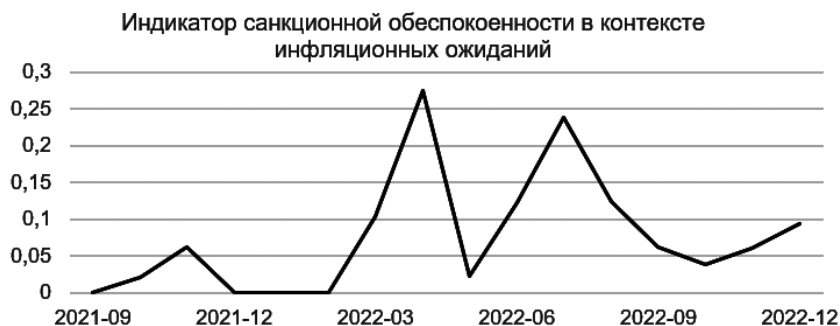
Как видно из графика (см. рис. 5), в течение исследуемого периода меняется роль различных факторов в формировании инфляционных ожиданий российского населения, что во многом связано с изменениями внешних условий и новостного потока.

2.3. Анализ относительной упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий

Так как целью работы является исследование влияния санкций на инфляционные ожидания российского населения, то особый интерес в построенной системе из семи факторных индикаторов представляет индикатор упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий. Поэтому дальнейший анализ будет сконцентрирован на одном из семи построенных в предыдущем параграфе факторных индикаторов, а именно на индикаторе упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий.

Как видно из графика индикатора упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий с ежемесячной частотой (см. рис. 6), в феврале 2022 г. еще не наблюдался рост индикатора, несмотря на введение первых трех пакетов антироссийских санкций в конце февраля.

В это время население стало больше связывать инфляционные ожидания с такими факторами, как проводимая денежно-кредитная политика и валютный курс, что видно из роста индикаторов относительной упоминаемости денежно-кредитной политики и валютного курса в контексте инфляционных ожиданий (см. рис. 5). Отсутствие роста индикатора упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий в феврале объясняется, во-первых, феноменом «черного лебедя», проявившимся только в конце месяца, а, во-вторых, пер-

Источник: расчеты автора.

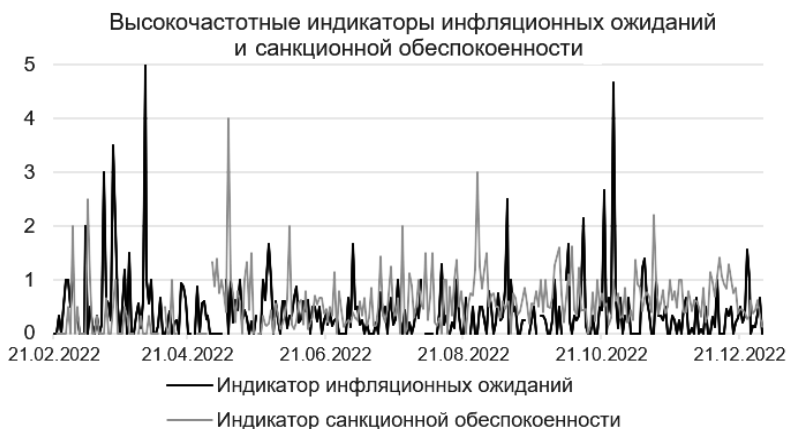
Рис. 6. График индикатора упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий с ежемесячной частотой

воначальной обеспокоенностью населения его последствиями – ослаблением курса рубля и повышением ключевой ставки до 20% годовых.

Население начинает связывать инфляционные ожидания непосредственно с санкциями только в марте 2022 г., что отражено в начавшемся росте индикатора упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий, который достигает своего пика в апреле 2022 г., когда были введены уже пять пакетов антироссийских санкций. В мае индикатор упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий демонстрирует значительное падение, которое совпадает со снижением инфляционных ожиданий населения на фоне адаптации российской экономики к масштабным ограничениям. Снижение относительной упоминаемости санкций в контексте инфляционных ожиданий связано с увеличением степени соотношения населением инфляционных ожиданий с другими факторами – с доходами и ценами на энергоресурсы, что видно из роста индикаторов упоминаемости соответствующих факторов в контексте инфляционных ожиданий (см. рис. 5). Увеличение упоминаемости цен на энергоресурсы в контексте инфляционных ожиданий в мае связано с обсуждением введения эмбарго на российскую нефть со стороны Евросоюза. В летний период Big Data индикатор инфляционных ожиданий стабилизировался на уровне ниже докризисных значений, но на фоне введения шестого и седьмого пакетов санкций обеспокоенность ими со стороны населения вновь начала расти, достигнув пика в июле. Исходя из динамики индикатора, видно, что население в некоторой степени связывало инфляционные ожидания с санкциями и в конце 2021 г. Это объясняется тем, что Россия подвергалась санкционному давлению, начиная с 2014 г. На протяжении периода с 2014 по 2021 г. антироссийские санкции расширялись и продлевались, но по своему масштабу оставались несопоставимыми с беспрецедентными санкциями 2022 г.

2.4. Анализ влияния санкций на инфляционные ожидания российского населения

Для анализа влияния санкций на инфляционные ожидания российского населения был построен высокочастотный индикатор санкционной обеспокоенности. Данный индикатор отражает интенсивность обсуждения тематики санкций среди населения. Методика построения этого индикатора схожа с методикой построения высокочастотного индикатора инфляционных ожиданий. Вначале были выделены посты, соответствующие тематике санкций и опубликованные 10 крупными российскими СМИ на официальных страницах в сети ВКонтакте. Отбор происходил по принципу наличия в тексте постов ключевых слов с основой «санкции». Затем с помощью написанной автором программы на Python были собраны комментарии к выделенным постам, среди которых на основе регулярных выражений были выделены комментарии, содержащие упоминание санкций. Индикатор санкционной обеспокоенности был рассчитан как отношение числа тематических комментариев, соответствующих тематике санкций, к числу тематических новостных постов, содержащих упоминание санкций. С целью оценки влияния санкций на инфляционные ожидания российского населения был проведен тест Грейнджера для высокочастотных временных рядов индикаторов санкционной обеспокоенности и инфляционных ожиданий (см. рис. 7).

Источник: расчеты автора.

Рис. 7. Высокочастотные индикаторы инфляционных ожиданий и санкционной обеспокоенности

По результатам проведенного теста Грейнджера на уровне значимости 10% санкционная обеспокоенность оказалась причиной по Грейнджеру для инфляционных ожиданий.

Заключение

Таким образом, оказываемое санкционное давление на российскую экономику ведет к необходимости повышения эффективности проводимой экономической политики посредством применения инновационных подходов для измерения инфляционных ожиданий на высокочастотном уровне в режиме реального времени. Рассмотренный в статье высокочастотный способ оценки инфляционных ожиданий на основе больших данных подтвердил свою релевантность и эффективность в условиях санкционного давления, а также доказал значимый вклад санкций в формирование инфляционных ожиданий населения в исследуемый период. С помощью построенных высокочастотных индикаторов на уровне значимости 10% установлено, что санкционная обеспокоенность является причиной по Грейнджеру для инфляционных ожиданий российского населения. Тем самым данное исследование продемонстрировало перспективность высокочастотных подходов к измерению экономических показателей на основе больших данных в условиях санкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голощапова И.О. Разработка методики построения высокочастотных индикаторов экономических ожиданий населения на основе больших данных (на примере инфляционных ожиданий) // Автореф. дисс. ...канд. экон. наук. М., 2018.
2. Голощапова И.О., Андреев М.Л. Оценка инфляционных ожиданий российского населения методами машинного обучения // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 71–93.
3. Жемков М.И., Кузнецова О.С. Измерение инфляционных ожиданий участников финансового рынка в России // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 111–122.
4. Евстигнеева А., Картов Д. Влияние негативных новостей на восприятие инфляции населением // Серия докладов об экономических исследованиях Банка России. 2023. № 111.
5. Angelico C., Marucci J., Miccoli M., Quarta F. Can we measure inflation expectations using Twitter? // Journal of Econometrics. 2022. Vol. 228. Iss. 2. Pp. 259–277.
6. Aromí J.D., Llada M. Forecasting inflation with twitter // Asociación Argentina de Economía Política. 2020. № 43080.
7. Askitas N., Zimmerman K. Google econometrics and unemployment forecasting // Applied Economics Quarterly. 2009. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 107–120.
8. Bauer M.D. Inflation Expectations and the News // International Journal of Central Banking. 2015. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 1–40.
9. Berk J.M. Measuring inflation expectations: a survey data approach // Applied Economics. 1999. Vol. 31. Iss. 11. Pp. 1467–1480.
10. Bernanke B. What policymakers can learn from asset prices // Speech before the Investment Analyst Society of Chicago, 2004. April 15.
11. Carroll C.D. Macroeconomic Expectations of Households and Professional Forecasters // Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118. Iss. 1. Pp. 269–298.

12. *Choi, H., Varian H.* Predicting the present with Google Trends // Technical Report, Google Inc, 2009.
13. *D'Amuri F.* Predicting unemployment in short samples with internet job search query data // MPRA Paper 18403, 2009.
14. *Guzman G.* Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations // The Journal of Economic and Social Measurement. 2011. No. 3. Vol. 36.
15. *Larsen V.H., Thorsrud L.A., Zhulanova J.* News-driven Inflation Expectations and Information Rigidities // Journal of Monetary Economics. 2020. Vol. 117. Pp. 507–520.

REFERENCES

1. *Goloshchapova I.O.* Development of a methodology for constructing high-frequency indicators of economic expectations of the population based on big data (on the example of inflation expectations) // Autoref. diss.... candidate of Economic Sciences. M., 2018. (In Russ.)
2. *Goloshchapova I., Andreev M.* Measuring inflation expectations of the Russian population with the help of machine learning // Voprosy Ekonomiki. 2017. № 6. P. 71–93. (In Russ.)
3. *Zhemkov M., Kuznetsova O.* Measuring inflation expectations in Russia using stock market data // Voprosy Ekonomiki. 2017. № 10. P. 111–122. (In Russ.)
4. *Evtigneeva A., Karpov D.* The Impact of Negative News on Public Perception of Inflation // Bank of Russia Working Paper Series. 2023. No. 111. (In Russ.)
5. *Angelico C., Marucci J., Miccoli M., Quarta F.* Can we measure inflation expectations using Twitter? // Journal of Econometrics. 2022. Vol. 228. Iss. 2. Pp. 259–277.
6. *Aromí J.D., Llada M.* Forecasting inflation with twitter // Asociación Argentina de Economía Política. 2020. № 43080.
7. *Askitas, N., Zimmerman, K.* Google econometrics and unemployment forecasting // Applied Economics Quarterly. 2009. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 107–120.
8. *Bauer M.D.* Inflation Expectations and the News // International Journal of Central Banking. 2015. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 1–40.
9. *Berk J.M.* Measuring inflation expectations: a survey data approach // Applied Economics. 1999. Vol. 31. Iss. 11. Pp. 1467–1480.
10. *Bernanke B.* What policymakers can learn from asset prices // Speech before the Investment Analyst Society of Chicago. 2004. April 15.
11. *Caroll C.D.* Macroeconomic Expectations of Households and Professional Forecasters // Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118. Iss. 1. Pp. 269–298.
12. *Choi, H., Varian, H.* Predicting the present with Google Trends // Technical Report, Google Inc, 2009.
13. *D'Amuri F.* Predicting unemployment in short samples with internet job search query data // MPRA Paper 18403, 2009.
14. *Guzman G.* Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations // The Journal of Economic and Social Measurement. 2011. Vol. 36. No. 3.
15. *Larsen V.H., Thorsrud L. A., Zhulanova J.* News-driven Inflation Expectations and Information Rigidities // Journal of Monetary Economics. 2020. Vol. 117. Pp. 507–520.

Дата поступления рукописи: 30.06.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матевосова Анастасия Михайловна – студент бакалавриата экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший лаборант Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
nastya.m.2003@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia M. Matevosova – student of the Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, senior laboratory assistant at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nastya.m.2003@yandex.ru

RUSSIANS' INFLATION EXPECTATIONS UNDER SANCTIONS: BIG DATA RESEARCH

In 2022, Russian economy faced unprecedented sanctions pressure from the Western countries. Against this background, the government and the Central Bank need to constantly monitor the economic situation in the Russian Federation in order to take timely and effective measures. A high-frequency indicator of inflation expectations based on big data can help in solving this problem. The author identifies significant shortcomings of the existing approaches to the assessment of inflation expectations that make the possibility of their application under sanctions questionable. Based on the developed high-frequency indicators of inflation expectations, sanctions concern and the frequency of sanctions mentioning in the context of inflation expectations, she analyzes the impact of sanctions on the inflation expectations of the Russian population. The method of assessing inflation expectations based on big data has proved effective under sanctions and demonstrated the impact of sanctions on forming inflation expectations of the Russian population.

Keywords: *sanctions, inflation expectations, high-frequency indicator, inflation.*

JEL: F51, E31, D84, C55, C82.